

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

Сёмин П. О. Некоторые закономерности установления региональных категорий особо охраняемых природных территорий

Хачатуров А. Д. Трансформации режимов правительности под влиянием новых областей знания: случай поведенческой экономики

Харви Д. Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений

Muleev E. Why Do Marshrutkas Exist in One City and Not in Others? Toward a Political Economy of Route in Russian Urban Public Transportation

**Экономическая
социология**
Т. 21. № 2.
Март 2020

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus (3 квартал).

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by the National Research University Higher School of Economics (HSE).

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus (Q3).

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 21. No 1.
January 2020

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya street,
room 530
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Экономическая
социология
Т. 21. № 2.
Март 2020

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Редактор выпуска:

Вёрстка:

Корректор:

Ответственный
секретарь:

Сотрудники редакции:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Соколова Татьяна Виленовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Международный редакционный совет

Ашвин Сара
(Ashwin, Sarah)

Гербер Тед
(Gerber, Ted)

Гусева Аля (Guseva, Alya)

Зависка Джейн (Zavisca, Jane)

Линднер Петер
(Lindner, Peter)

Сводер Кристофер
(Swader, Christopher)

Якубович Валерий
(Yakubovich, Valery)

Лондонская школа экономики и политических наук
(Великобритания)

Висконсинский университет в Мэдисоне
(США)

Университет Бостона (США)

Университет Аризоны (США)

Университет Франкфурта-на-Майне
им. И. В. Гёте (Германия)

Лундский университет (Швеция)

Бизнес-школа ESSEC (Франция)

Редакционный совет

Богомолова
Татьяна Юрьевна

Веселов
Юрий Васильевич

Волков
Вадим Викторович

Гимпельсон
Владимир Ефимович

Лапин
Николай Иванович

Малева
Татьяна Михайловна

Овчарова
Лилия Николаевна

Радаев
Вадим Валерьевич
(главный редактор)

Хахулина
Людмила Александровна

Чепуренко Александр Юльевич

Шанин Теодор

Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН (Россия)

Санкт-Петербургский государственный
университет (Россия)

Европейский университет
в Санкт-Петербурге (Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

Институт философии РАН (Россия)

Институт социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

Аналитический центр Юрия Левады
(Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

Московская Высшая школа
социальных и экономических наук (Россия)

- National Research
University
Higher School of
Economics
- Vadim Radaev

Editors

Editor-in-Chief:	Vadim Radaev (HSE, Russia)
Editor:	Tatyana Sokolova (HSE, Russia)
Design and Layout:	Maria Mishina (Russia)
Proofreader:	Nadezda Andrianova (HSE, Russia)
Managing Editor:	Zoya Kotelnikova (HSE, Russia)
Editorial Staff:	Natalia Conroy (HSE, Russia)

International Editorial Council

Sarah Ashwin	The London School of Economics and Political Science (UK)
Ted Gerber	University of Wisconsin-Madison (USA)
Alya Guseva	Boston University (USA)
Peter Lindner	Goethe University Frankfurt (Germany)
Christopher Swader	Lund University (Sweden)
Valery Yakubovich	ESSEC Business School (France)
Jane Zavisca	The University of Arizona (USA)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova	Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)
Alexander Chepurenko	HSE (Russia)
Vladimir Gimpelson	HSE (Russia)
Lyudmila Khakhulina	Yuri Levada Analytical Center (Russia)
Nikolay Lapin	Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Russia)
Tatyana Maleva	Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)
Lilia Ovcharova	HSE (Russia)
Vadim Radaev (Editor-in-Chief)	HSE (Russia)
Theodor Shanin	Moscow School of Social and Economic Sciences (Russia)
Yuriy Veselov	Saint Petersburg State University (Russia)
Vadim Volkov	European University at Saint Petersburg (Russia)

Содержание

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*) 7

Тексты на русском языке

Новые тексты

П. О. Сёмин

Некоторые закономерности установления региональных категорий
особо охраняемых природных территорий. 11

А. Д. Хачатуров

Трансформации режимов правительности под влиянием новых областей знания:
случай поведенческой экономики. 39

Новые переводы

Д. Харви

Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений..... 62

Новые книги

Б. А. Белявский

«Враг моего врага», или Об объединяющем потенциале рыночного радикализма

Рецензия на книгу: Posner E. A., Weyl G. E. 2018. *Radical Markets: Uprooting Capitalism and
Democracy for a Just Society*. Princeton; Oxford: Princeton University Press..... 76

Конференции

И. П. Рязанцев, В. Г. Писаревский

Философия раннего христианства и вызовы цифровизации.

Международная конференция «Философия раннего христианства
в эпоху цифровизации», Католический университет Фужэнь, Тайвань, 6–7 декабря 2019 г. 91

Текст на английском языке

Beyond Borders

E. Muleev

Why do Marshrutkas Exist in One City and Not in Others?

Toward a Political Economy of Routes in Russian Urban Public Transportation..... 99

Contents

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*)..... 7

Texts in Russian

New Texts

Pavel Syomin

Some Regularities in Establishing Regional Categories of Specially Protected Natural Territories..... 11

Arnold Khachaturov

Transformations of Governmentality Regimes under the Influence
of New Areas of Knowledge: the Case of Behavioral Economics 39

New Translations

David Harvey

The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change (an excerpt) 62

New Books

Boris Belyavskiy

The Enemy of My Enemy or About the Uniting Potential of Market Radicalism.

Book Review: Posner E. A., Weyl G. E. 2018. *Radical Markets: Uprooting Capitalism
and Democracy for a Just Society*. Princeton; Oxford: Princeton University Press..... 76

Conferences

Igor Ryazantsev, Vasiliy Pisarevskiy

The Philosophy of Early Christianity and the Challenges of Digitalization.

International Conference "Philosophy of Early Christianity in the Era of Digitalization,"

Fu Jen Catholic University, Taiwan, December 6–7, 2019..... 91

Text in English

Beyond Borders

Egor Muleev

Why do Marshrutkas Exist in One City and Not in Others? Toward a Political Economy of Routes in Russian Urban Public Transportation..... 99

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели,

представляем вам новый номер нашего журнала.

В рубрике «**Новые тексты**» мы публикуем статью *П. О. Сёмина* (независимый исследователь, г. Нижний Тагил) «Некоторые закономерности установления региональных категорий особо охраняемых природных территорий». В статье выделяется несколько крупных групп региональных категорий: охраняемые природные объекты (аналоги памятников природы); охраняемые ландшафты и природные комплексы; охраняемые зелёные насаждения в населённых пунктах; рекреационные местности; территории историко-культурного назначения (напоминающие объекты культурного наследия). Их анализ позволил сделать выводы о трёх отрицательных качествах феде-

рального российского законодательства — о его нестабильности, об избыточной жёсткости системы категорий на федеральном уровне, о наличии изъянов в правовой охране территорий, важных для сохранения биоразнообразия, отдыха людей и поддержания экологического равновесия.

В этой же рубрике размещена работа выпускника магистерской программы «Социология и политическая философия» Московской высшей школы социальных и экономических наук *А. Д. Хачатурова* «Трансформации режимов правительности под влиянием новых областей знания: случай поведенческой экономики». Статья представляет собой обзор актуальной научной литературы, анализирующей последствия растущей популярности поведенческой экономики в поле государственного управления и публичной политики. Анализируя внедрение рекомендаций так называемой теории подталкиваний (*nudge theory*) Ричарда Талера и Кассы Санстейна во многих странах, автор задаётся вопросом о том, сможет ли поведенческая экономика стать новой парадигмой экономической политики, или же мы наблюдаем радикализацию неолиберализма. Используя аналитику правительности (*gouvernementalité*) Мишеля Фуко, автор показывает, что концептуальные изменения в экономической теории заметно влияют на баланс властных отношений в обществе.

В рубрике «**Переводы**» мы знакомим читателей с фрагментом книги *Дэвида Харви* (почётный профессор Городского университета в Нью-Йорке, США) «Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений». В этой книге представлено глубокое исследование природы постмодернизма как исторического состояния. Журнал публикует десятый параграф «Теоретическое осмысление перехода» из второй части книги — «Политико-экономическая трансформация капитализма конца XX века». В нём автор показывает, что существующие теории испытывают сложности в объяснении наблюдаемого исторического перехода от фордизма к гибкому накоплению. Чтобы преодолеть эти трудности, профессор Харви предлагает вернуться к истокам и рассмотреть логику капитализма в целом через обращение к марксовым теориям. Перевод с английского *Николая Проценко*. Публикуется с разрешения Издательского дома ВШЭ.

В рубрике «**Новые книги**» *Б. А. Белявский* (ЛЭСИ НИУ ВШЭ) рецензирует книгу *Эрика Познера* и *Глена Вейла* «Радикальные рынки: обнажение корней капитализма и демократии во имя справедливого общества» (Posner E. A., Weyl G. E. 2018. *Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society*. Princeton; Oxford: Princeton University Press). Книга посвящена поиску решений проблем неравенства и стагнации. Авторы заявляют, что для их преодоления необходимо комбинировать теоретические решения «левых» и «правых», что позволит создать институциональное устройство,

максимально отвечающее таким принципам рынка, как свобода, конкуренция и открытость. Рецензент же убеждён, что предлагаемые авторами рассуждения последовательно развивают «правую» либеральную традицию.

В рубрике «**Конференции**» доктор экономических наук *И. П. Рязанцев* и кандидат социологических наук *В. Г. Писаревский* (оба представляют Информационно-аналитический центр факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета) делают обзор международной конференции «Философия раннего христианства и вызовы цифровизации», которая прошла 6–7 декабря 2019 г. в Тайбэе (Тайвань). На конференции были предприняты попытки осмысления тенденций развития социального процесса цифровизации, в том числе с позиций раннехристианских мыслителей.

Тексты на английском

Е. Ю. Мулеев (научный сотрудник Института экономики транспорта и транспортной политики НИУ ВШЭ) публикует результаты своего исследования по политической экономии российского городского общественного транспорта, который претерпел значительные изменения после распада СССР. Автор пытается ответить на непростой вопрос: почему в одних российских городах маршрутки фактически вытеснили все прочие виды общественного транспорта, а в других они практически отсутствуют? Данные были собраны в ходе 19 интервью, записанных в разных городах России в 2016 г. Различия между городами объясняются через специфику выстраивания прав собственности в транспортной сфере и пространственные характеристики городской индустриальной среды.

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

Let us introduce a new issue of our journal to you.

Pavel Syomin (independent researcher, Nizhniy Tagil, Russia) presents a study “Some Regularities in Establishing Regional Categories of Specially Protected Natural Territories.” Several large groups of regional categories are delineated, including protected natural objects (analogous to natural monuments), protected landscapes and natural complexes, protected green zones of populated localities, recreational areas, and areas of historical and cultural designation, which are similar to objects of cultural heritage. Syomin’s analysis points out three deficiencies of Russian federal legislation on protected areas: unstable legislation, the excessively rigid federal categories system, and flaws in the protection of areas valuable for the conservation of biodiversity, recreation, and support for ecological balance.

Arnold Khachaturov (Moscow, Russia) writes on “Transformations of Governmentality Regimes under the Influence of New Areas of Knowledge: The Case of Behavioral Economics.” The article provides a review of the relevant scientific literature on the consequences of the growing popularity of behavioral economics in the field of public administration and public policy. Examining how the recommendations of the so-called nudge theory by Richard Thaler and Cass Sunstein are being introduced in many countries at the national government level, Khachaturov poses the question of whether behavioral economics can become the new paradigm of economic policy, or whether we are witnessing the radicalization of neoliberalism. Using Michel Foucault’s governmentality analytics and existing research on this topic, the author shows that conceptual changes in economic theory significantly influence the balance of power relations in society.

Then, we publish a translated extract from the 1989 book by David Harvey (Distinguished Professor at the Graduate Center, City University of New York). *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change* presented a deep inquiry into the nature of postmodernism, which is considered a historical phenomenon. We publish the tenth chapter, “Theorizing the Transition,” from the second part of the book, “The Political-Economic Transformation of Late Twentieth-Century Capitalism.” In this chapter, the author demonstrated that existing theories had difficulties in explaining the observed historical transition from Fordism to flexible accumulation. To overcome these problems, Prof. Harvey proposed a return to capitalism’s origins to reconsider its logic generally with the help of Marx’s theories.

Boris Belyavskiy (research intern at Laboratory for Studies in Economic Sociology, Moscow, Russia) reviews a book by Eric A. Posner and Glen E. Weyl, *Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society* (2018). The book concentrates on solutions to the problems of inequality and stagnation. The authors claim that the solution needs a combination of left and right theoretical principles. In contrast, Belyavsky argues that the reasoning presented in the book rather develops the right liberal tradition instead.

Dr. Igor Ryazantsev and Dr. Vasiliy Pisarevskiy (Information and Analytical Center at the Faculty of Social Sciences of St. Tikhon’s Orthodox Humanitarian University, Moscow, Russia) review an international conference, “Philosophy of Early Christianity and the Challenges of Digitalization,” which was held at Fu Jen Catholic University in the capital of Taiwan, Taipei, from December 6 to 7, 2019. The conference participants explored trends in the development of the social process of digitalization, including the views of the early Christian thinkers.

Text in English

Yegor Muleev (Institute for Transport Economics and Transport Policy Studies, HSE, Moscow, Russia) contributes a paper on the political economy of Russian urban public transportation, which has changed significantly since the fall of the USSR. The author tries to explain why, in some cities, *marshrutkas* have completely replaced the classical public modes of transportation, whereas in other cities these minibuses are entirely absent. Data were collected from 19 in-depth interviews conducted in 2016 in various Russian cities. The difference between cities is described in terms of a continuance of property rights and through spatial characteristics of the industrial backgrounds.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

П. О. Сёмин

Некоторые закономерности установления региональных категорий особо охраняемых природных территорий

СЁМИН Павел Олегович — независимый исследователь, г. Нижний Тагил, Россия.

Email: ntsp@ya.ru

Охрана окружающей среды и особо охраняемые природные территории находятся в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов. В частности, субъекты вправе устанавливать категории особо охраняемых природных территорий (региональные категории) помимо категорий, предусмотренных Федеральным законом «Об особо охраняемых природных территориях». Разнообразие региональных категорий изучено поверхностно, хотя такие исследования формируют теоретическую основу для совершенствования законодательства и позволяют сформулировать более общие выводы о российском законодательстве по предметам совместного ведения. Цель данной работы — определить закономерности деятельности субъектов России по установлению региональных категорий. Для этого был составлен полный список региональных категорий по состоянию на 1 августа 2019 г. Названия региональных категорий были обработаны с использованием таких методов статистического анализа текстов на естественном языке, как облако слов, анализ биграмм, корреляции слов, векторные репрезентации фраз с помощью Fasttext и их кластеризация. В результате можно выделить несколько крупных групп региональных категорий: охраняемые природные объекты (аналоги памятников природы); охраняемые ландшафты и природные комплексы; охраняемые зелёные насаждения в населённых пунктах; рекреационные местности; территории историко-культурного назначения (напоминающие объекты культурного наследия). Некоторые субъекты восполняют пробелы федерального регулирования: в порядке опережающего регулирования устанавливают специальные правила для территорий с международным статусом (например, для водно-болотных угодий) или заимствуют отдельные элементы классификации охраняемых территорий, разработанной Международным союзом охраны природы. Однако некоторые региональные категории свидетельствуют о низком уровне юридической техники регионального законодательства. Анализ региональных категорий позволяет сделать выводы о трёх отрицательных качествах федерального российского законодательства об охраняемых территориях — о его нестабильности, об избыточной жёсткости системы категорий на федеральном уровне, о наличии изъянов в правовой охране территорий, важных для сохранения биоразнообразия, отдыха людей и поддержания экологического равновесия.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории; региональное законодательство; категории; экологическое право; российский федерализм; эмпирическое правоповедение; статистический анализ текстов; Fasttext.

Введение

В России простор для деятельности региональных законодателей не столь велик, как в других федерациях [Анисимов 2019b: 104]. Тем не менее субъекты принимают довольно много нормативных актов, регулирующих правоотношения в сфере совместного ведения, — конституционные, административные, бюджетные, налоговые, экологические, жилищные [Андриченко, Юртаева 2013: 12]. В результате сформировалось региональное законодательство, называемое некоторыми специалистами региональными элементами правовой системы России [Ромашов, Сергеев 2003; Личичан 2009; Казанцев 2013]. Региональное законодательство сейчас развивается в жёстких и узких рамках, установленных на федеральном уровне, и характеризуется унификацией [Личичан 2009; Андриченко, Юртаева 2013: 12], однако некоторые автономия и своеобразие сохраняются. В частности, в сфере экологии региональное законодательство характеризуется значительным разнообразием — в том числе потому, что природные условия и экологическая ситуация в разных субъектах Федерации существенно различаются, и право должно это учитывать [Боголюбов 2003: 7; Круглов 2010: 16]. Нормы экологического права в субъектах отличаются, и в регионах могут появляться нормы и даже институты права, отсутствующие на федеральном уровне. Специализация и интеграция — параллельные процессы, поэтому там, где есть разнообразие, можно искать и некоторые общие закономерности. Эколог назвал бы их «паттерны», или «широко наблюдаемые тенденции» [Lawton 1999]. Благодаря относительной автономии законодательных массивов каждого региона и их довольно большому количеству (85 — по числу субъектов) можно считать, что эти закономерности существуют независимо от воли конкретных лиц, участвующих в законотворчестве. Экологическое законодательство, таким образом, оказывается удобным объектом для эмпирического исследования правотворческой деятельности органов государственной власти на региональном (и потенциально местном) уровне. Удобство объекта сочетается с его важностью, поскольку от качества регионального законодательства, эффективности регулирования, учёта местной специфики косвенно зависит реализация права на благоприятную окружающую среду и, в общем — состояние окружающей среды и устойчивое развитие территории.

Территориальная охрана окружающей среды и особо охраняемые природные территории как её центральный компонент относятся к ключевым мерам сохранения биологического разнообразия, при этом их эффективность в отсутствие достаточных правовых и политических инструментов оказывается под вопросом. Следовательно, проблемы нормативного регулирования особо охраняемых природных территорий имеют большое значение [Lausche 2011: 3]. Российское законодательство об особо охраняемых природных территориях во многих аспектах допускает значительную региональную специфику [Крусс, Вихрова 2017: 2]. Таким образом, изучение региональной специфики правового регулирования особо охраняемых природных территорий в России, во-первых, показательно в теоретическом и методологическом плане, а во-вторых, имеет практический смысл.

Правовое регулирование особо охраняемых природных территорий строится вокруг системы категорий таких территорий. В России категории особо охраняемых природных территорий устанавливаются на двух уровнях — федеральном и региональном [Анисимов, Рыженков, Чаркин 2019: 250]. На федеральном уровне категории особо охраняемых природных территорий перечислены в Федеральном законе «Об особо охраняемых природных территориях» (№ 33-ФЗ от 14 марта 1995 г.; далее — закон об особо охраняемых природных территориях). К таким территориям относятся государственные природные заповедники, национальные парки, государственные природные заказники, природные парки, памятники природы, дендрологические парки и ботанические сады. Иные категории (условно говоря, региональные) могут быть установлены законами субъектов России. Субъекты Федерации активно используют это полномочие, в результате чего «региональных» категорий насчитывается более 250 [Иванов, Чижова 2019: 49].

Обычно разговор о региональных категориях ограничивается упоминанием нескольких примеров [Анисимов, Рыженков, Чаркин 2019: 250; Иванов, Чижова 2019: 49]. Есть только одна статья с относительно подробным, хотя нет гарантии, что полным, перечнем; см.: [Галсанова 2016]. Региональные категории в некоторых случаях оцениваются как «дублирующие» по отношению к категориям, установленным на федеральном уровне, либо вводящие режим охраны, не предусмотренный федеральным законом [Хмелёва 2009: 55; Галсанова 2016]. Методика выявления «дублей» и несоответствий не поясняется, источники фактических данных не указываются. Есть одна статья с обобщениями о задачах и проблемах категорий, установленных в качестве особо охраняемых природных территорий местного значения, однако она опирается не на полный список таких категорий, а на небольшое количество примеров; кроме того, в ней не учтены категории, установленные в качестве особо охраняемых природных территорий регионального значения [Изьуров, Огородовая 2015]. В целом наблюдается следующая картина: несмотря на то что все знают о многообразии региональных категорий, внимание обычно сосредоточивается на шести главных категориях, установленных на федеральном уровне, а вопросы, касающиеся региональных категорий, затрагиваются поверхностно — как частный случай и не очень важная тема. Если где-то и упоминается о важности региональных категорий в контексте осуществления природоохранных полномочий субъектов России, то без дальнейшего обсуждения. Почти нет попыток выйти за рамки короткого списка примеров региональных категорий или региональных категорий отдельно взятого субъекта и углубиться в тему, то есть систематизировать региональные категории и выявить закономерности, связанные с их установлением. А ведь подробное исследование данного вопроса имеет множество практических и даже теоретических выходов. Во-первых, обобщение регионального законодательства может подсказать направления совершенствования федерального законодательства; например, если выяснится, что региональные категории образуют относительно оформленную группу со специфическими природоохранными задачами, которые актуальны для значительной части территории страны, но тем не менее не восприняты на федеральном уровне. Во-вторых, могут найтись причины для корректировки регионального законодательства; например, если подтвердится гипотеза о «дублировании» и о несоответствиях. В-третьих, изучение региональных категорий поможет проверить предположения о том, какие факторы действительно влияют на региональное законодательство в экологической сфере: есть ли здесь стремление к созданию «эффективных правовых механизмов регулирования взаимоотношений общества и природы» [Васильева 2005]; как сочетаются «опережающее нормотворчество» с «делегированным регулированием» [Болтанова 2016]. Наконец, особенности законодательства субъектов России по отдельно взятому вопросу категорий особо охраняемых природных территорий встраиваются в более широкий контекст специфики правотворческой деятельности органов государственной власти на региональном уровне в России, поэтому исследование на такую тему способно привести к выводам, выходящим за узкие рамки экологической тематики и имеющим более общее значение для понимания, например, отличительных свойств российского федерализма.

Итак, *объектом исследования* является законодательная деятельность органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а *предметом* — категории особо охраняемых природных территорий, установленные в субъектах России, не предусмотренные законом об особо охраняемых природных территориях (региональные категории). *Цель работы* — на основе систематизации региональных категорий выявить закономерности деятельности законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации по правовому регулированию особо охраняемых природных территорий.

Методология

Законодательство обычно изучают специально-юридическими методами. Методы естественных и социальных наук используются не очень широко, тем не менее их интеграция в юриспруденцию — пер-

спективное направление научной работы. Одно из междисциплинарных направлений формируется на стыке юриспруденции и информационных технологий. В бизнесе на этой границе возникли компании LegalTech (от англ. *legal technology* — юридическая технология), предоставляющие различные высокотехнологичные юридические сервисы. В научно-теоретической сфере синтез правоведения и информатики называют информационным подходом к праву. В рамках информационного подхода право рассматривается как текст [Черданцев 2012]. Этот текст обычно создан на одном из естественных языков — тех, на которых говорят люди. Компьютеры работают с кодом программ, написанных на формализованных искусственных языках программирования, поэтому машинная обработка текстов, предназначенных для людей, является сложной задачей в сфере информационных технологий. Существуют и продолжают развиваться методы обработки текстов на естественном языке, которые можно использовать как в практической, так и в теоретической юриспруденции [Савельев 2018].

Широкое распространение справочно-правовых систем, средств подбора судебной практики, конструкторов договоров и иных программ, без которых сложно представить работу современного юриста, — наглядный пример реализации информационного подхода и применения технологий автоматизированной обработки текстов в прикладном плане. В юридической науке изучается сложность правовых актов. Важность этого вопроса объясняется, в частности, тем, что чем проще язык нормативного документа, тем легче его толковать и применять [Головина 2017; Кучаков, Савельев 2018]. При исследовании законодательной деятельности предметом могут быть не только тексты правовых актов, но и их количество и хронология принятия или изменения [Ткаченко 2017]. Очевидно, что методы обработки текстов на естественном языке позволяют работать и со смыслом норм права, однако технологии пока далеки от совершенства, поэтому правила и ограничения применения подобных методов, особенно с учётом отраслевой специфики права, являются предметом дискуссии [Chalkidis, Kampas 2018]. Таким образом, помимо основной цели, данная работа направлена также на то, чтобы опробовать некоторые методы анализа текстов на естественном языке для исследования такой правовой конструкции, как категории особо охраняемых природных территорий.

Региональные категории разнородны. Чтобы выявить какие-то закономерности, нужно систематизировать региональные категории, сгруппировать их. Систематизация категорий особо охраняемых природных территорий — нетривиальная задача, которая редко ставится, и для неё нет конкретной методики. Понятно, что Международный союз охраны природы и природных ресурсов — МСОП (International Union for Conservation of Nature and Natural Resources — IUCN) при разработке универсальной системы категорий обобщал информацию о множестве категорий охраняемых территорий по всему миру, однако методика его работы не описывается [Dudley 2008]. В российских научных работах речь обычно идёт только о категориях федерального уровня, которых всего шесть. Что касается региональных категорий, то упоминается исключительно факт их существования; вопрос же о том, как их сгруппировать, не возникает.

Следовательно, приходится опираться на общие представления о том, что любая систематизация основана на сравнении объектов. Соответственно, в основе систематизации региональных категорий должно лежать их сравнение друг с другом или с категориями иных уровней (федерального или международного). Для количественного анализа нужно также определить конкретные меры сходства или различия. Однако и само по себе сравнение категорий — весьма непростая задача, хотя и более популярная.

Основной вопрос при сравнении категорий — что именно сравнивать? Категория особо охраняемых природных территорий в России — сложная правовая конструкция, складывающаяся из нескольких элементов. Категории выделяются по ряду признаков, причём определённости нет даже в отношении количества этих признаков. По закону об особо охраняемых природных территориях признак только один — «особенности режима». В то же время в комментариях к этому закону перечисляются четы-

ре признака: «собственное (общее) название, специфические цели, задачи, правовой режим» [Дубовик 2015]. При этом разграничить категории по какому-то одному признаку невозможно, в дело идёт вся совокупность характеристик плюс нигде прямо в законодательстве не сформулированные, но подразумеваемые естественно-научные представления о сущности той или иной категории; учитывается также история той или иной формы охраны окружающей среды [Кревер, Стишов, Онуфренин 2009: 22]. Признак «правовой режим» (или «режим охраны») настолько размытый, что использовать его для каких-либо классификаций затруднительно: фактически речь идёт о длинном перечне запретов вида «проведение гидромелиоративных и ирригационных работ» или «разведка и разработка полезных ископаемых». Эти запреты сформулированы немного по-разному в отношении разных категорий и определяются не только в законе об особо охраняемых природных территориях и нормативно-правовых актах уровня министерств, но и в индивидуальных положениях о конкретных особо охраняемых природных территориях, так что некоторый отдельно взятый заказник может оказаться больше похож на заповедник, чем на другой заказник. Специалисты полагают, что поскольку в основе задач и режима охраны лежат цели, то именно различие целей порождает различие категорий [Дубовик 2015]. Нужно заметить, что это соответствует позиции МСОП [Dudley 2008]. Проблема, впрочем, в том, что законодательно закреплённых целей у категорий в России нет.

Поскольку признаков у категорий несколько, а границы между ними размыты, разработать методику сравнения категорий затруднительно. Тем не менее есть успешный опыт сравнения российских категорий, установленных на федеральном уровне, с международными, принятыми в рамках классификации МСОП. В одном случае опубликован только результат сравнения [Шестаков 2003: 41], зато в другой работе была подробно изложена методика [Благовидов, Очагов, Птичников 2002: 23–29]. Достоинством этой методики является сочетание экспертных оценок с количественными методами для расчёта меры сходства разных категорий. Оценка сходства осуществляется по следующим параметрам: определение; задачи управления; критерии выбора места; организационная ответственность (подчинённость). При этом задачи управления имеют больший вес: они дают половину итоговых баллов. Методика была разработана коллективом специалистов в сфере особо охраняемых природных территорий и успешно применена. Правда, стоит учитывать, что с тех пор прошло полтора десятка лет. Однако это не главная причина, по которой данную методику использовать в данной работе не представляется возможным.

Основная проблема — отсутствие достаточного фактического материала. Российские категории особо охраняемых природных территорий, предусмотренные федеральным законом, и категории по классификации МСОП подробно регламентированы, имеют солидную историю и научно-теоретическое обоснование. Накоплен богатый опыт практического применения таких категорий. Нормативная регламентация региональных категорий, напротив, нередко фрагментарна. Говорить о долгой истории и большом числе реальных примеров не приходится: многие региональные категории появились после изменений закона об особо охраняемых природных территориях в 2013 г.¹ и в ряде случаев существуют только на бумаге. Следовательно, если для международных и российских федеральных категорий можно довольно легко определить задачи управления и построить таблицу, являющуюся основой для сравнения, то понять задачи управления региональных категорий возможно далеко не всегда. Критерии выбора места также указаны в меньшинстве случаев; признак организационной ответственности не работает, поскольку уровень обычно будет одинаковым — региональным или местным. Даже определение региональных категорий есть не всегда. Сложность ещё заключается и в том, что, в отличие от федерального уровня, на региональном уровне далеко не все так называемые категории особо охраняемых природных территорий будут действительно относиться к особо охраняемым природным территориям; примеры таких региональных категорий, как «водоохранная зона» и «городской лес»,

¹ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. (№ 406-ФЗ) изменил закон об особо охраняемых природных территориях. Раньше иные категории могли устанавливаться актами Правительства России, органов исполнительной власти субъектов России, органов местного самоуправления; теперь — только законами субъектов.

уже до начала собственно исследования дают понять, что методика, подходящая для сравнения особо охраняемых природных территорий, споткнётся, столкнувшись с «иными» охраняемыми территориями. И в любом случае данная методика подходит, когда речь идёт о небольшом количестве категорий. Если же категорий больше двух сотен, объём ручной работы становится непропорционально большим и несопоставимым с поставленной задачей, заключающейся лишь в выявлении общих тенденций, но не в подробной оценке каждой отдельно взятой региональной категории. Таким образом, необходим метод, для которого имеется достаточно данных, и не избыточно трудоёмкий.

Поскольку группировочные признаки «режим охраны», «цели», «задачи», «критерии выбора места» и «организационная ответственность» не подходят, остаётся один — название. Оно точно известно для каждой региональной категории. Хотя признак довольно простой (чтобы не сказать примитивный), но во многих случаях по наименованиям региональных категорий можно делать хотя бы вероятностные выводы об их сходстве. Например, весьма вероятно, что «микрозаказник» и «природный микрозаказник» похожи, равно как «особо охраняемый объект» и «охраняемый природный объект», а вот «водоохранная зона» отличается от «городского парка». Если не требуется высокая точность, а важна лишь общая картина, можно проводить сравнение, а следовательно, и систематизировать региональные категории, опираясь исключительно на их названия. А далее общая картина, складывающаяся из названий, позволит выявить эмпирические закономерности.

Анализировать названия можно и вручную, но в таком случае результаты полностью субъективны. Кроме того, когда в списке 250 объектов, удобнее хотя бы частично автоматизировать работу, тем более что опробованная методика такой систематизации может оказаться полезной при увеличении объёма информации; например, если всё же перейти от сравнения по названиям к сравнению по определениям. Применялись поэтому методы статистической обработки текстов на естественном языке. Правда, оценка результатов этой обработки, конечно, оставалась за исследователем и является субъективной.

В качестве исходного для анализа автором статьи был составлен перечень региональных категорий в России, который задумывался как исчерпывающий. Для подготовки перечня использовались три группы источников информации: (1) тексты законов субъектов Российской Федерации об особо охраняемых природных территориях (в редких случаях — об охране окружающей среды или аналогичные, если закон об особо охраняемых природных территориях в субъекте не принят); (2) опубликованные на сайтах уполномоченных исполнительных органов государственной власти субъектов перечни (иногда — кадастры) особо охраняемых природных территорий регионального и местного значения; (3) государственные доклады о состоянии и об охране окружающей среды на территории конкретных субъектов. Основным источником информации являлись законы; две другие группы использовались для проверки: в некоторых случаях в докладах, перечнях или кадастрах упоминались категории, не установленные законом (вероятно, это случаи, когда категория исключалась из закона, но ранее созданные охраняемые территории, относящиеся к данной категории, сохранялись без реорганизации). Законы изучались по состоянию на 1 августа 2019 г., а официальные доклады и перечни — по состоянию не ранее чем на 1 января 2018 г., то есть наиболее новые из доступных. В перечне указывались название категории, субъект Федерации, значение (региональное или местное). Одноимённые категории в разных субъектах считались разными категориями, а одноимённые категории разного значения в пределах одного субъекта — одной и той же категорией.

Анализ проводился с использованием языка R версии 3.4.1 (с дополнительными пакетами) в среде разработки R Studio версии 1.1.456. Язык программирования R ориентирован на разнообразные действия по обработке данных — на расчёт описательных статистик и статистических критериев, извлечение, предобработку и очистку данных, машинное обучение, обработку текстов на естественном языке, визуализацию данных, создание интерактивных приложений и другое. Для него разработано

множество пакетов (дополнительных программных модулей), предназначенных для решения типовых задач в области анализа данных в разных научных областях (например, в биологической номенклатуре, экологической токсикологии, медицинской статистике, картографии и геоинформационных технологиях, лингвистике). На языке R пишется специальный скрипт (сценарий работы), который состоит из команд по обработке данных. После запуска скрипта выводятся результаты выполнения команд. Один и тот же скрипт можно применить к разным данным, что, в частности, удобно при незначительных изменениях исходных данных, поскольку нет необходимости вручную повторять одни и те же действия. Среда разработки R Studio облегчает написание скрипта, отмечает ошибки, подсвечивает элементы кода, помогает установить дополнительные пакеты и сохранить результат работы.

Первый использованный метод — «облако слов» (*wordcloud*). Все названия категорий были объединены в один документ. Предобработка включала удаление стоп-слов с использованием русского списка из пакета *stopwords* и стемминг с помощью *Mystem*². Далее с помощью пакета *tm* была построена терм-документная матрица. Из неё были отобраны слова с частотой пять и более, которые были визуализированы в виде «облака слов» с помощью пакета *wordcloud*.

Второй метод — построение графа из слов, встречающихся парами в названиях региональных категорий. Все названия также были объединены в один документ. Документ (без предобработки) был разбит на биграммы с использованием функций пакета *tidytext*. Биграммы, встречающиеся четыре раза или более, были использованы для визуализации в виде графа с помощью пакетов *igraph* и *ggraph*.

Третий метод — анализ корреляций между словами. Подсчёт слов, встречающихся и не встречающихся совместно, проводился в пределах каждого отдельно взятого названия региональной категории. Корреляции были рассчитаны с помощью пакета *widyr* и также визуализированы с помощью *igraph* и *ggraph*.

Четвёртый метод — кластеризация названий. Названия категорий были преобразованы в числовые векторы длиной 300, для преобразования использовалась библиотека *Fasttext* [Bojanowski et al. 2016] с готовой натренированной моделью для русского языка [Grave et al. 2018]. Векторные представления названий были проанализированы методом главных компонент; первые две главные компоненты использовались для кластеризации методом *k*-средних и визуализации.

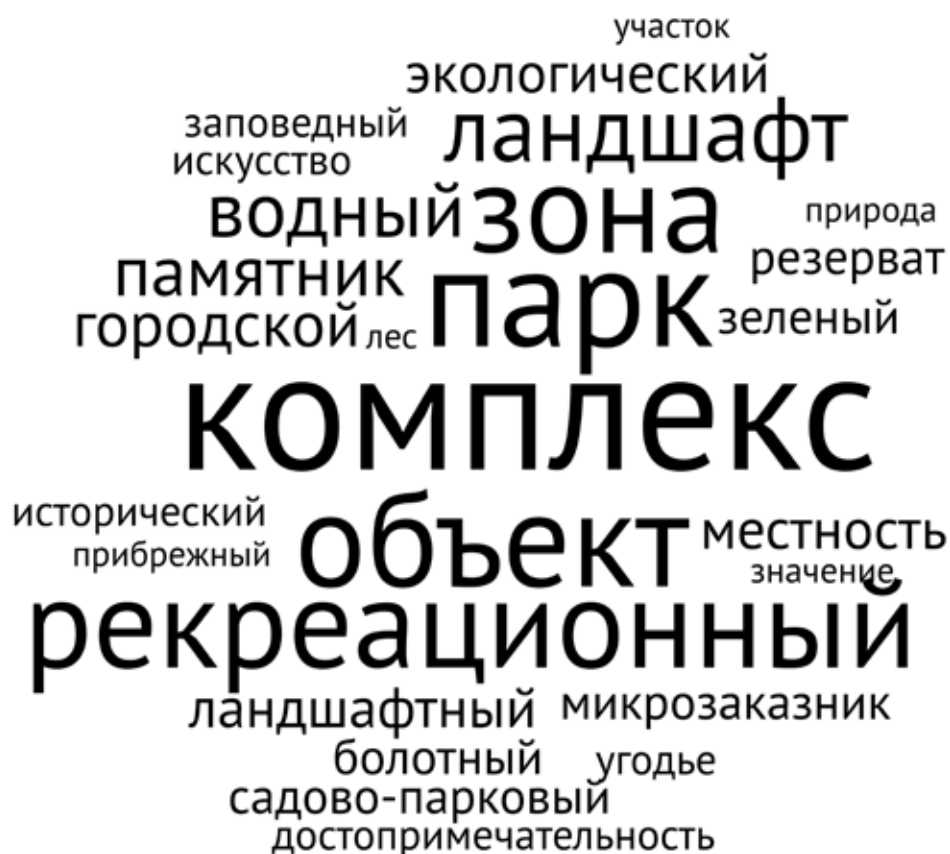
Перед тем как перейти к изложению результатов и их обсуждению, нужно обратить внимание на то, что все отмеченные особенности, закономерности и тенденции носят вероятностный характер. Они основаны на допущении, что название региональной категории особо охраняемых природных территорий действительно отражает её отличительные характеристики (цели, задачи и режим охраны). На самом деле это не всегда так. В экологическом законодательстве есть слова, имеющие много значений, и есть слова, значение которых отличается от обыденного. Кроме того, за рамками каждой предложенной интерпретации остаётся немало исключений, которые в неё не вписываются. Интерпретация результатов обработки названий категорий является субъективной, а некоторые результаты могут быть интерпретированы по-разному. Тем не менее применённые методы позволили выявить ряд не замеченных прежде особенностей региональных категорий.

Результаты

«Облако слов» (см. рис. 1) показывает слова, наиболее часто встречающиеся в названиях региональных категорий. Чтобы не перегружать изображение, в него включены только те слова, частота употребления

² <https://yandex.ru/dev/mystem/>

которых составляет пять или более. Кроме того, в облаке не показаны слова «особо», «охраняемый», «природный» и «территория», поскольку очевидно, что когда речь идёт о названиях категорий особо охраняемых природных территорий, эти слова должны встречаться часто, и в то же время они вряд ли несут основную смысловую нагрузку. Стоит заметить, что слова «природный» и «охраняемый» действительно являются наиболее частыми и употребляются 105 и 68 раз, то есть примерно в 40 и 30% названий соответственно. Слово «территория» находится на девятом месте по частоте (19 упоминаний), и лишь слово «особо» фигурирует в названиях довольно редко (девять раз; впрочем, это тоже 16-е место из 134).

Примечание: Слова с частотой меньше пяти, а также слова «особо», «охраняемый», «природный» и «территория» не показаны.

Рис. 1. Облако слов, наиболее часто встречающихся в названиях региональных категорий

Что касается других, более важных по смыслу слов, то следует обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, одним из наиболее частых является слово «объект» (пятое место, 32 упоминания). Вместе со словами «памятник» (14 упоминаний) и «достопримечательность» (встречается шесть раз) их можно объединить в группу «охраняемые (природные) объекты и достопримечательности». Слово «водный» (16 упоминаний) в части случаев также должно относиться к охраняемым объектам, поскольку прилагательное «водный» в экологическом законодательстве упоминается в терминах «водный объект» либо «водно-болотное угодье». Отдельные значимые природные объекты и достопримечательности как в России, так и за рубежом традиционно охраняются путём учреждения памятников природы. Таким образом, в множестве региональных категорий весомую долю, по-видимому, составляют некие варианты памятников природы.

Далее выделяются слова «комплекс» (самое частое, если не считать слов «охраняемый» и «природный» — 43 упоминания), «ландшафт» и «ландшафтный» (21 и 11 упоминаний соответственно). Мож-

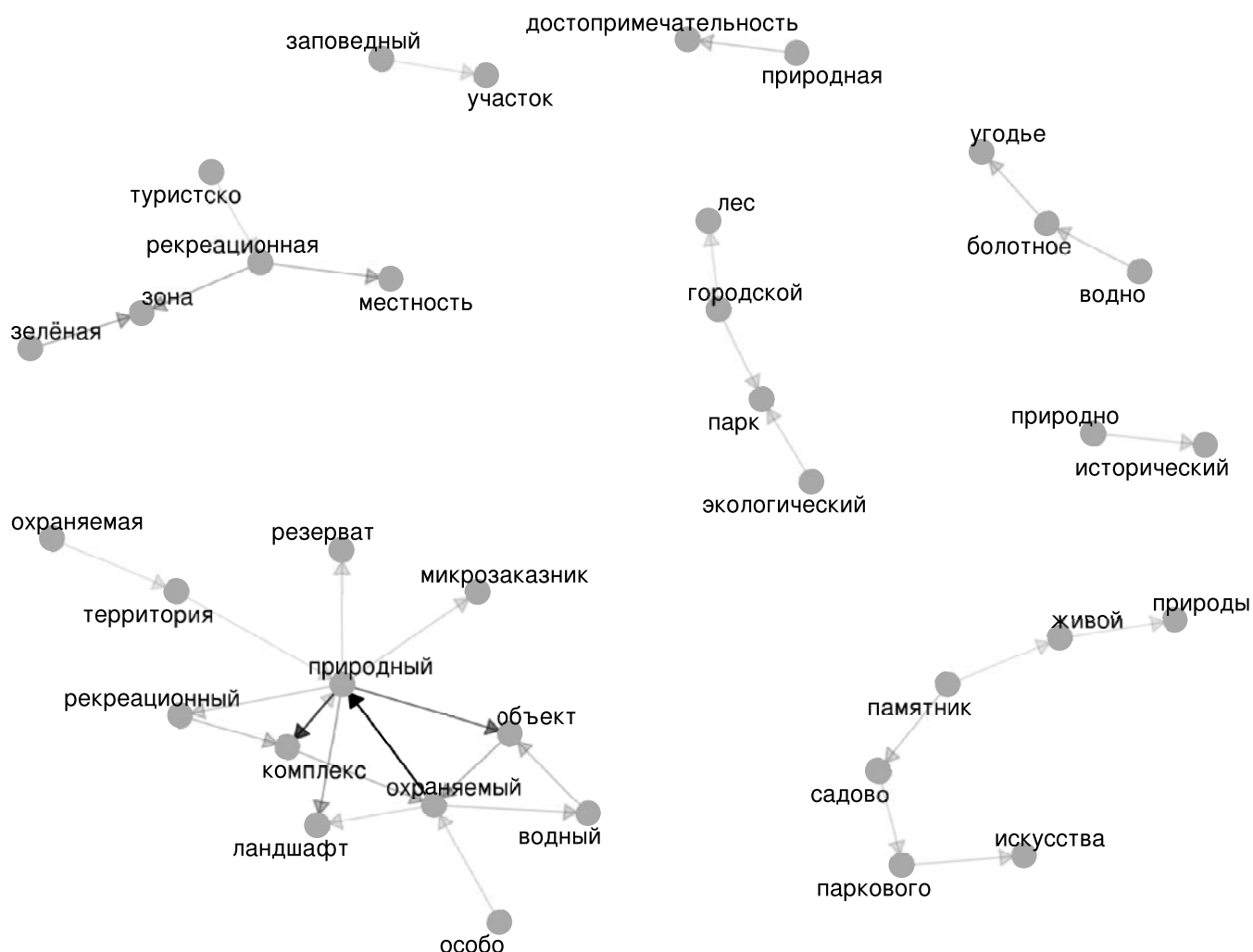
но предположить, что все они косвенно указывают на ландшафтный подход к охране окружающей среды: ландшафт — это природный комплекс; различия между терминами «ландшафт» и «природно-территориальный комплекс» интересуют в основном профессиональных географов [Исаченко 1991], а в законодательной работе выбор того или иного обозначения является делом вкуса. Конечно, от того, что охраняемую территорию называют «охраняемый ландшафт» (или «охраняемый природный комплекс»), подход к охране окружающей среды автоматически не становится ландшафтным, но, как минимум, можно сделать вывод, что в официальном дискурсе присутствует некоторое представление о ландшафтном подходе.

К высокочастотным относятся также слова «парк» и «зона» (34 и 30 упоминаний соответственно). В экологическом праве термин «парк» имеет много значений: парк может быть национальным, природным, городским, экологическим, лесным, историко-культурным — и во всех случаях речь идёт о разных явлениях, причём между городским парком и сквером общего намного больше, чем между городским парком и национальным парком. Из-за этого делать какие-то выводы сложно. Слова «садово-парковый» и «городской», встречающиеся соответственно восемь и 12 раз, позволяют предположить, что часть «парков» относится именно к «паркам» в привычном для горожанина понимании, то есть к озелённым (кстати, слово «зелёный» встречается девять раз) рекреационным территориям внутри населённых пунктов. Что касается слова «зона», то интерпретировать его использование непросто. В целом это слово отсылает к экологическому зонированию как одному из институтов экологического права. «Зона» нередко понимается как природоохранная территория, прилегающая к значимому природному объекту и неразрывно связанная с ним: водоохранная зона, рыбоохранная зона, рыбохозяйственная заповедная зона, экологическая зона озера Байкал [Савельева 2014]. В этом случае слово «зона» относится к охраняемым природным объектам. Впрочем, речь не обязательно будет идти о конкретных объектах: так, «зонами покоя» в индивидуальных положениях о заповедниках называют наиболее ценные и строго охраняемые участки, на которых исключается всякое вмешательство в природные процессы [Дубовик 2015].

Из часто встречающихся остаётся слово «рекреационный», которое явно говорит об охраняемых территориях рекреационного назначения. Здесь нужно вспомнить, что туризм и рекреация — первостепенные задачи национальных и природных парков, а также лечебно-оздоровительных местностей и курортов; при этом национальные и природные парки выполняют также и другие основные задачи (поддержание экологического баланса, образование, охрана природных достопримечательностей), в то время как для лечебно-оздоровительных местностей и курортов рекреация — единственная основная задача [Благовидов, Очагов, Птичников 2002: 26]. Поскольку в 2013 г. нормы о лечебно-оздоровительных местностях и курортах были исключены из закона об особо охраняемых природных территориях, в настоящее время нет такой «федеральной» категории, основной задачей которой была бы рекреация. Возможно, это и правильно с теоретической точки зрения [Галиновская 2010]. Однако нужно учитывать и практическую сторону вопроса. Обилие «рекреационных» категорий среди региональных говорит о потребности в особой охране природных территорий рекреационного назначения, причём она на текущий момент не удовлетворяется в полной мере ни возможностью объявления лечебно-оздоровительных местностей или курортов, ни возможностью создания природных парков регионального значения. Если бы удовлетворялась, вариантов на тему «рекреационная местность» не возникало бы.

Наконец, отметим также слово «микрорезерват» (восемь упоминаний), вполне определённо указывающее на небольшие по площади аналоги государственных природных заказников.

Граф наиболее распространённых связей слов (см. рис. 2) подтверждает выводы, сделанные на основе анализа частоты слов, и позволяет их дополнить.

Примечание: Связи, встречающиеся реже, чем четыре раза, не показаны. Более яркий цвет стрелок соответствует более частым связям.

Рис. 2. Наиболее часто встречающиеся связи между словами в названиях категорий

Во-первых, можно убедиться, что слова «охраняемый» и «природный», используемые вместе со словами «объект», «комплекс» и «ландшафт», образуют наиболее часто встречающиеся связки в названиях категорий — так, что многие названия представляют собой всевозможные комбинации из этих пяти слов. Стоит также обратить внимание на «природный резерват». Это название напоминает дословный перевод с английского *strict nature reserve* (строго охраняемый природный резерват) — названия категории Ia по классификации МСОП. Категория охватывает участки, предназначенные для научных исследований или экологического мониторинга; наиболее близким российским аналогом являются заповедники [Благовидов, Очагов, Птичников 2002].

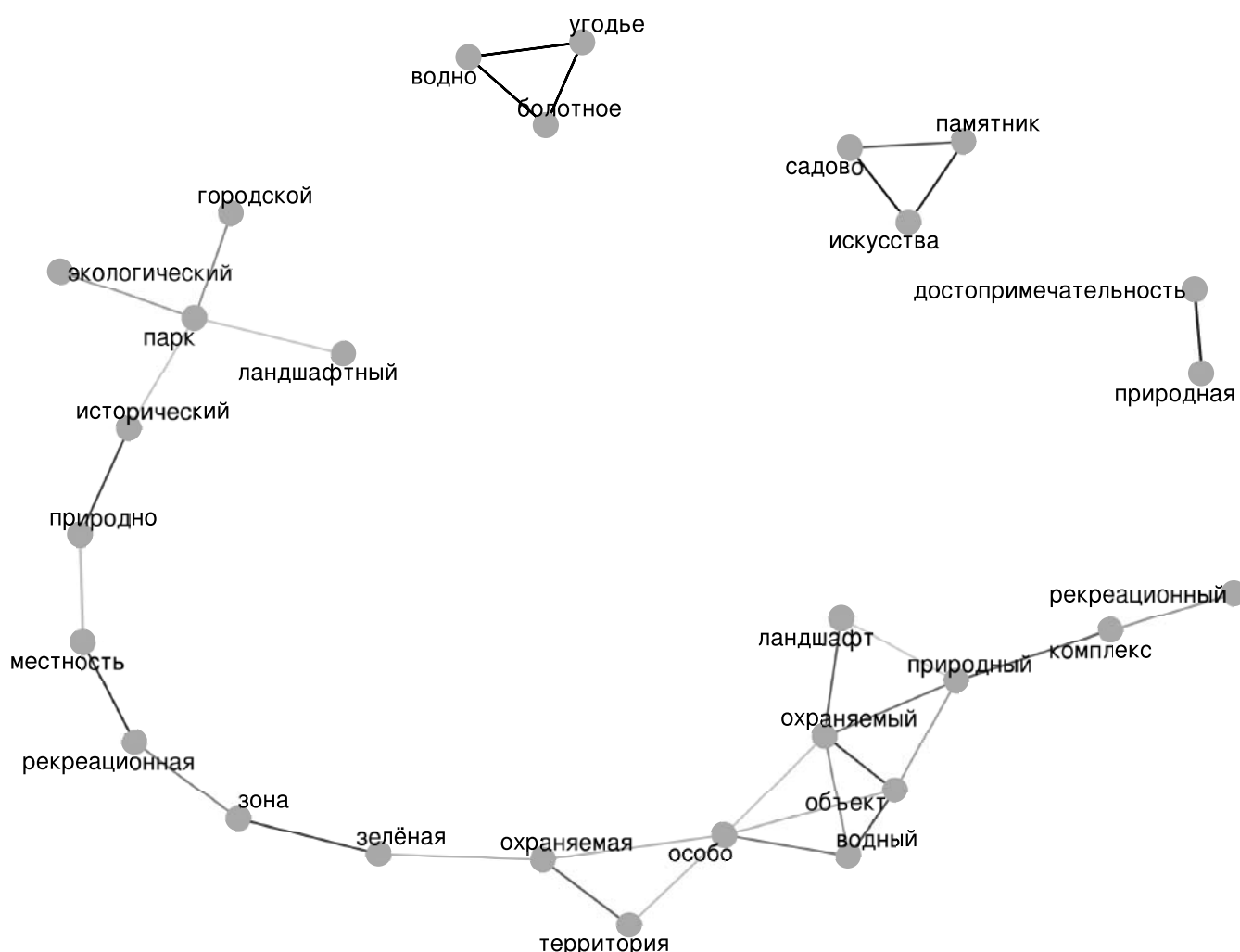
Во-вторых, проясняется значение слова «зона» в названиях региональных категорий: судя по графу, речь идёт либо о зелёных зонах, то есть о зелёных насаждениях в населённых пунктах, либо о туристско-рекреационных зонах. Можно заметить, что это название отсылает уже к иной отрасли законодательства, а именно к законодательству об особых экономических зонах, одним из типов которых являются туристско-рекреационные³. Точно так же становится более понятным употребление слова «парк»: это либо «городской парк», то есть городская озеленённая территория, выполняющая рекреа-

³ Ст. 4 Федерального закона «Об особых экономических зонах» (№ 116-ФЗ) от 22 июля 2005 г.

ционные и санитарно-оздоровительные функции (рядом стоит категория «городской лес» — городские леса тоже относятся к городскому озеленению), либо «экологический парк» (не вполне устоявшийся термин, близкий к обозначению природных парков).

В-третьих, «памятники» распадаются на две группы: «памятники живой природы» (то есть, по сути, обыкновенные памятники природы) и «памятники садово-паркового искусства» (в зависимости от их историко-культурных качеств относящиеся либо просто к городскому озеленению, либо также к объектам культурного наследия). Связка «природно-исторический» тоже указывает на наличие региональных категорий, которые предназначены для охраны территорий, имеющих не только природную, но и культурно-историческую ценность. Слово сочетание «природная достопримечательность» однозначно указывает на аналоги памятников природы.

Наконец, чётко обособляются две самостоятельные категории: водно-болотные угодья и заповедные участки. Эти последние, судя по всему, следует считать небольшими по площади аналогами заповедников — как микрозаказники являются уменьшенными «копиями» заказников.

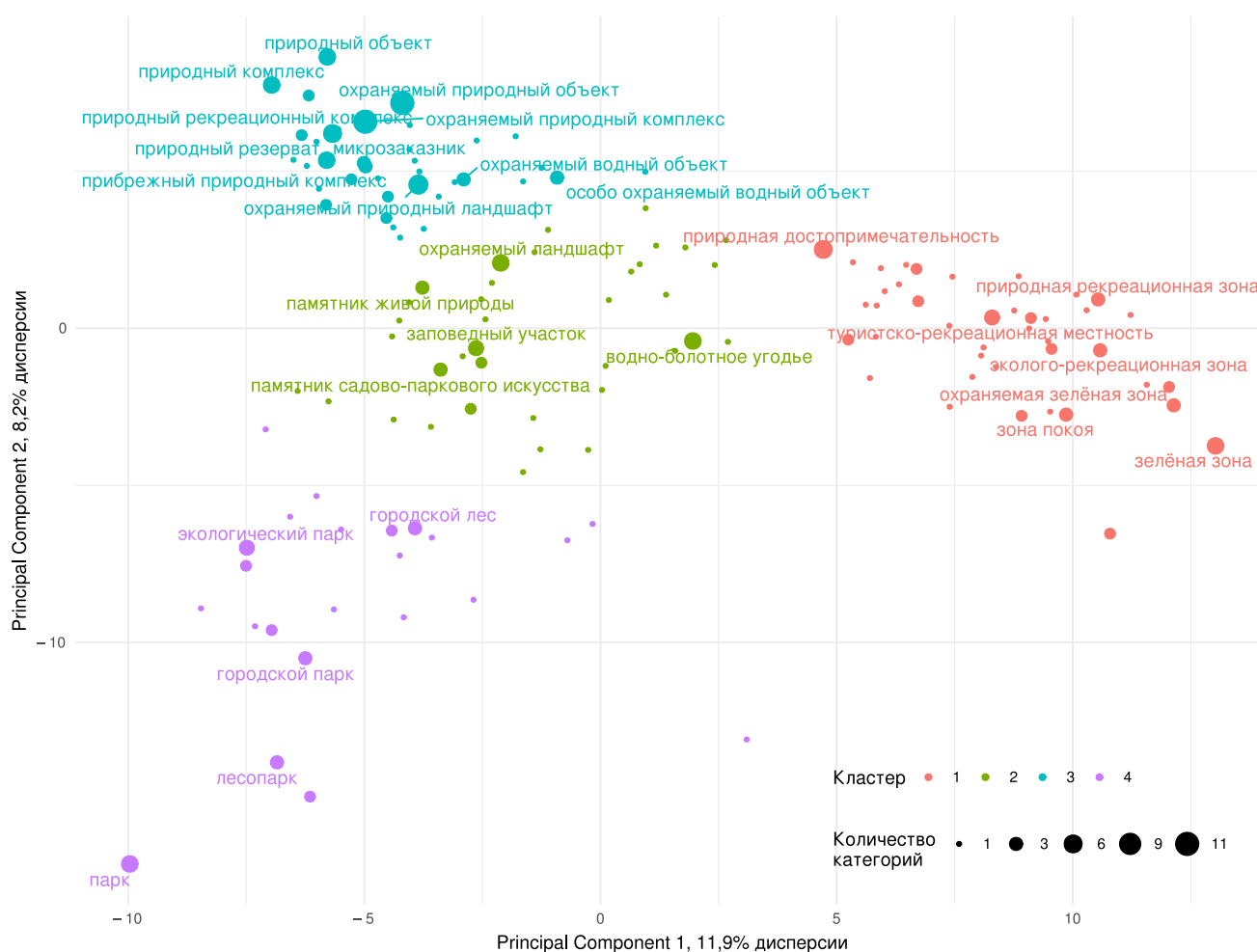
Примечание: Показаны только слова с частотой больше пяти и коэффициентом корреляции больше 0,15. Чем ярче линия, тем сильнее корреляция.

Рис. 3. Корреляции между словами, часто встречающимися в названиях категорий

С графом наиболее распространённых связей слов перекликается граф корреляций слов (см. рис. 3). Здесь также выделяются «природная достопримечательность» и «водно-болотное угодье», обособ-

ляется «памятник садово-(паркового) искусства». Остальные слова выстроились в длинную «цепь», которую для интерпретации целесообразно разбить на части. Верхняя часть (с центром в слове «парк») позволяет разделить все «парки» как региональные категории на три группы по основным функциям: (1) экологические (ландшафтные и экологические парки); (2) рекреационные и санитарно-оздоровительные (городские парки); (3) культурные (природно-исторические парки). Связка «зелёная и (или) рекреационная зона и (или) местность» уже была детально рассмотрена ранее, и граф корреляций не позволяет что-либо сказать в дополнение к уже сделанным выводам. Название «(особо) охраняемая территория» слишком абстрактно для того, чтобы судить о задачах данной категории. «Особо охраняемые природные/водные объекты» — это, по сути, памятники природы, а такие же «ландшафты», вероятно, образуют достаточно самостоятельную группу региональных категорий, напоминающую о категории V по классификации МСОП — охраняемый ландшафт суши или моря (*protected landscape, seascape*) [Dudley 2008]. Словосочетание «природный комплекс» — синоним ландшафта, а «рекреационный комплекс» раскрывает ещё один аспект частого употребления слова «комплекс» и отсылает к рекреационным территориям, то есть является аналогом рекреационных местностей и зон.

На графике (см. рис. 4) представлены результаты обработки названий категорий с помощью Fasttext, их анализа методом главных компонент и кластеризации. Несмотря на то что первые две главные компоненты суммарно объясняют только 20% дисперсии, кластеры получились относительно осмысленными.

Примечание: Четыре кластера обозначены разными цветами. Чем больше размер точки, тем больше категорий с данным названием. Подписаны только те категории, названия которых встречаются в массиве данных три раза и более. *Principal Component 1* — главная компонента № 1; *Principal Component 2* — главная компонента № 2.

Рис. 4. Распределение и кластеризация названий категорий после векторизации с помощью Fasttext и анализа по методу главных компонент

Названия категорий образуют четыре кластера — центральный и три «рукава». Первый кластер (на графике он находится справа, точки окрашены красным) можно условно назвать «рекреационно-туристический». В нём велика доля категорий, которые, судя по названию, предназначены для отдыха и туризма: «рекреационные зоны» и «туристические местности», «природная достопримечательность». Второй кластер (центральный, зелёного цвета) довольно разнородный, потому что находится на пересечении трёх других, но в нём можно выделить «заповедно-природоохранную» (водно-болотное угодье, охраняемый ландшафт, заповедный участок) и «парково-рекреационную» часть. Третий кластер (верхний, бирюзового цвета) выделяется тем, что в нём сосредоточены самые частотные категории, а иначе говоря — те названия, которые встречаются в массиве данных чаще всего. Например, в этот кластер попал «охраняемый природный объект» — категория с таким названием существует в 11 субъектах. В целом (если не считать «природно-рекреационную местность» и некоторые другие категории) этот кластер объединяет категории с выраженной природоохранной направленностью: охраняемые ландшафты, природные комплексы и объекты. Наконец, четвёртый кластер (нижний «рукав», сиреневый) почти полностью состоит из парков, понимаемых как «городской парк» или «сквер».

Справедливости ради нужно добавить, что в каждом кластере (кроме разве что четвёртого, сиреневого) «характерные» названия, соответствующие «профилю» кластера, составляют в лучшем случае половину. Однако это издержки метода: модель Fasttext обучена на текстах Интернета, а в законодательстве те же слова могут употребляться в другом значении. Например, в обыденной речи «зона покоя» будет, скорее, ассоциироваться с отдыхом, чем с заповедником, а в профессиональной речи «зона покоя» — это часть заповедника. Несмотря на несовершенство метода, наиболее частые названия (те, которые используются в законах трёх субъектов и более) обычно оказываются в «характерном» кластере, а в «ошибочно включённые» попадают редко встречающиеся названия.

Обсуждение

Четыре метода анализа, использованных при подготовке данной статьи, дают взаимодополняемые результаты и позволяют выделить несколько закономерностей, связанных с установлением региональных категорий. Эти закономерности перекликаются с некоторыми наблюдениями и теоретическими предположениями других исследователей в сфере правовой охраны окружающей среды и регионального правотворчества.

Часть региональных категорий предназначена для охраны отдельных ценных или примечательных объектов живой и неживой природы. По сути, речь идёт о памятниках природы под другими названиями. Памятник природы — классическая, довольно простая и понятная категория, поэтому обилие вариаций на эту тему в региональном законодательстве вызывает вопросы. Причина может быть в низком уровне юридической техники, когда содержание закона об особо охраняемых природных территориях переписывается в региональных законах чуть другими словами, а субъекты копируют законы друг у друга [Краснов 2008: 27]. Также за этим может стоять довольно серьёзная проблема — невозможность создавать памятники природы местного значения. По действующему закону об особо охраняемых природных территориях памятники природы могут быть только федерального и регионального значения, но выявляться значимые и нуждающиеся в особой охране природные объекты и достопримечательности могут и на муниципальном уровне [Некипелова, Изъюров, Огородовая 2010]. В таком случае установление региональных категорий, аналогичных памятникам природы, — это предоставление органам местного самоуправления возможности обеспечивать особую охрану отдельных ценных природных объектов самостоятельно, без решения на вышестоящем уровне. В свете данной проблемы представляется обоснованным вывод 10-летней давности, так и не получивший какого-то отражения в законодательстве: «К категориям <...> особо охраняемых природных территорий местного значения целесообразно отнести памятники природы» [Хмелёва 2009: 55]. Любопытно, что в Кемеровской об-

ласти с мая 2019 г. к числу категорий особо охраняемых природных территорий местного значения отнесены «памятники природы» — без словесных ухищрений типа «охраняемый природный объект»⁴. Впрочем, можно ли действовать столь прямолинейно? Региональные законы принимаются в соответствии с федеральными, а по закону об особо охраняемых природных территориях памятников природы местного значения быть не должно.

Если судить по множеству охраняемых «природных комплексов» и «ландшафтов», власти многих субъектов проявляют приверженность ландшафтному подходу к охране окружающей среды. Ландшафтный подход — это относительно новая международная концепция, сформировавшаяся в 1990-е гг. Она отражена, в частности, в Европейской ландшафтной конвенции 2000 г. [Гафина 2008; Выпханова 2016: 127]. В российской юридической науке есть разработки на тему правовой охраны ландшафтов, однако в законодательстве ландшафтный подход почти не реализован [Гафина 2008; Евдокимова 2011]. Отсылки к ландшафтному подходу при правовом регулировании особо охраняемых природных территорий заслуживают неоднозначной оценки. Положительной стороной является системность, свойственная этому подходу: право должно учитывать взаимосвязь компонентов природы. Отрицательный момент состоит в том, что ландшафтный подход касается не только природных участков, но и территорий, сформировавшихся под воздействием человека, и ориентирован на сочетание социальных, экономических и экологических интересов, а не на приоритет сохранения нетронутой естественной среды [Выпханова 2016: 127]. Охраняемым ландшафтом в рамках такого подхода может стать деревня с прилегающими сельскохозяйственными угодьями. Не исключено, что это будет разумным решением в плане охраны окружающей среды в целом, но вряд ли следует ставить его в один ряд с особо охраняемыми природными территориями.

Некоторые регионы активнее заимствуют систему категорий охраняемых территорий по классификации МСОП, чем это делается на федеральном уровне, где всё ограничивается требованием указывать международную категорию в государственном кадастре⁵. Речь идёт в первую очередь об «охраняемых ландшафтах» (категория V) и о «территориях с устойчивым использованием природных ресурсов» (категория VI, в России представлена, по-видимому, «ресурсным резерватом» и «ресурсоохранной территорией»). В законе об особо охраняемых природных территориях прямые аналоги таких категорий отсутствуют [Благовидов, Очагов, Птичников 2002]. Также стоит упомянуть «природные резерваты» и «заповедные участки», которые отсылают к категории Ia, *strict nature reserve* (наиболее близкий российский аналог — государственные природные заповедники [Благовидов, Очагов, Птичников 2002: 27]).

Судя по названиям, существенную долю региональных категорий составляют те, основной функцией которых является сохранение зелёного фонда населённых пунктов: зелёные зоны, парки и лесопарки, городские леса, скверы. Ситуация получается несколько двусмысленная, потому что охрана зелёного фонда предусмотрена законом об охране окружающей среды⁶; кроме того, такие территории охраняются Лесным кодексом как защитные леса, а с 2017 г. могут также включаться в состав лесопарковых зелёных поясов⁷. Тем не менее во многих регионах им дополнительно придаётся статус особо охраняемых природных территорий. Возможно, это следствие того, что природоохранные требования, установленные разными законами для зелёного фонда, недостаточны для его эффективной охраны

⁴ Ст. 3 закона Кемеровской области «Об особо охраняемых природных территориях в Кемеровской области» от 4 января 2001 г. (№ 1-ОЗ), в редакции от 9 мая 2019 г. (№ 30-ОЗ).

⁵ П. 25, п/п. 12 Порядка ведения государственного кадастра особо охраняемых природных территорий, утверждённого Минприроды России (приказ № 69 от 19 марта 2012 г.).

⁶ Ст. 61 Федерального закона «Об охране окружающей среды» (№ 7-ФЗ) от 10 января 2002 г.

⁷ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части создания лесопарковых зелёных поясов» (№ 353-ФЗ) от 3 июля 2016 г.

в населённой местности [Минина 2016]. Установление дополнительного статуса особо охраняемой природной территории в таком случае направлено на то, чтобы повысить уровень правовой охраны городских насаждений, которые, с одной стороны, имеют не только экологическое, но и социальное значение, а с другой стороны, подвержены повышенному риску уничтожения из-за застройки.

Ещё одну группу региональных категорий образуют территории рекреационного назначения. Здесь нужно вспомнить, что до конца 2013 г. лечебно-оздоровительные местности и курорты считались одной из категорий особо охраняемых природных территорий, предусмотренных федеральным законом. С 2014 г. они рассматриваются как «особо охраняемые территории» — это понятие является более широким. Исключение лечебно-оздоровительных местностей и курортов из числа особо охраняемых природных территорий, установленных федеральным законом, было спорным решением. Часть исследователей считают, что оно ведёт к ослаблению правовой охраны территорий, ценных в рекреационном и оздоровительном отношении, было необоснованным и поэтому в целом должно расцениваться как негативное [Игнатьева 2010; Бриних 2014; Хмелёва 2014, Выпханова 2016: 122]. По мнению других специалистов, данное решение является разумным и правильным, поскольку назначение курортов и лечебно-оздоровительных местностей и их фактическое использование отличаются от того, что типично для природоохранных территорий [Галиновская 2010: 33; Анисимов 2017: 65]. Однако все авторы согласны, что природные лечебные ресурсы и территории, на которых они находятся, должны охраняться, и спор идёт вокруг того, должен ли здесь применяться особый, оригинальный подход или же следует использовать правовую конструкцию особо охраняемой природной территории. Решить этот спор довольно сложно, поскольку регулирование лечебно-оздоровительных местностей и курортов осуществляется в отсутствие научно обоснованной концепции и является объёмным, разнородным и противоречивым, включает правовые нормы из актов природоресурсного, градостроительного, медицинского законодательства, законодательства о социальном обеспечении, о развитии территорий [Выпханова 2016; Жаворонкова, Выпханова 2019а: 26]. Наличие территорий лечебно-оздоровительного назначения среди региональных категорий — проявление и следствие этой разнородности и теоретической неопределённости. Оно свидетельствует о том, что некоторые субъекты Федерации при регулировании таких территорий по-прежнему предпочитают вариант использования имеющейся правовой конструкции, а не оригинального подхода. Тот факт, что такие субъекты сохранились после изменения федерального законодательства, является аргументом в пользу того, что лечебно-оздоровительные местности и курорты всё же следует относить к особо охраняемым природным территориям. Конечно, данный аргумент не следует переоценивать, потому что число таких субъектов невелико, и до конца неясно, идёт ли речь о твёрдой позиции или же просто о сохранении традиции. Однако в любом случае сложившаяся ситуация является признаком того, что необходимо разработать теоретические основы правового регулирования в санаторно-курортной сфере, в том числе понятийный аппарат [Жаворонкова, Выпханова 2019b].

При установлении региональных категорий наблюдаются попытки обеспечить внутригосударственные меры по охране территорий с международным статусом. В России есть территории, включённые в список водно-болотных угодий, охраняемых в рамках Рамсарской конвенции, и в нескольких субъектах установлена специальная категория «водно-болотное угодье» (варианты: «болотный комплекс», «болото»). Отсутствие в российском федеральном законодательстве специальных норм для охраняемых территорий с международным статусом — недостаток, давно отмечаемый специалистами, но по-прежнему не устранённый [Шестаков 2003; Хмелёва 2009; 2014]. Нужно, конечно, уточнить, что международные договоры не требуют устанавливать какие-либо специальные категории особо охраняемых природных территорий — водно-болотное угодье, включённое в международный список, по российскому законодательству вполне может считаться, например, государственным природным заказником или вовсе не являться особо охраняемой природной территорией [Dudley 2008: 73]. Правда, это не снимает обязательств по эффективной охране с учётом особого статуса территории, а этот особый

статус применительно к водно-болотным угодьям в законе об особо охраняемых природных территориях вообще никак не учитывается [Хмелёва 2014]. Таким образом, в данном случае субъекты Федерации осуществляют «опережающее регулирование» в отсутствие каких-либо норм и даже общего подхода на федеральном уровне.

Под опережающим регулированием в конституционном праве понимается принятие субъектом Федерации закона по предмету совместного ведения до принятия соответствующего федерального закона. Возможность опережающего правотворчества прямо не закреплена в Конституции России, но косвенно следует из её норм и была подтверждена практикой Конституционного Суда РФ в 1990-е гг. [Андриченко, Юртаева 2013: 8]. Среди специалистов ведется дискуссия о том, каковы пределы такого полномочия региональных законодателей: одни полагают, что право на опережающее регулирование — неотъемлемый элемент конституционно-правового статуса субъектов и конституционного механизма разграничения предметов ведения и полномочий [Краснова 2008: 50], другие считают, что издание закона субъекта до принятия федерального закона возможно только в исключительных случаях [Безруков 2003: 22], третьи придерживаются промежуточных позиций [Анисимов 2019а: 66]. В 1990-е гг. опережающее регулирование встречалось широко, но впоследствии, по мере принятия федеральных законов и централизации власти, стало менее распространённым явлением [Андриченко, Чертков 2009: 8; Личичан 2009]. К числу современных примеров опережающего регулирования можно отнести государственную поддержку инновационной деятельности [Андриченко, Юртаева 2013: 8]. В сфере экологического права отмечается наличие опережающего регулирования по вопросам продовольственной безопасности [Анисимов 2019а]. В случае с региональными категориями, направленными на охрану водно-болотных угодий, речь, по сути, идёт не только о категории как таковой, но и о самостоятельном регулировании отношений по охране территорий, обладающих международно-правовым статусом: можно представить, что принят отдельный закон о водно-болотных угодьях на территории субъекта, включение статей которого в состав закона об особо охраняемых территориях является лишь делом юридической техники. Следовательно, установление таких категорий — именно опережающее регулирование, а не реализация полномочий, определённых на федеральном уровне. Положительным следствием такого опережающего регулирования становится восполнение пробела федерального законодательства. Опыт регулирования на региональном уровне упрощает совершенствование федерального законодательства в части правовой охраны природных территорий с международно-правовым статусом (если такая инициатива всё же возникнет). Можно порекомендовать тем субъектам Федерации, где есть водно-болотные угодья, но нет отдельного регулирования для них, внести необходимые изменения в законодательство в порядке «опережающего регулирования». Отрицательным следствием могут быть сложности координации, если водно-болотные угодья как природный объект находятся на территории нескольких регионов, а также необходимость привести региональное законодательство в соответствие с федеральным, если на федеральном уровне появятся нормы о международных особо охраняемых природных территориях.

Наблюдается некоторое смешение режимов охраны природных и культурных ценностей: среди региональных категорий попадают «историко-культурные», «природно-этнические» и «садово-парковые» местности, территории и ансамбли, которые относятся, скорее, к объектам культурного наследия⁸, чем к охраняемым природным территориям, и на них распространяется (или, как минимум, должно распространяться) действие соответствующего законодательства. В принципе, учитывая современную концепцию охраняемых природных территорий, совместная охрана природных и ассоциированных с ними культурных ценностей является вполне нормальной [Dudley 2008; Иванов, Чижова 2019], поэтому пересечение между законодательством об особо охраняемых природных территориях и о памятниках истории и культуры неизбежно. Вопрос в том, чтобы такое смешение не приводило к конкурен-

⁸ Ст. 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (№ 73-ФЗ) от 25 июня 2002 г.

ции норм из разных отраслей права, способной породить трудности и ошибки при правоприменении [Изьюров, Огородовая 2015]. В отношении каждой конкретной территории и объекта должен быть выбран какой-то один способ охраны — либо в рамках экологического права как охраняемой природной территории, либо в рамках административного права как объекта культурного наследия.

Некоторые примеры региональных категорий сложно интерпретировать иначе как недостатки юридической техники. Особенности и дефекты юридической техники регионального законодательства давно обсуждаются в науке [Ромашов, Сергевнин 2003: 60]. Одной из наиболее существенных проблем считается дублирование нормативного материала [Ромашов, Сергевнин 2003; Иванюк 2008: 157; Казанцев 2013: 105]. Такие региональные категории, как водоохранные зоны и прибрежные защитные полосы, скорее всего, являются именно необоснованным дублированием положений Водного кодекса России. Впрочем, возможен и другой вариант оценки: это установление статуса особо охраняемой природной территории в дополнение к уже имеющемуся правовому режиму и проявление принципиально широкого подхода к пониманию особо охраняемых природных территорий, принятого в регионе. Так или иначе, использование совпадающих названий и дословное воспроизведение федеральных законов при установлении региональных категорий — это редкость, что согласуется с тенденцией повышения качества регионального законодательства [Казанцев 2013: 107]. Сложнее оценивать те ситуации, когда происходит не механическое и дословное копирование текста федерального закона, а содержательное дублирование: слова правовых актов различаются, но правовые нормы в них одинаковые или очень похожие. При установлении региональных категорий такое происходит часто; например, как отмечалось выше, многочисленные разновидности «охраняемых природных объектов» близки к памятникам природы. Однако в данном случае следует говорить, скорее, о заимствовании (частичной рецепции) норм права, чем о дублировании, хотя вопрос об обоснованности такого заимствования тем не менее остаётся.

Дублирование может происходить не только «по вертикали» (из федеральных законов в региональные), но и «по горизонтали» (между региональными законами) [Личичан 2009: 232; Андриченко, Юртаева 2013: 13]. Точки на графике, представленном на рисунке 4, различаются по размеру в зависимости от количества региональных категорий с одинаковым названием, и некоторые названия встречаются одновременно в законах нескольких субъектов Федерации. Следовательно, горизонтальное движение нормативного материала тоже наблюдается, причём не менее активное, чем вертикальное. Правда, установить, у кого именно позаимствовали конкретную категорию — у Федерации или у другого субъекта, по имеющимся данным не представляется возможным. Как и в случае с использованием материала из федерального законодательства, здесь нужно различать дублирование и заимствование.

Наличие одинаковых или похожих положений в законодательстве подавляющего большинства субъектов может свидетельствовать о необходимости обобщить их и добавить в федеральное законодательство. В то же время, когда одни и те же нормы уже закреплены в законах множества субъектов, регулирование на региональном уровне может оказаться достаточным, и, следовательно, менять федеральные законы не нужно [Андриченко, Юртаева 2013: 9]. В случае с региональными категориями заимствований много, но их распространение не очень большое: самые часто встречающиеся названия региональных категорий используются максимум в 11 субъектах. Таким образом, из разнообразия региональных категорий не вытекает ни одного очевидного варианта некоторой новой категории особо охраняемых природных территорий, что, впрочем, не исключает необходимости других изменений и более глубокого изучения, чем просто анализ названий.

Заключение

Методы статистической обработки текстов на естественном языке помогают структурировать и визуализировать информацию из нормативно-правовых актов в экологической сфере. Это позволяет обнаружить тенденции и закономерности, неочевидные при простом прочтении правовых текстов. Многозначность некоторых слов, широко используемых в экологическом законодательстве (например, «парк» и «зона»), отличие их смысла от того, что принято в обыденной речи, затрудняют автоматизированную обработку. Для смыслового анализа нормативно-правовых актов модели, основанные на методах дистрибутивной семантики, целесообразно тренировать не на текстах общей тематики, а на наборах нормативно-правовых актов соответствующей отрасли законодательства. Результаты количественного анализа не дают готовых выводов и требуют интерпретации на основе положений юридической догматики, однако предварительная математическая обработка облегчает толкование правовых актов, особенно при большом объёме нормативного материала.

Среди региональных категорий выделяются несколько больших групп: (1) охраняемые природные объекты и достопримечательности (по сути, памятники природы); (2) охраняемые ландшафты и природные комплексы; (3) охраняемые зелёные насаждения населённых пунктов; (4) природные территории рекреационного назначения; (5) природные территории, имеющие историко-культурное значение. Далеко не все региональные категории можно однозначно отнести к какой-то группе. Есть множество категорий, которые не попадают ни в одну из групп. В целом группирование является приблизительным и ориентировочным.

Некоторые региональные категории, по-видимому, заимствованы из классификации категорий охраняемых территорий по версии МСОП: охраняемые ландшафты, ресурсные резерваты, ресурсоохранные территории, природные резерваты. Отдельные региональные категории напрямую связаны или, как минимум, своими названиями отсылают к международным системам охраняемых территорий — водно-болотным угодьям, биосферным резерватам, объектам Всемирного природного наследия. Это свидетельствует о том, что ряд субъектов России — в опережение федерального законодателя — воспринимают международные тенденции территориальной охраны окружающей среды и восполняют давно замеченные пробелы права, вытекающие из недостатков законодательства на федеральном уровне.

В названиях региональных категорий наблюдается приверженность ландшафтному подходу. Правда, частое употребление понятий «ландшафт» и «природный комплекс» в законах ещё не означает, что природоохранная деятельность в регионах построена в соответствии с ландшафтным подходом.

Названия некоторых региональных категорий, установленных субъектами России, свидетельствуют о низком уровне юридической техники регионального законотворчества.

Обилие региональных категорий, аналогичных памятникам природы, государственным природным заказникам и заповедникам, а также иным охраняемым природным территориям (лечебно-оздоровительным местностям и курортам, защитным лесам), подтверждает давно выдвинутый тезис о дублировании федерального законодательства на региональном уровне. Правда, это не означает, что похожие категории должны быть механически удалены, поскольку, во-первых, сходство не означает тождественность, а во-вторых, дублирование является следствием проблем, а не самостоятельной проблемой. Можно сформулировать три исходные проблемы: (1) избыточная «жесткость» системы категорий, установленных на федеральном уровне, когда категория неразрывно связана со значением; (2) нестабильность федерального законодательства, когда ряд территорий исключается из числа особо охраняемых; (3) наличие изъянов в правовой охране территорий, не относящихся формально к особо охраняемым, но ценных для сохранения биоразнообразия, отдыха людей и поддержания качества окружающей среды.

Литература

- Андриченко Л. В., Чертков А. Н. 2009. Взаимодействие Государственной Думы и законодательных органов субъектов Российской Федерации. *Журнал российского права*. 2: 3–10.
- Андриченко Л. В., Юртаева Е. А. 2013. Конституционные основы российского федерализма. *Журнал российского права*. 6: 5–16.
- Анисимов А. П. 2017. Актуальные проблемы реализации концепции устойчивого развития в Российской Федерации. В сб.: Заячковский О. А. (ред.) *Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики*. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта; 61–66.
- Анисимов А. П. 2019а. Законодательство субъектов РФ в области обеспечения продовольственной безопасности: сравнительно-правовое исследование. *Научный вестник Волгоградского филиала РАН-ХиГС. Серия: Юриспруденция*. 5 (1): 64–71.
- Анисимов А. П. 2019b. Концепция «кооперативного федерализма» и ее влияние на практику охраны окружающей среды зарубежных стран. *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя D. Эканоміка. Сацыялогія. Права*. 2 (54): 100–107.
- Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чаркин С. А. 2019. *Экологическое право России*. М.: Издательство Юрайт. URL: <https://biblio-online.ru/bcode/431157>
- Безруков А. В. 2003. Совместная компетенция и совершенствование взаимодействия Российской Федерации и её субъектов. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 4 (249): 16–23.
- Благовидов А., Очагов Д., Птичников А. 2002. *Сохранение биоразнообразия лесов России: вклад ООПТ и лесов I группы*. М.: МСОП — Всемирный союз охраны природы, Представительство для России и стран СНГ.
- Боголюбов С. А. 2003. Соотношение федерального и регионального законодательства в области охраны окружающей среды. *Журнал российского права*. 2: 7–13.
- Болтанова Е. С. 2016. Место законодательства субъектов Российской Федерации в системе земельного законодательства. *Юрист*. 10: 23–27.
- Бриних В. А. 2014. Комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Федеральный закон “Об особо охраняемых природных территориях” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28 декабря 2013 г. № 406-ФЗ. *Астраханский вестник экологического образования*. 1 (27): 23–31.
- Васильева М. И. 2005. Закон субъекта Российской Федерации «Об охране окружающей среды»: опыт правового моделирования. *Законодательство и экономика*. 11: 75–88.
- Выпханова Г. В. 2016. Концептуальные основы совершенствования законодательства о лечебно-оздоровительных местностях и курортах. *Lex Russica*. 6 (115): 119–131. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.115.6.119-131>

- Галиновская Е. А. 2010. О правовых основах образования системы особо охраняемых природных территорий в России. *Журнал российского права*. 5: 28–34.
- Галсанова А. Б. 2016. Иные категории особо охраняемых природных территорий по законодательству субъектов Российской Федерации. В сб.: Сукиасян А. А. (отв. ред.) *Интеллектуальный и научный потенциал XXI века*. Т. 5. Уфа: Аэтерна; 86–89.
- Гафина Л. М. 2008. *Правовая охрана ландшафтного разнообразия в Российской Федерации*. Ульяновск: Ульяновский государственный университет. URL: <https://dlib.rsl.ru/01003451503>
- Головина А. А. 2017. Дефекты законодательной техники как препятствие обыденному толкованию права. *Журнал российского права*. 4: 16–26.
- Дубовик О. Л. (ред.) 2015. *Комментарий к Федеральному закону от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»*. М.: Консультант Плюс.
- Евдокимова Т. В. 2011. *Правовая охрана эстетических свойств ландшафтов*. М.: Институт государства и права РАН. URL: <https://dlib.rsl.ru/01004847599>
- Жаворонкова Н. Г., Выпханова Г. В. 2019а. Теоретико-методологические проблемы совершенствования государственной политики в области развития курортов и лечебно-оздоровительных местностей. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 1: 22–36. URL: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.53.1.022-036>
- Жаворонкова Н. Г., Выпханова Г. В. 2019б. Проблемы совершенствования понятийного аппарата в сфере охраны и использования природных лечебных ресурсов, лечебно-оздоровительных местностей и курортов. *Актуальные проблемы российского права*. 4 (101): 186–194. URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.101.4.186-194>
- Иванов А. Н., Чижова В. П. 2019. *Охраняемые природные территории*. М.: Юрайт. URL: <https://biblionline.ru/bcode/438513>
- Иванюк О. А. 2008. Качество закона и проблемы юридической техники. *Журнал российского права*. 2: 150–161.
- Игнатьева И. А. 2010. Последние направления в развитии законодательства об особо охраняемых природных территориях. *Бизнес, менеджмент и право*. 1 (21): 132–138.
- Изьюров Е. Ю., Огородовая Л. Я. 2015. Правовые вопросы создания и развития особо охраняемых природных территорий местного значения. *Экологическое право*. 6: 22–27.
- Исаченко А. Г. 1991. *Ландшафтоведение*. М.: Высшая школа.
- Казанцев М. Ф. 2013. Региональное законодательство в России: тенденции развития и уровень качества. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 13 (3): 99–110.
- Краснов А. Н. 2008. *Юридическая техника российского экологического законодательства (общеправовой анализ)*. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России. URL: <https://dlib.rsl.ru/01003167859>

- Краснова О. И. 2008. Законодательное регулирование разграничения полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Федерации: состояние, проблемы и перспективы совершенствования. *Государство и право*. 12: 48–59.
- Кревер В. Г., Стишов М. С., Онуфреня И. А. (сост.). 2009. *Особо охраняемые природные территории России: современное состояние и перспективы развития*. М.: WWF России.
- Круглов В. В. 2010. О проблемах правового регулирования охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов в регионе. *Российское право: образование, практика, наука*. 5: 15–22.
- Крусс В. И., Вихрова В. А. 2017. Федеративные аспекты конституционализации правовых режимов особо охраняемых природных территорий. В сб.: Шагидуллин Р. Р., Кадырова Х. Р. (науч. ред.) *Устойчивое развитие регионов: опыт, проблемы, перспективы*. Казань: Академия наук Республики Татарстан; 640–643.
- Кучаков Р. К., Савельев Д. А. 2018. *Сложность правовых актов в России: лексическое и синтаксическое качество текстов*. СПб.: ИПП ЕУСПб. URL: http://www.enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/memo_readability_2018_web.pdf
- Личичан О. П. 2009. Правовые системы субъектов Российской Федерации: современное состояние и развитие. *Вестник Томского государственного университета*. 324: 230–233.
- Минина Е. Л. 2016. Тенденции развития законодательства о растительном мире. *Журнал российского права*. 5: 108–117.
- Некипелова М. В., Изъюров Е. Ю., Огородовая Л. Я. 2010. Актуальные проблемы управления особо охраняемыми природными территориями регионального (республиканского) и местного значений в Республике Коми. В сб.: *Современное состояние и перспективы развития сети особо охраняемых территорий европейского Севера и Урала*. Сыктывкар: Институт биологии Коми НЦ УрО РАН; 115–118. URL: https://ib.komisc.ru/add/conf/undp/?page_id=7
- Ромашов Р. А., Сергевнин С. Л. 2003. Региональное законодательство в современной России: проблемы теоретического моделирования и практического воплощения. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2 (247): 57–61.
- Савельев Д. А. 2018. О создании и перспективах использования корпуса текстов российских правовых актов как набора открытых данных. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 1: 26–44. URL: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.1.26.44>
- Савельева Е. А. 2014. Правовое регулирование экологического зонирования в Российской Федерации. *Российская юстиция*. 2: 12–14.
- Ткаченко Н. 2017. *Статистический анализ федерального законодательства*. М.: Центр стратегических разработок. URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/02/Issledovanie_TSSR_statistika-pozakonoproektam.pdf
- Хмельёва Е. Н. (сост.) 2009. *Проблемы законодательства об особо охраняемых природных территориях и предложения по его совершенствованию. (Аналитический обзор законодательства и проект*

новой редакции Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях»). М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF). URL: https://wwf.ru/upload/iblock/9b0/oopt_zakon.pdf

Хмельёва Е. Н. 2014. Правовое регулирование особо охраняемых природных территорий: проблемы, их решения и вопросы без ответов. *Астраханский вестник экологического образования*. 1 (27): 16–23.

Черданцев А. Ф. 2012. *Логико-языковые феномены в юриспруденции*. М.: Норма: НИЦ Инфра-М. URL: <http://znanium.com/catalog/product/258096>

Шестаков А. С. (ред.). 2003. *Охраняемые природные территории в России: правовое регулирование. Аналитический обзор федерального законодательства*. М.: КМК.

Bojanowski P. et al. 2016. Enriching Word Vectors with Subword Information. *arXiv preprint*. URL: <https://arxiv.org/abs/1607.04606>

Chalkidis I., Kampas D. 2018. Deep Learning in Law: Early Adaptation and Legal Word Embeddings Trained on Large Corpora. *Artificial Intelligence and Law*. 2: 171–198. URL: <https://doi.org/10.1007/s10506-018-9238-9>

Dudley N. (ed.). 2008. *Guidelines for Applying Protected Area Management Categories*. Gland, Switzerland: IUCN. URL: <https://portals.iucn.org/library/sites/library/files/documents/PAG-021.pdf>

Grave E. et al. 2018. Learning Word Vectors for 157 Languages. *arXiv preprint*. URL: <https://arxiv.org/abs/1802.06893>

Lausche B. 2011. *Guidelines for Protected Areas Legislation*. Gland, Switzerland: IUCN. URL: <http://portals.iucn.org/library/node/9869>

Lawton J. H. 1999. Are there General Laws in Ecology? *Oikos*. 84: 177–192.

NEW TEXTS

Pavel Syomin

Some Regularities in Establishing Regional Categories of Specially Protected Natural Territories

SYOMIN, Pavel — independent researcher, Nizhniy Tagil, Russian Federation.

Email: ntsp@ya.ru

Abstract

Protection of the environment and specially protected natural territories are in the joint jurisdiction of the Russian Federation and its constituent entities. In particular, constituent entities have the power to establish their own categories of specially protected natural territories (called regional categories) besides the categories prescribed by the federal law On Specially Protected Natural Territories.

The diversity of regional categories has been studied only superficially, despite the fact that such research may be valuable for finding out the drawbacks of federal and regional legislation and for identifying the ways it can be improved. It may also result in general insights about Russian lawmaking under joint jurisdiction. The study presented in this paper aimed to find the regularities in the legislative activity of Russia's constituent entities in the field of establishing regional categories. For this purpose, the full list of regional categories as of August 1, 2019 was made and then processed with text mining algorithms, including word clouds, bigram analysis, word correlations, and clustering of categories' names using their vector representations made with Fasttext. Several large groups of regional categories were determined as a result: protected natural objects (analogous to natural monuments), protected landscapes and natural complexes, protected green zones of populated localities, recreational areas, and areas of historical and cultural designation, which are similar to cultural heritage objects. Some constituent entities fill the gaps in federal regulation; they follow the paradigm of anticipatory lawmaking and provide for special rules for territories under international agreements, such as wetlands of international importance, or they partially implement protected area categories adopted by the International Union for Conservation of Nature. However, some regional categories are likely to indicate a low level of legal technique in regional lawmaking. This analysis of regional categories points out three deficiencies of the Russian federal legislation on protected areas: instability of legislation, excessive rigidity of the federal categories system, and flaws in the protection of areas valuable for conservation of biodiversity, recreation, and support for ecological balance.

Keywords: specially protected natural territories; regional legislation; categories; environmental law; Russian federalism; empirical legal studies; text mining; Fasttext.

References

- Andrichenko L. V., Tchertkov A. N. (2009) Vzaimodeistvie Gosudarstvennoy Dumy i zakonodatel'nykh organov sub"ektov Rossiyskoy Federatsii [Interaction of State Duma with Legislative Bodies of Subjects of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, no 2, pp. 3–10 (in Russian).
- Andrichenko L. V., Yurtaeva E. A. (2013) Konstitutsionnye osnovy rossiyskogo federalizma [Constitutional Foundations of the Russian Federalism]. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, no 6, pp. 5–16 (in Russian).

- Anisimov A. P. (2017) Aktual'nye problemy realizatsii kontseptsii ustoychivogo razvitiya v Rossiiskoy Federatsii [Actual Problems of Implementing the Concept of Sustainable Development in the Russian Federation]. *Proceedings of the Sovremennye problemy yuridicheskoy nauki i pravoprimeritel'noy praktiki* [Modern Problems of Legal Science and Practice] (Kaliningrad, Russia, April 13–15, 2017) (ed. O. A. Zaiachkovskii), Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University, pp. 61–66 (in Russian).
- Anisimov A. P. (2019a) Kontseptsiya “kooperativnogo federalizma” i ee vliyanie na praktiku okhrany okruzhaiushchey sredy zarubezhnykh stran [“Cooperative Federalism” Concept and Its Impact on Environmental Protection in Foreign Countries]. *Mogilev State A. Kuleshov Bulletin. Series D. Economics. Sociology. Law*, no 2 (54), pp. 100–107 (in Russian).
- Anisimov A. P. (2019b) Zakonodatel'stvo sub"ektov RF v oblasti obespecheniya prodovol'stvennoy bezopasnosti: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Legislation of Subjects of the Russian Federation in the Field of Food Security: Comparative Legal Research]. *Nauchnyy vestnik Volgogradskogo filiala RANKhiGS. Seriya: Yurisprudentsiya*, vol 5, no 1, pp. 64–71 (in Russian).
- Anisimov A. P., Ryzhenkov A. Ya., Charkin S. A. (2019) *Ekologicheskoe pravo Rossii* [Environmental Law of Russia], Moscow: Yurayt. Available at: <https://biblio-online.ru/bcode/431157> (accessed 1 September 2019) (in Russian).
- Bezrukov A. V. (2003) Sovmestnaya kompetentsiya i sovershenstvovanie vzaimodeistviya Rossiiskoy Federatsii i ee sub"ektov [Joint Competence and Improvement of Interaction Between the Russian Federation and Its Subjects]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, no 4 (249), pp. 16–23 (in Russian).
- Blagovidov A., Ochagov D., Ptichnikov A. (2002) *Sokhranenie bioraznoobraziya lesov Rossii: vklad OOPT i lesov I gruppy* [Conservation of Biodiversity of Russian Forests: Contribution of Specially Protected Natural Territories and of Forests of 1st Group], Moscow: IUCN — The World Conservation Union, Representative Office for Russia and the CIS countries (in Russian).
- Bogolyubov S. A. (2003) Sootnoshenie federal'nogo i regional'nogo zakonodatel'stva v oblasti okhrany okruzhaiushchey sredy [Correlation of federal and regional ecological legislation]. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, no 2, pp. 7–13 (in Russian).
- Bojanowski P., Grave E., Joulin A., Mokolov T. (2016) Enriching Word Vectors with Subword Information. *arXiv preprint*. Available at: <https://arxiv.org/abs/1607.04606> (accessed 1 September 2019).
- Boltanova E. S. (2016) Mesto zakonodatel'stva sub"ektov Rossiyskoy Federatsii v sisteme zemel'nogo zakonodatel'stva [Place of Legislation of the Subjects of the Russian Federation in the Land Legislation System]. *Yurist = Jurist*, no 10, pp. 23–27 (in Russian).
- Brinikh V. A. (2014) Kommentariy k Federal'nomu zakonu «O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon „Ob osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh“ i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii» ot 28 dekabrya 2013 g. № 406-FZ [Commentary to Federal Law «Amending the Federal Law «On Specially Protected Natural Areas» and Some Legislative Acts of the Russian Federation» dated 28 December 2013 No 406-FZ]. *Astrakhanskiy vestnik ekologicheskogo obrazovaniya = Astrakhan Bulletin for Environmental Education*, no 1 (27), pp. 23–31 (in Russian).
- Chalkidis I., Kampas D. (2018) Deep Learning in Law: Early Adaptation and Legal Word Embeddings Trained on Large Corpora. *Artificial Intelligence and Law*, no 2, pp. 171–198. doi:10.1007/s10506-018-9238-9

- Cherdantsev A. F. (2012) *Logiko-yazykovye phenomenony v yurisprudentsii* [Logical and Linguistic Phenomena in Jurisprudence], Moscow: Norma: NITs Infra-M. Available at: <http://znanium.com/catalog/product/258096> (accessed 1 September 2019) (in Russian).
- Dubovik O. L. (ed.) (2015) *Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 14 marta 1995 g. № 33-FZ "Ob osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh"* [Commentary to Federal Law Dated March 14, 1995 No 33-FZ "On Specially Protected Natural Territories"], Moscow: Consultant Plus (in Russian).
- Dudley N. (ed.) (2008) *Guidelines for Applying Protected Area Management Categories*, Gland, Switzerland: IUCN. Available at: <https://portals.iucn.org/library/sites/library/files/documents/PAG-021.pdf> (accessed 1 September 2019).
- Evdokimova T. V. (2011) *Pravovaya okhrana esteticheskikh svoistv landshaftov* [Legal Protection of Landscape Aesthetics] (PhD Thesis), Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01004847599> (accessed 19 December 2019) (in Russian).
- Gafina L. M. (2008) *Pravovaya okhrana landshaftnogo raznoobraziya v Rossiiskoy Federatsii* [Legal Protection of Landscape Diversity in the Russian Federation] (PhD Thesis), Ulyanovsk: Ulyanovsk State University. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01003451503> (accessed 19 December 2019) (in Russian).
- Galinovskaya E. A. (2010) O pravovykh osnovakh obrazovaniya sistemy osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriy v Rossii [On the Legal Basis for the Formation of a system of Specially Protected Natural Territories in Russia]. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, no 5, pp. 28–34 (in Russian).
- Galsanova A. B. (2016) Inye kategorii osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriy po zakonodatel'stvu sub'ektov Rossiyskoy Federatsii [Other Categories of Specially Protected Natural Territories According to the Legislation of Constituent Entities of the Russian Federation]. *Proceedings of the Intellektual'nyy i nauchnyy potentsial XXI veka* [Intellectual and Scientific Potential of the 21st Century] (Ufa, Russia, December 20, 2016) (ed. A. A. Sukiasyan), Ufa: Aeterna, pp. 86–89 (in Russian).
- Golovina A. A. (2017) Defekty zakonodatel'noy tekhniki kak prepyatstvie obydennomu tolkovaniyu prava [Defects of Legislative Technique as Obstacle to Ordinary Interpretation of the Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, no 4, pp. 16–26 (in Russian).
- Grave E., Bojanowski P., Gupta P., Joulin A., Mikolov T. (2018) Learning Word Vectors for 157 Languages. *arXiv preprint*. Available at: <https://arxiv.org/abs/1802.06893> (accessed 1 September 2019).
- Ignat'eva I. A. (2010) Poslednie napravleniya v razvitii zakonodatel'stva ob osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh [Recent Trends in the Development of Legislation on Especially Protected Natural Areas]. *Biznes, menedzhment i pravo = Business, Management and Law*, no 1 (21), pp. 132–138 (in Russian).
- Isachenko A. G. (1991) *Landshaftovedenie* [Landscape Science], Moscow: Higher School (in Russian).
- Ivanov A. N., Chizhova V. P. (2019) *Okhranyaemye prirodnye territorii* [Protected Natural Territories], Moscow: Yurayt. Available at: <https://biblio-online.ru/bcode/438513> (accessed 1 September 2019) (in Russian).
- Ivanyuk O. A. (2008) Kachestvo zakona i problemy yuridicheskoy tekhniki [Quality of Law and Problems of Legal Technics]. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, no 2, pp. 150–161 (in Russian).

- Iz'yurov E. Yu., Ogorodovaya L. Ya. (2015) Pravovye voprosy sozdaniya i razvitiya osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriy mestnogo znacheniya [Legal Issues of Establishing and Developing Specially Protected Natural Areas of Local Significance]. *Ekologicheskoe pravo = Environmental Law*, no 6, pp. 22–27 (in Russian).
- Kazantsev M. F. (2013) Regional'noe zakonodatel'stvo v Rossii: tendentsii razvitiya i uroven' kachestva [Regional Legislation in Russia: Tendencies of Development and Level of Performing]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk = Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, vol. 13, no 3, pp. 99–110 (in Russian).
- Khmeleva E. N. (ed.) (2009) *Problemy zakonodatel'stva ob osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh i predlozheniya po ego sovershenstvovaniyu. (Analiticheskiy obzor zakonodatel'stva i projekt novoy redaktsii Federal'nogo zakona "Ob osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh")* [Problems of Legislation on Specially Protected Natural Territories and Proposals for its Improvement (An Analytical Review of the Legislation and a Draft of the New Edition of Federal Law "On Specially Protected Natural Territories)], Moscow: WWF. Available at: https://wwf.ru/upload/iblock/9b0/oopt_zakon.pdf (accessed 1 September 2019) (in Russian).
- Khmeleva E. N. (2014) Pravovoe regulirovanie osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriy: problemy, ikh resheniya i voprosy bez otvetov [Legal Regulation of Specially Protected Natural Territories: Problems, Solutions, and Questions without Answers]. *Astrakhanskiy vestnik ekologicheskogo obrazovaniya = Astrakhan Bulletin for Environmental Education*, no 1 (27), pp. 16–23 (in Russian).
- Krasnov A. N. (2008) *Yuridicheskaya tekhnika rossiyskogo ekologicheskogo zakonodatel'stva (obshchepravovoy analiz)* [Legal Technique of Russian Environmental Legislation (Analysis from the Point of General Theory of Law)] (PhD Thesis), Nizhniy Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01003167859> (accessed 1 September 2019) (in Russian).
- Krasnova O. I. (2008) Zakonodatel'noe regulirovanie razgranicheniya polnomochiy mezhdru organami gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii i organami gosudarstvennoy vlasti sub'ektov Federatsii: sostoyanie, problemy i perspektivy sovershenstvovaniya [Legislative Regulation of Delimitation of Powers between Organs of Power of the Russian Federation and Organs of State Power of the Subjects of the Federation: Current State of Affairs, Problems and Perspectives of Perfection]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no 12, pp. 48–59 (in Russian).
- Krever V. G., Stishov M. S., Onufrenia I. A. (sost.). (2009) *Osobo okhranyaemye prirodnye territorii Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Specially Protected Natural Territories of Russia: Current Status and Prospects of Development], Moscow: WWF Russia (in Russian).
- Kruglov V. V. (2010) O problemakh pravovogo regulirovaniya okhrany okruzhayushchey sredy i ratsional'nogo ispol'zovaniya prirodnykh resursov v regione [On the Problems of Legal Regulation of Environmental Protection and Rational Use of Natural Resources in the Region]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Researches*, no 5, pp. 15–22 (in Russian).
- Kruss V. I., Vikhrova V. A. (2017) Federativnye aspekty konstitutsionalizatsii pravovykh rezhimov osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriy [Federative Aspects of the Constitutionalization of Legal Regimes of Specially Protected Natural Territories]. *Proceedings of the Ustoychivoe razvitie regionov: opyt, problemy, perspektivy* [Sustainable Development of Regions: Experience, Problems, Prospects] (Kazan', Russia,

- November 16–17, 2017) (eds. R. R. Shagidullin, Kh. R. Kadyrova), Kazan': Akademiya nauk Respubliki Tatarstan, pp. 640–643 (in Russian).
- Kuchakov R. K., Savel'ev D. A. (2018) *Slozhnost' pravovykh aktov v Rossii: leksicheskoe i sintaksicheskoe kachestvo tekstov* [Complexity of Legal Acts in Russia: Lexical and Syntactic Quality of Texts], St. Petersburg: IPPEUSPb. Available at: http://www.enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/memo_readability_2018_web.pdf (accessed 1 September 2019) (in Russian).
- Lausche B. (2011) *Guidelines for Protected Areas Legislation*, Gland, Switzerland: IUCN. Available at: <http://portals.iucn.org/library/node/9869> (accessed 1 September 2019).
- Lawton J. H. (1999) Are there General Laws in Ecology? *Oikos*, no 84, pp. 177–192.
- Lichichan O. P. (2009) Pravovye sistemy sub'ektov Rossiiskoy Federatsii: sovremennoe sostoianie i razvitiye [Legal Systems of the Subjects of the Russian Federation: Modern Condition and Development]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, no 324, pp. 230–233. (in Russian).
- Minina E. L. (2016) Tendentsii razvitiya zakonodatel'stva o rastitel'nom mire [Development Tendencies in Legislation on Plant World]. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, no 5, pp. 108–117 (in Russian).
- Nekipelova M. V., Iz'yurov E. Yu., Ogorodovaya L. Ya. (2010) Aktual'nye problemy upravleniya osobo okhranyaemymi prirodnyimi territoriyami regional'nogo (respublikanskogo) i mestnogo znacheniy v Respublike Komi [Actual Problems of Management of Specially Protected Natural Territories of Regional (Republican) and Local Significance in Komi Republic]. *Proceedings of the Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya seti osobo okhranyaemykh territoriy evropeyskogo Severa i Urala* [Present State and Prospects of Protected Area Network in European North and Urals] (Syktyvkar, Russia, November 8–12, 2010), Syktyvkar: Institute of biology of Komi Scientific Center, Ural Division of RAS, pp. 115–118. Available at: https://ib.komisc.ru/add/conf/undp/?page_id=7 (accessed 1 September 2019) (in Russian).
- Romashov R. A., Sergevnin S. L. (2003) Regional'noe zakonodatel'stvo v sovremennoy Rossii: problemy teoreticheskogo modelirovaniya i prakticheskogo voploshcheniya [Regional Legislation in Modern Russia: Problems of Theoretical Modelling and Practical Implementation]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, no 2 (247), pp. 57–61 (in Russian).
- Savel'ev D. A. (2018) O sozdanii i perspektivakh ispol'zovaniya korpusa tekstov rossiyskikh pravovykh aktov kak nabora otkrytykh dannykh [On Creating and Using Text of the Russian Federation Corpus of Legal Acts as an Open Dataset]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, no 1, pp. 26–44. doi:10.17323/2072-8166.2018.1.26.44 (in Russian).
- Savel'eva E. A. (2014) Pravovoe regulirovanie ekologicheskogo zonirovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Legal Regulation of Ecological Zoning in the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya = Russian Justitia*, no 2, pp. 12–14 (in Russian).
- Shestakov A. S. (ed.) (2003) *Okhranyaemye prirodnye territorii v Rossii: pravovoe regulirovanie. Analiticheskiy obzor phederal'nogo zakonodatel'stva* [Protected Natural Territories in Russian: Legal Regulation. Analytical Review of Federal Legislation], Moscow: KMK Scientific Press Ltd. (in Russian).

- Tkachenko N. (2017) *Statisticheskoy analiz pederal'nogo zakonodatel'stva* [Statistical Analysis of Federal Legislation], Moscow: Center for Strategic Research. Available at: http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/02/Issledovanie_TSSR_statistika-po-zakonoproektam.pdf (accessed 1 September 2019) (in Russian).
- Vasil'eva M. I. (2005) Zakon sub'ekta Rossiyskoy Federatsii "Ob okhrane okruzhayushchey sredy": opyt pravovogo modelirovaniya [Law of the Constituent Entity of the Russian Federation "On Environmental Protection": Experience of Legal Modelling]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, no 11, pp. 75–88 (in Russian).
- Vyphanova G. V. (2016) Kontseptual'nye osnovy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva o lechebno-ozdorovitel'nykh mestnostiakh i kurortakh [Conceptual Foundations of Improvement of Legislation on Therapeutic and Health Areas and Resorts]. *Lex Russica*, no 6 (115), pp. 119–131. doi: 10.17803/1729-5920.2016.115.6.119-131 (in Russian).
- Zhavoronkova N. G., Vyphanova G. V. (2019a) Teoretiko-metodologicheskie problemy sovershenstvovaniia gosudarstvennoi politiki v oblasti razvitiya kurortov i lechebno-ozdorovitel'nykh mestnostey [Theoretical and Methodological Problems of Improving the State Policy in the Development of Resorts and Therapeutic Areas]. *Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina (MGYuA) = Courier of the O. Ye. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, no 1, pp. 22–36. doi: 10.17803/2311-5998.2019.53.1.022-036 (in Russian).
- Zhavoronkova N. G., Vyphanova G. V. (2019b) Problemy sovershenstvovaniya ponyatiynogo apparata v sphere okhrany i ispol'zovaniya prirodnykh lechebnykh resursov, lechebno-ozdorovitel'nykh mestnostey i kurortov [Problems of Improving Conceptual Apparatus in the Field of Protection and Use of Natural Medicinal Resources, Medical and Recreational Areas and Resorts]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, no 4 (101), pp. 186–194. doi: 10.17803/1994-1471.2019.101.4.186-194 (in Russian).

Received: September 1, 2019.

Citation Syomin P. (2020) Some Regularities in Establishing Regional Categories of Specially Protected Natural Territories [Nekotorye zakonomernosti ustanovleniya regional'nykh kategoriy osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriy]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 2, pp. 11–38. doi: 10.17323/1726-3247-2020-2-11-38 (in Russian).

А. Д. Хачатуров

Трансформации режимов правительности под влиянием новых областей знания: случай поведенческой экономики

ХАЧАТУРОВ Арнольд Давидович — выпускник магистерской программы «Социология и политическая философия» Московской высшей школы социальных и экономических наук (2018); редактор отдела экономики автономной некоммерческой организации «Редакционно-издательский дом «Новая газета»». Адрес: Россия, 101000, Москва, Потаповский пер., д. 3.

Email: arnold.khachaturov@gmail.com

Статья представляет собой обзор актуальной научной литературы, анализирующей последствия растущей популярности поведенческой экономики в поле государственного управления и публичной политики. Основным результатом поведенческих исследований, зародившихся в 1970-х гг. на стыке психологии и экономики, — это открытие иррациональных механизмов принятия решений и отказ от традиционных для экономической теории представлений о человеческой природе. Пересмотр аксиом рационального выбора сделал возможным появление новых инструментов публичной политики, которые способны воздействовать на бессознательные психологические триггеры, компенсируя «когнитивную недостаточность» управляемых субъектов. Активное обращение к когнитивным наукам, среди которых поведенческая экономика, нейронауки и исследования в области искусственного интеллекта, это один из главных трендов в современном государственном управлении. Во многих странах на уровне национальных правительств внедряются рекомендации из так называемой «теории подталкиваний» (nudge theory) Ричарда Талера и Кассы Санстейна. Возникает вопрос: сможет ли поведенческая экономика стать новой парадигмой экономической политики, или же мы наблюдаем радикализацию неолиберализма, который пытается преодолеть структурные экономические проблемы с помощью передовых научных открытий? Используя аналитику правительности (gouvernementalité) Мишеля Фуко и существующие научные исследования на эту тему, мы показываем, что концептуальные изменения в экономической теории заметно влияют на баланс властных отношений в обществе. В частности, давление современных когнитивных наук на либеральные представления об автономии, а также расширение спектра «психологических» инструментов, используемых для управления населением, обостряют вопрос о совместимости базовых политических категорий либерализма и новых технологий управления. Это создаёт предпосылки для формирования и укрепления квазиавторитарных режимов власти, способных достигать экономической эффективности без апелляции к активным субъектам и личной свободе.

Ключевые слова: поведенческая экономика; правительность; «подталкивания»; неолиберализм; Фуко; «человек экономический».

Введение

Готовность применять на практике актуальные научные разработки становится одним из главных требований современного государственного управления. Востребованность доказательного подхода к публичной политике подтверждается среди прочего присуждением в 2019 г. премии по экономи-

ке памяти Альфреда Нобеля за экспериментальные методы оценки эффективности государственных программ [Inman 2019]. Правительства стараются внедрять в свою деятельность техники из естественных наук, такие как рандомизированные контролируемые эксперименты [Jones, Whitehead 2018]. По этому принципу проводился, например, пилотный проект по внедрению безусловного базового дохода в Финляндии [Mannevu 2019].

Статистические инструменты и экспериментальные методы, используемые для повышения эффективности госуправления, — только один из элементов доказательной политики. Другим важным аспектом этого подхода выступает опора на научные знания о природе человека. Появление новых знаний о человеческом поведении, обладающих широкой научной легитимностью, способно приводить к изменению целей, масштабов, стилей и инструментов государственной политики [Jones, Pykett, Whitehead 2013: 3].

Во второй половине XX века ключевым источником экспертизы для государственной политики стала экономическая наука. Свойственная ей концепция *человека экономического*, по мнению ряда исследователей, вышла за пределы академии и стала восприниматься как образчик повседневного здравого смысла [Callon 2007]. Доминирование экономического дискурса и присущего ему представления о природе человека сохраняется в публичной сфере до сих пор. Антропологическая модель рационального и эгоистического индивида обусловила многие практики власти современного неолиберального государства [Foucault 2008].

Однако в последнее время на академической сцене появились новые дисциплины, которые успешно оспорили антропологические основания экономического мейнстрима. Так, с начала 2000-х гг. заметно выросла популярность поведенческой экономики, предложившей альтернативное описание процесса принятия решений. С точки зрения поведенческих экономистов, в реальной жизни люди больше похожи на Гомера Симпсона, совершающего дурацкие ошибки, чем на расчётливых экономических агентов [Thaler, Sunstein 2008b]. С критикой рационалистического взгляда на человеческую природу также выступили нейронауки, которые в XXI веке претендуют на ранее закреплённый за экономикой статус универсального знания о мире [Pykett 2017: 69].

Библиометрический анализ показывает значительный рост упоминаний поведенческой экономики в академических дискуссиях [Costa, Carvalho, Moreira 2019]. Два «отца-основателя» этой субдисциплины — Ричард Талер и Даниэль Канеман — в разные годы были отмечены Нобелевской премией по экономике. Популярные книги обоих авторов о процессе принятия решений стали международными бестселлерами. Идея о том, что люди не обладают даром абсолютной рациональности и видят мир через призму когнитивных искажений, полагаясь на инстинктивные и эмоциональные импульсы, проникла не только на университетские кафедры и в массовую культуру, но и в мир политического истеблишмента. Заинтересованность в открытиях поведенческих учёных проявили многочисленные государственные институты, ответственные за реализацию экономической политики в разных странах.

Например, в 2009 г. в США было создано первое в мире специальное административное подразделение по разработке и имплементации поведенческих техник (*nudge unit*), а год спустя аналогичная структура появилась в Великобритании [McSmith 2010]. С тех пор множество стран в той или иной степени последовали этому примеру. Так, по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), разработки поведенческих наук используются более чем в двухстах государственных учреждениях по всему миру [OECD 2019]. Доклады о влиянии поведенческой экономики на публичную политику выпустили ключевые международные институты развития, среди которых Всемирный банк [World Bank 2018] и Международный валютный фонд (МВФ) [Khan 2018]. Международная консалтинговая компания Deloitte описывает внедрение поведенческих техник как один из основных трендов

трансформации госуправления [Eggers, Turley 2019]. В профессиональной среде появился специальный термин «поведенческая публичная политика», а также стали выходить сборники рекомендаций по имплементации поведенческих инсайтов для различных государственных учреждений [John 2018].

Обсуждение поведенческой публичной политики ведётся и в России. Главный пример — опция «автоподключение» при внедрении системы индивидуального пенсионного капитала (ИПК). Идея ИПК состояла в том, чтобы «по умолчанию» включать людей в накопительную программу, но с возможностью отказаться от участия. Центральный банк РФ называл автоподключение, впервые опробованное в рамках индивидуальных пенсионных планов в США, ключевым условием реформы накопительной части пенсии [Коммерсант 2019]. Продвижением регуляторного подхода, основанного на открытиях поведенческой экономики, занимался также Центр стратегических разработок — аналитический центр, который в 2018 г. готовил одну из стратегий экономического развития для будущего президента России [ЦСР 2018]. Хотя уровень реального проникновения поведенческой экономики в управленческие практики, как и степень их «революционности», остаётся предметом для дискуссий, значительное внимание к этим направлениям в публичной и научной среде кажется очевидным.

По масштабу теоретического влияния поведенческую экономику и нейронауки можно сопоставить со структурной лингвистикой и психоанализом, которые в XX веке проблематизировали человеческое эго, единство субъекта, автономную волю и другие ключевые для западной мысли общественно-политические концепты [Rose, Abi-Rached 2013]. При этом современные экспериментальные науки о человеческом поведении, в отличие от радикальных теорий гуманитарного толка, претендуют на прикладную роль в государственном управлении. Обращение к когнитивным наукам — один из главных трендов в современной публичной политике. Можно обоснованно предположить, что в ближайшем будущем он продолжит набирать обороты [Geiger 2016].

Поскольку сегодня экономическое мышление доминирует не только в бизнесе или политике, но и во многих областях повседневной жизни, распространение новой модели «психологического субъекта» потенциально может стать предпосылкой для перестройки всего комплекса властных отношений в обществе. Как писал в XVIII веке итальянский философ Джамбаттиста Вико, «управление должно соответствовать природе управляемых» (цит. по: [Rose 2013: 160]). Эта идея нашла новое воплощение в концепции власти-знания французского философа Мишеля Фуко, который утверждал, что власть не только угнетает и исключает, но и конституирует субъектов управления [Foucault 1982]. Лишь после того как образ субъекта сформирован и вписан в систему правительности — искусства отправления политической власти в целях процветания населения [Foucault 1991], — его поведением можно руководить. Каждый новый режим правительности обладает специфическим набором коррелятов, среди которых выделяют политические рациональности, формы субъективности, типы научного знания и технологии управления. От конфигурации этих элементов, среди которых есть как институциональные, так и дискурсивные факторы, зависят пределы возможностей центральной власти. Трансфер теоретических положений и субъективностей поведенческих наук в современную публичную политику — яркое проявление этой сложной динамики, которая каждый раз заново переопределяет границы между государством, обществом и рынком.

Сегодня, на наш взгляд, именно когнитивные науки определяют вектор эволюции правительности. Но продолжает ли психологический субъект поведенческих наук, пришедший на смену человеку экономическому, оставаться коррелятом неолиберальной правительности? Или же пересмотр антропологической модели приводит к появлению новой рациональности управления? Так звучит основной вопрос, который рассматривается в этом тексте. Для того чтобы попытаться дать на него ответ, мы обращаемся к фукольдианской аналитике правительности, направленной на выявление реципрокных отношений между формами научного знания, модусами субъективации и практиками власти [Lemke 2007].

Эта работа относится к жанру обзора научной литературы. Основной корпус текстов, к которому апеллирует данная статья, исследуют новейшие трансформации неолиберализма, включая его поворот к психологии и нейронаукам [Whitehead et al. 2017] и реакцию на глобальный финансовый кризис 2008 г. [Berndt 2015]. Подавляющее большинство работ на этот счёт написано за последние пять лет, поскольку запрос на новые формы «поведенческой публичной политики» сформировался именно в эти годы и пока ограниченно отрефлексирован в академическом поле. За рамками этой работы осталась критика «теории подталкиваний», существующая внутри самой поведенческой экономики, например, попытки разработать альтернативную «экономику благосостояния» (см., например: [Sugden 2018]). В этих модифицированных концепциях поведенческой экономики, полемизирующих с отдельными аспектами политической программы Р. Талера и К. Санстейна, сохраняется нормативный приоритет теории рационального выбора. В рамках данного исследования это позволяет рассматривать все остальные различия между ними как второстепенные.

К ограничениям данной статьи следует отнести отсутствие эмпирической части, а также особенности теоретической рамки исследования. В частности, аналитика правительности может переоценивать значимость дискурсивных элементов власти, уделяя чрезмерное внимание теоретическим разработкам, а не реальным практикам власти. Кроме того, исследователи правительности зачастую фокусируются на неолиберальных режимах власти, игнорируя альтернативные формы управленческой рациональности (например, государство всеобщего благосостояния). При этом точные критерии, которые отделяют один тип правительности от другого, часто остаются на усмотрение каждого конкретного исследователя. В связи с этим выводы, сделанные в финальной части статьи, носят промежуточный характер и указывают на перспективное направление для дальнейших эмпирических исследований.

Пересборка правительности

Сдвиги в режимах правительности, начиная с появления либерализма во второй половине XVIII века, представляют собой череду «политико-эпистемологических революций» [Gordon 1991: 15], спровоцированных появлением новых научных и экспертных знаний. Как правило, эти знания касаются человеческой природы и тесно связаны с общими представлениями об устройстве биологической жизни. Так, либеральные концепты автономии и свободы отсылают к понятиям «саморегулирование» и «самосохранение биологических систем», которые появились приблизительно в то же время, что и первые формы либеральной правительности [Lemke 2011: 48]. Перенос соответствующих биологических представлений в политэкономия привёл к «открытию» автономной социальной реальности, существующей за счёт имманентных законов и не терпящей произвольного вмешательства со стороны государства. Единственным инструментом либеральной правительности оказалось направление потоков интересов и желаний при помощи воздействия на стимулы рациональных субъектов, наделённых «естественной» свободой [Foucault 2008]. Цель правительства состояла в том, чтобы не вмешиваться в дела рынка и лишь следить за тем, чтобы свобода либеральных субъектов исправно перерабатывалась в продукты безопасности¹.

В 1930-х гг. начинается зарождение неолиберальной правительности. Префикс «нео-» в случае неолиберализма обозначает не просто возвращение утраченной традиции классического либерализма или неограниченное разрастание экономического либерализма (что-то вроде *laissez-faire 2.0*), но эпистемологическое переопределение основных либеральных концептов — рынка, свободы, правового государства и знания [Beddeleem 2018]. Появление неолиберализма тоже было связано с прогрессом в естественных науках. Основная черта «нового научного духа», наиболее заметными носителями которого

¹ Термин «безопасность» (франц. *securité*) Фуко понимает в более широком смысле, чем внутренние войска или армия (франц. *sûreté*): это понятие подразумевает также социальные, продовольственные и другие аспекты безопасности [Valverde 2007].

были квантовая механика, теория относительности и неевклидова геометрия, — конвенционализм и неприятие натуралистической картины мира [Beddeleem 2018]. Неудивительно, что ключевую новацию неолиберальной правительности Фуко определил как отказ от натуралистической концепции рынка. Неолиберальный рынок — это больше не оазис естественной свободы, а искусственный механизм и идеальный принцип конкуренции, требующий целенаправленного конструирования со стороны правительства. Свободный рынок не возникает сам по себе в отсутствие государственного вмешательства; напротив, он не может существовать без юридических и институциональных рамок, обеспечиваемых центральной властью.

Техническая модальность рынка распространилась и на самого неолиберального субъекта. Свобода, автономия и агентность потеряли статус «естественных» свойств: неолиберального индивида надо целенаправленно возвращать, чтобы он соответствовал модели эффективного «предпринимателя себя». На первый план вышел критерий рациональности, ориентированный на параметры внешней среды. Социолог Мишель Каллон обозначает неолиберальную субъективность гибкого и креативного предпринимателя термином *homo economicus 2.0* [Callon 2008]. По мысли Каллона, неолиберальный субъект, в отличие от «природного» либерального субъекта, обладает распределённой агентностью, то есть опирается на внешние материальные, эмоциональные и когнитивные ресурсы, а также на межличностные сети и институциональную поддержку. Государство, поддерживая условия функционирования рынка, занимается «политикой протезирования»: создаёт социотехнические ансамбли, которые позволяют «починить» субъекта и превратить его в «рыночного киборга».

Отсюда центральный элемент неолиберальной экономической политики — создание специальной экспертной инфраструктуры, позволяющей субъектам обретать необходимые знания и навыки, чтобы самостоятельно калькулировать риски и планировать своё поведение в рыночной среде [Rose 1996]. От экономических акторов ожидается умение находить и анализировать информацию, оценивать различные способы действия и осознавать возможные последствия своих решений. К соответствующей инфраструктуре относятся литература по саморазвитию, советы финансовых консультантов в СМИ, онлайн-калькуляторы сбережений и прочие источники знаний о личной эффективности и финансовой грамотности. Государство в этой схеме отказывается от директивного управления и вмешательства в рыночные процессы в пользу фасилитации — предоставления населению инструментов для самостоятельного улучшения жизненных перспектив. Неолиберальные субъекты добровольно работают над собой, чтобы устранить нерыночные аспекты своего поведения и стать более эффективными «предпринимателями себя» [Foucault 2008]. Такой способ недисциплинарного и децентрализованного осуществления власти, при котором основным объектом калибровки выступают параметры среды, социолог Николас Роуз называет управлением на расстоянии [Rose 1996].

Однако с течением времени технологии стимулирования агентности, рассчитанные на рациональность объектов воздействия, стали подвергаться критике за нереалистичность. С одной стороны, это было связано с исследованиями поведенческих наук, которые привели к пересмотру модели человека экономического. На стыке академии и публичной политики начались дискуссии о необходимости альтернативных механизмов управления, которые не полагались бы на модель рационального и ответственного субъекта [Rowson 2011]. Так, ещё в 2004 г. британское правительство выпустило отчёт «Personal Responsibility and Changing Behaviour» («Личная ответственность и изменение поведения»), в котором предлагалось обновить регуляторные рамки и использовать в госуправлении более сложный подход к человеческому поведению [Jones, Pykett, Whitehead 2013: 61].

С другой стороны, глобальный финансовый кризис 2008 г. усилил запрос на новые практики управления, способные ликвидировать негативные последствия неолиберальной политики [Leggett 2014]. Не только со стороны традиционных критиков неолиберализма, но и в среде политического и экономиче-

ского истеблишмента звучали призывы «реформировать капитализм» и ограничить свободу рынков, чтобы избежать высокой политической нестабильности². Невозможно провести прямую причинно-следственную связь между кризисными событиями в мировой экономике и новыми веяниями в регуляторной политике, но предположение о том, что финансовый кризис создал благодатную почву для распространения новых идей о природе человека, на наш взгляд, выглядит достаточно убедительно.

Одним из главных недостатков неолиберальных практик управления считается то, что они оставляют за бортом значительную часть населения. Даже жители богатых стран, по оценкам ОЭСР, не вполне достигли идеала экономической рациональности [Rowson 2011], несмотря на широкое развёртывание экспертной инфраструктуры. Люди, сталкивающиеся с внешними ограничениями индивидуальной агентности — бедностью, болезнями, недостатком образования, оказались невосприимчивы к неолиберальным практикам управления [McNay 2009]. Но и средний индивид, как показала поведенческая экономика, страдает от когнитивных искажений и нехватки силы воли. Каждый человек регулярно попадает в сложные ситуации выбора, в которых он не способен в моменте оценить долгосрочные последствия принимаемого решения.

Так, если на «оптимистической» фазе неолиберальной политики правительство считало достаточным предоставить информацию о товаре (например, наклеить на товар этикетку с содержанием калорий), рассчитывая на рациональный отклик со стороны потребителей, то сейчас речь нередко идёт о более активных патерналистских мерах³ [Peeters, Schuilenburg 2017]. Чтобы стимулировать сокращение потребления того или иного вредного продукта, регулятор может уменьшить объём тары или начать размещать более полезные продукты на уровне глаз, чтобы подтолкнуть потребителя к нужному поведению, минуя стадию рационального убеждения [Peeters, Schuilenburg 2017]. Похожие примеры частичного пересмотра инструментов публичной политики есть и в других областях социальной сферы. Например, в конце 1980-х гг. правительство Великобритании провело образовательную реформу, существенно расширив роль родителей в выборе школ и траектории обучения своих детей. Однако уже в 2000-х гг. оказалось, что с рыночной точки зрения родители недостаточно эффективно инвестируют в человеческий капитал своих детей, из-за чего правительство стало пытаться влиять на их решения с помощью специального консультационного органа [Exley 2012]. На фоне подобного пересмотра допущений о человеческой рациональности поведенческая экономика получила шанс стать более заметным игроком на поле публичной политики.

Рождение поведенческой политики

Смысл существования (так сказать, *raison d'être*) поведенческой экономики, зародившейся в 1970-е гг. на пересечении экономической теории и психологии, заключался в критике антропологической модели экономического субъекта и в переосмыслении потенциала человеческой агентности. Исследования когнитивных психологов Даниэля Канемана и Амоса Тверски поставили под вопрос традиционные представления о человеке экономическом, который ранее изображался как рациональный эгоистический актер, преследующий цели максимизации ожидаемой полезности в ситуации полной информации.

Первая волна исследований поведенческих экономистов заключалась в сборе эмпирических данных об отклонениях от рациональности, вызванных когнитивными ограничениями человеческого мозга, систематическими ошибками мышления и отсутствием совершенной информации [Camerer et al. 2003].

² См., например: [Edgecliffe-Johnson 2019]; см. также: [Rushe 2019].

³ Важно отметить, что новые формы патернализма не противоречат неолиберальной риторике, связанной с наделением человека личной ответственностью за свои решения. Подробнее этот парадокс объясняется далее.

В каталоге наиболее распространённых когнитивных искажений, открытых поведенческой экономикой, выделяются эффекты гиперболического дисконтирования, неоправданного оптимизма, игнорирования вероятностей, неприятия риска и т. д. [Hansen 2016]. Суть этих искажений сводится к постулатам об ограниченной рациональности, ограниченном эгоизме и ограниченной силе воли, на которые к тому же накладываются систематические ошибки мышления.

Если психологические исследования познавательных способностей человека в основном ограничивались каталогизацией систематических ошибок поведения, то нейроэкономика, академическое становление которой произошло в конце 1990-х гг., стремилась изучать нейробиологические аспекты иррациональности [Bossaerts, Murawski 2015]. В тандеме эти два новых направления в экономической науке вступили в противостояние с традиционным пониманием рациональности, подразумевающим соответствие процесса мышления формальным логическим процедурам и максимизацию агентом субъективной полезности.

Разумеется, экономисты задолго до открытий когнитивной психологии и нейронаук осознавали абстрактный и идеализированный характер понятия «человек экономический». Однако именно поведенческие науки оказались успешной попыткой приблизить антропологию экономической теории к реальности. Не в последнюю очередь этот успех был связан с тем, что поведенческая экономика, как и нейроэкономика, не требует пересмотра фундаментальных предпосылок ортодоксальной экономической теории, одновременно придавая ей дополнительный академический вес как эмпирической и экспериментальной науке.

Интеграцию обнаруженных «аномалий» в принятии решений в исходную систему экономических аксиом обеспечил акцент на систематичности когнитивных ошибок, за счет которой они становятся подвержены математической калькуляции [Bradbury, McGimpsey, Santori 2013]. Поведенческие экономисты стремятся смоделировать и предсказать «иррациональности» человеческого поведения, что вполне соответствует духу экономической теории. Что самое важное, эмпирические открытия поведенческой экономики не коснулись нормативного измерения человека экономического [Berg 2003]. Идея поиска искажений предполагает наличие нормы, от которой отклоняются индивиды. В данном случае в этой роли выступает теория рационального выбора. О степени натурализации ценностей человека экономического свидетельствует использование в поведенческой экономике метафоры оптической иллюзии, в которой этот нормативный идеал приравнивается к физическим законам природы [Kahneman, Knetsch, Thaler 1991]. Таким образом, поведенческая экономика выступила в роли гибридной дисциплины, бунтующей против отдельных способов формализации принципа рациональности, но не отвергающей ценности и методологию стандартной экономической науки [Rizzo 2015].

При этом критика теории рационального выбора поставила вопрос о переосмыслении наиболее распространённых подходов к вопросам государственного управления. Последняя волна поведенческих исследований характеризуется повышенным вниманием к прескриптивным элементам, то есть к производству прикладной экспертизы для разработки государственной политики. Яркой иллюстрацией этой тенденции является широкая популярность⁴ «теории подталкиваний» (*nudge theory*) поведенческих экономистов Ричарда Талера и Кассы Санстейна — альтернативной концепции публичной политики, которая предлагает использовать психологические уязвимости в человеческой природе как ресурс для управления. Согласно этой теории задача современного государства состоит в проектировании невидимой и рассеянной в повседневности инфраструктуры власти, незаметно воздействующей на «архитектуру выбора» субъектов (физический, административный или социальный контекст, в котором происходит принятие решений) и стимулирующей более рациональное поведение с их стороны [Peeters, Schuilenburg 2017].

⁴ Конкретные примеры популярности этой теории приводились во введении.

Среди наиболее растражированных примеров подталкиваний — размещение полезных для здоровья товаров на уровне глаз в супермаркетах, специальная разметка автомобильной полосы, заставляющая водителя рефлекторно снижать скорость на поворотах, а также автоматическое включение человека в накопительные пенсионные планы и программы донорства органов после смерти. Непринудительный и зачастую бессознательный характер подталкиваний, по замыслу авторов теории, оставляет людям возможность без существенных издержек отклонить навязываемый выбор и делает его совместимым с либеральными ценностями. Комплекс политико-философских аргументов в пользу своих идей Талер и Санстейн назвали либертарианским патернализмом, попытавшись объединить необходимость государственной опеки несовершеннолетних индивидов с декларируемой приверженностью свободе выбора.

Подталкивания как инструмент публичной политики отличаются как от классического арсенала инструментов регулирования (ценовые сигналы, информационные кампании и законодательные запреты), так и от неолиберальных мер. Поведенческие экономисты рассматривают человеческое поведение как внутренне проблематичное, за счёт чего внимание регуляторов переключается с «провалов рынка» на «провалы субъекта» (или на «поведенческие провалы рынка»), с классических регуляторных мер и макроэкономической политики на «поведенческий инжиниринг» [Berndt 2015]. Хороший пример — статья Талера и Санстейна, в которой основной причиной кризиса 2008 г. названа иррациональная человеческая природа [Thaler, Sunstein 2008a]. Так, в образовании финансовых пузырей виновато не столько чрезмерное дерегулирование, сколько недалёковидность участников рынка, которая проявилась в систематической недооценке рисков и коротком горизонте планирования. «Жадность и коррупция способствовали этому кризису, но ключевую роль сыграло несовершенство человеческой природы», — пишут Талер и Санстейн о тех событиях [Thaler, Sunstein 2008a].

Хотя поведенческий подход в большей степени, чем классическая экономическая теория, ориентирован на контекст принятия решений, весь комплекс социальных отношений в нём редуцируется до «архитектуры выбора», то есть непосредственного чувственного опыта субъекта, из которого исключены важнейшие элементы «большой картины»: институциональные проблемы, властные отношения и системное неравенство. Решения, предлагаемые сторонниками поведенческой политики, носят обычно паллиативный, локальный и краткосрочный характер. В отдельных случаях применение поведенческих техник способно ограничивать негативное влияние рынка (например, введение «периода охлаждения», в течение которого потребитель может отказаться от импульсивно совершенной покупки) или сглаживать «когнитивное неравенство» между рыночными агентами. Но даже тогда «провалы рынка» связываются не с дизайном социально-экономических структур, а с недостатками человеческой природы. Обратная сторона теории подталкиваний состоит в том, что вместо ликвидации институциональных дефектов, которые мешают индивидам реализовывать собственные цели, она занимается нейтрализацией внутренних когнитивных искажений, сбивающих индивидов с пути к вынесенным в подзаголовок книги «здоровью, богатству и счастью» [Thaler, Sunstein 2008b]. В сущности, теория подталкиваний — это программа борьбы против «интерналий», то есть вреда, который человек наносит самому себе вследствие ограниченной рациональности и неспособности в достаточной степени усвоить рыночные нормы поведения [Galle 2019]. Многие проблемы в этой оптике — от «эпидемии ожирения» в развитых странах до низкого уровня пенсионных сбережений — описываются как последствия несовершенного индивидуального выбора. Неслучайно Талер и Санстейн подчёркивают необходимость «посмотреть в зеркало и понять потенциально разрушительные эффекты ограниченной рациональности и недостаточного самоконтроля» [Thaler, Sunstein 2008a].

Именно в этом состоит привлекательность теории подталкиваний для неолиберальных правительств. Подход позиционирует себя как простой и эффективный рецепт для решения экономических проблем, который не требует ни смены политических приоритетов, ни значительных государственных инвестиций: инфраструктура для подталкиваний дешевле, чем традиционные средства регулирования, лише-

на побочных эффектов в виде искажения экономических стимулов и наращивания бюрократического аппарата [Jones, Rykett, Whitehead 2013: 168]. Таким образом, поведенческие инструменты управления заточены под реализацию неолиберальных целей и задач, главной из которых является ревалоризация рыночных систем и адаптация индивидов к нормативной модели «человека экономического» [Whitehead et al. 2017].

Важно не переоценивать реальное значение подталкиваний: как отмечают некоторые исследователи, с практической точки зрения — это всего лишь «техника управления, которая пытается стать чем-то большим» [Schlag 2010: 923] и ещё один, далеко не главный, инструмент в интервенционистском арсенале правительств [Kosters, Heijden 2015]. Подталкивания преждевременно называть доминирующей компонентой госуправления; традиционное регулирование ещё долгое время будет играть первую скрипку, что бы ни говорили сторонники экспериментальных практик. Кроме того, существуют серьёзные сомнения в возможности масштабировать некоторые «лабораторные» открытия поведенческой экономики на целые страны [Kosters, Heijden 2015].

Однако значимость идей Галера и Санстейна проистекает не из глубины проникновения «надеж» в область публичной политики. Исследовательский интерес представляют собой не новые технологии управления сами по себе, а то, как меняются способы мысли и образы действия политиков, чиновников, менеджеров, экспертов и обычных людей под влиянием сдвигов в системе производства научного знания [Jones, Rykett, Whitehead 2013]. Идеология либертарианского патернализма как «третьего пути» в политике описывает широкий спектр явлений, связанных с отказом от модели рационального субъекта и переходом к управлению при помощи метарациональных регистров. Помимо перечисленных примеров подталкиваний, сюда можно отнести использование нейросетевых алгоритмов, которые способны вычленять из «больших данных» скрытые паттерны человеческого поведения. Алгоритмы работают по механике персонализированных подталкиваний, подрывая интенциональность субъекта и его возможность автономно определять собственные предпочтения [Rouvroy, Berns 2013]. Например, Facebook использует автоматизированные «наджи» для формирования ленты новостей с учётом предпочтений пользователей, а Amazon — для увеличения продаж на своих онлайн-платформах и более эффективного ценообразования [Carolan 2018]. Либертарианский патернализм выступает в качестве наиболее полной и репрезентативной системы идей, отражающей общую траекторию эволюции практик власти.

Неолиберализм или нет?

Итак, поведенческие техники управления преследуют цель реформирования человеческого поведения в соответствии с требованиями рынка и в этом смысле вполне отвечают неолиберальным модусам «протезирования» — искусственного возвращения человека экономического. Более того, апелляция к недостаткам человеческой природы усиливает основополагающее для неолиберализма вменение социальным проблемам — бедности, болезням, необразованности — индивидуального выбора в качестве привилегированного каузального объяснения [McMahon 2015]. Наконец, в технологическом плане подталкивания — это образцовый пример практики неолиберального непрямого управления и управления на расстоянии, построенного на программировании среды и создании стимулов для поведения индивидов [Engelmann 2017]. Из этого можно сделать вывод, что «поведенческая публичная политика», как минимум, не противоречит неолиберальной рациональности управления, а, скорее, даже усиливает её.

Некоторая двусмысленность поведенческих техник власти связана с тем, что они сочетают разочарование в фигуре рационального субъекта и сохранение неолиберального этоса активного гражданина. С одной стороны, собственный этос поведенческой власти можно описать как интерпассивность [Vos 2013], то есть стремление передать на аутсорсинг технологиям, экспертам и государству как мож-

но больше базовых человеческих навыков и функций. Как следствие, человек всё меньше решений принимает на основании собственной автономной воли и становится более восприимчивым к влиянию различных агентов, знающих его слабости или обладающих соответствующей экспертизой. С точки зрения либертарианского патернализма это не проблема: выбор не является самостоятельной ценностью, поскольку все рациональные субъекты априори хотят примерно одного и того же — здоровой, богатой и счастливой жизни. Рассуждения Санстейна об архитектуре выбора, которая под видом свободы навязывает людям необходимость постоянно принимать решения, можно прочесть как критику неолиберальной правительственности, производящей свободу ради управления: «Если выбор человека ведёт его в неверном направлении, действительно ли наилучшим решением будет и дальше поддерживать свободу выбора?» [Sunstein 2015: 189].

С другой стороны, ценности самодисциплины, силы воли и предусмотрительности защиты в инструменты либертарианского патернализма. Дискурсивный анализ поведенческих кампаний показывает, что многие «наджи» напрямую апеллируют к личной ответственности и стимулируют самостоятельную агентность субъекта [Hagen 2016]. В то же время они могут служить страховкой на случай сбоя «техник себя», например — устанавливая наиболее рациональные опции как выбор по умолчанию. Ещё один пример этого парадокса — «наджи», инициаторами которых должен выступить сам объект воздействия. Если человек хочет больше заниматься спортом, он может скачать на смартфон специальное приложение, присылающее уведомления с напоминаниями и использующее механизмы геймификации для продвижения здорового образа жизни. В таких случаях человек осознает, что его поведение недостаточно рационально, и пытается компенсировать этот дефицит рациональности с помощью специально разработанных когнитивных «примочек». Похожий пример — использование нормативных сигналов в социальной рекламе. Такая формулировка, как «9 из 10 людей платят налоги вовремя», оказывается более эффективной, чем обычные призывы оплатить задолженность в срок [Schmidt 2017]. Но человек может и осознанно использовать этот эффект, создав для себя публичное обязательство (*commitment*) придерживаться социально одобряемого поведения — например, анонсировав в социальных сетях отказ от курения. Стремление заслужить поощрение друзей и знакомых, по задумке поведенческих экономистов, будет стимулировать человека избавиться от вредной привычки.

Несмотря на напряжение между идеей о внутренней проблематичности человеческого поведения и политикой уполномочивания, большинство исследователей относят подталкивания к неолиберальной политике по формированию человеческого капитала с привлечением знаний о подсознательных процессах. Эти исследователи отмечают, что идея формирования выбора имплицитно присутствовала в государственной политике и раньше, а интернализация неолиберальной субъективности «активного предпринимателя» необязательно является рациональным решением и вполне может быть привита путём психологических манипуляций [Bradbury, McGimpsey, Santori 2013; Peeters 2019].

Тем не менее при попытке отнести подталкивания к той или иной модели правительственности следует избегать поспешных выводов. Одни и те же практики власти могут существовать в рамках разных политических программ, которые трансформируют их в соответствии с собственными задачами и целями [Dean 2010: 40]. Именно в этом состоит специфика либертарианского патернализма как политической программы, которая позволяет примирить технологии управления психологическим субъектом с представлениями о личной ответственности, свойственными неолиберальной правительственности, а также с ценностями политического либерализма.

Но возможны и другие сочетания, которые сложнее классифицировать. Показателен пример гибридной китайской правительственности, импортирующей западные финансово-экономические практики и пытающейся управлять некоторыми категориями субъектов через автономию, поддерживая рыночную конкуренцию, хотя доминирующая рациональность управления при этом носит административный и

технократический характер [Sigley 2006]. «Развитый либерализм», сформировавшийся в современных западных странах, также представляет собой эклектичное поле соперничества различных рациональностей и практик управления, не все из которых полностью соответствуют неолиберальной идеологии [Dean 2010]. Если наша гипотеза верна, то в будущем рациональности управления, ориентированные на психологического субъекта, могут приобрести доминирующий характер. В этом случае различия, существующие между неолиберализмом и поведенческими формами власти, несмотря на общую политическую цель по поддержанию безопасности рыночных структур, радикализуются, что может привести к появлению новых типов правительности.

На наш взгляд, граница между традиционным неолиберализмом и поведенческой властью проходит по линии субъективности. Если классический (нео)либеральный субъект конституировался через неотчуждаемый и непрозрачный для внешнего наблюдателя индивидуальный интерес, который выполнял роль защитного барьера от государственного вмешательства, то когнитивные науки используют знания о природе человека прямо противоположным образом — для легитимации патерналистской политики. Поведенческие экономисты либо знают латентные предпочтения людей заранее, либо сами конструируют их в процессе подталкиваний.

Субъективный интерес психологического субъекта более не является непознаваемым и неотчуждаемым. Когнитивные науки стремятся проникнуть сквозь защитную оболочку интереса и увидеть конкретные психологические механизмы и скрытые паттерны, которые стоят за поведением человека. Даже если на данный момент реальные возможности этих дисциплин ограничены, они производят дискурс, ставящий под сомнение суверенитет либерального автономного субъекта. «На основе того, что знают о вас архитекторы выбора⁵, они могут достаточно точно определить, чего вы хотите; возможно, даже быстрее и точнее, чем вы способны это сделать сами», — пишет Санстейн [Sunstein 2015:206]. Более того, если государство не будет периодически вмешиваться в формирование интереса, то это может приводить к нежелательным для общества последствиям, таким как финансовый кризис.

Ключевую роль в деконструкции индивидуального интереса играет обнаружение зазора между «истинными» предпочтениями индивида и тем, как они манифестируют себя в его решениях, в то время как для неоклассической экономической теории предпочтения индивида были эквивалентны его фактическим выборам (любой набор потребностей мог считаться рациональным, если он консистентен и удовлетворяет критерию субъективной полезности [Капелюшников 2018]). Из существования когнитивных искажений и «подозрительной» активности нейронов логически следует невозможность индивида достоверно определять собственные предпочтения (или же выбирать оптимальные средства для их достижения), а значит, эти задачи можно частично отдать на аутсорсинг благонамеренным и компетентным архитекторам выбора. Так, если в либеральной экономике за свои интересы отвечает сам индивид, то в «либертарианском патернализме» представления о правильных целях вшиты в саму оптику управления. В известном примере со столовой, в которой потребителя подталкивают к здоровой пище с помощью специальной выкладки товаров, «оптимальный» выбор определяется из соображений здоровья (а не голода, традиций, вкусовых предпочтений и так далее [Galle 2019]).

Обосновать фиксированный и перфекционистский стандарт блага, независимый от субъективных оценок самих индивидов, позволяют два аргумента: (1) согласие большинства людей с предлагаемыми ценностями и (2) их инструментальная роль для достижения любых других благ [Blumenthal-Barby 2013]. При этом поведенческие экономисты не упоминают о том, что в реальности выбор критериев для максимизации является политическим вопросом. Поле архитектуры выбора насыщено политической конкуренцией, тогда как Талер и Санстейн изображают его в виде «плоской онтологии», в которой все

⁵ Термин Талера и Санстейна, относящийся к лицам и институтам, которые влияют на контекст принятия решений («архитектуру выбора»).

акторы имеют равные шансы повлиять на выбор [Blumenthal-Barby 2013]. Это позволяет архитекторам выбора не просто подталкивать индивида к выбранным им самим целям, но и искусственно формировать его предпочтения.

Эпистемологическое перекодирование понятия «интерес» связано с изменением научных представлений о биологической жизни. Как было показано в разделе «Пересборка правительности» сдвиги в правительности обусловлены появлением нового экспертного знания, которое запускает процесс калибровки механизмов безопасности и перерасчёт стоимости производства свободы [Opitz 2010]. С момента появления либерализма главная тенденция в эволюции правительности состоит в том, что для обеспечения безопасности требуется всё меньше свободы. Так, если либерализм охранял «естественную свободу» автономного общества, то неолиберализм проблематизировал потенциал естественных систем к саморегулированию и поставил перед правительством задачу активного производства рыночных правил игры. Современные когнитивные науки опровергают не только натуралистический характер рыночных структур, но и способность большинства людей соответствовать понятию «человек экономический» даже при наличии соответствующей среды.

Очередная калибровка механизмов безопасности произошла за счёт расширения эпистемологических возможностей правительности. Претензия когнитивных наук на доступ к фундаментальным слоям реальности позволяет «развезать иллюзию» свободы и автономии субъекта, почерпнутую либерализмом из биологии XVIII века. Современное понимание свободы, присущее поведенческим экономистам, имеет больше общего с нейронауками. По аналогии с подсознательными импульсами головного мозга, которые человек не может предотвратить, но может попытаться заблокировать [Gazzaniga 2011: 168], психологический субъект наделяется «правом вето» против решений, предлагаемых архитекторами выбора, но не интенциональностью или автономией в кантовском смысле слова. Это значит, что государство может легитимно вмешиваться в процесс принятия решений для предотвращения «провалов субъекта». Таким образом, непознаваемость экономических процессов — константа для предыдущих форм либеральной правительности — перестаёт быть необходимым условием управления экономикой. Функция природы человека по сравнению с «хитиновым покровом» либерализма меняется на 180 градусов: то, что раньше защищало от интервенций государства, теперь может использоваться для их легитимации.

Психологический субъект — это несовершенный слепок с экономической рациональности, который, по определению, не может соответствовать идеалу (иррациональность «встроена» в его биологический код). Скепсис в отношении неолиберальных механизмов субъективации, основанных на категории личного интереса, отличает поведенческие техники от всех прошлых инструментов формирования человеческого капитала. Они были направлены на институциональное исправление «дефектов» человеческого мышления через конструирование автономных рациональных субъектов, которые способны самостоятельно преследовать собственные цели. В отличие от этого, новый способ управления на расстоянии потенциально не нуждается ни в активных, ни в пассивных субъектах, поскольку позволяет миновать стадию субъективации и напрямую воздействовать на принимаемые решения.

Заключение

Целью этой статьи была попытка оценить влияние когнитивных наук на трансформацию неолиберальной правительности. С одной стороны, после финансового кризиса 2008 г. усилился запрос на новые научно обоснованные практики управления, которые сглаживали бы негативные эффекты свободного рынка, не вступая при этом в противоречие с неолиберальной экономической политикой [Dean 2014]. С другой стороны, параллельно развивались направления в экономической науке, предложившие переосмысление антропологической модели человека экономического. В какой-то момент эти два тренда

сошлись в единой точке, запустив широкую дискуссию о необходимости новых инструментов государственного управления, построенных на мягких формах патернализма и активном применении знаний о человеческом мозге.

Мы подчеркнули, что основной механизм, при помощи которого когнитивные науки открывают новые возможности для государственных интервенций в экономику, — это деконструкция категории субъективного интереса за счёт расширения эпистемологических возможностей правильности. Вмешательство государства оказывается допустимым не только ради защиты «естественного» рынка (либерализм), конструирования искусственных квазирынков и уполномочивания субъектов (неолиберализм), но и для прямого структурирования индивидуальных решений. Поведенческая власть способна как помочь индивиду стать более эффективным рыночным актором, усилив его когнитивные возможности, так и подтолкнуть его к рефлекторному действию без какой-либо апелляции к индивидуальной свободе. Как следствие, игра индивидуального выбора, которая была определяющим свойством либеральной правительственности [Walter 2008], превращается в пережиток устаревшего естественно-научного дискурса, породившего либеральное понимание человеческой агентности.

Пока что психологические инструменты управления развиты не настолько, чтобы делать далеко идущие выводы о формировании новых режимов власти. К тому же психологическая субъективность может успешно сосуществовать с неолиберальной рациональностью управления, направленной на укрепление рыночных структур. Однако допустимо предположить, что начавшийся в публичной политике отказ от фигуры рационального субъекта в будущем подорвёт и без того хрупкую связь между эффективной рыночной экономикой и ценностями политического либерализма. Проблематизация человеческого поведения заметно ослабляет ставку на мобилизацию техник и агентностей гражданского общества, которая два столетия назад привела к становлению либерального подхода к управлению экономическими процессами.

Давление современных когнитивных наук на либеральные представления об автономии, а также расширение спектра «психологических» инструментов, используемых для управления населением, обостряют вопрос о совместимости базовых политических категорий и новых технологий управления. Для поведенческой публичной политики производство свободы больше не является центральной технологией управления, что сближает её с авторитарными формами власти, направленными на «послушных» субъектов. Проведённый анализ позволяет предположить, что в будущем новые знания о человеческой природе пошатнут баланс между либеральными и авторитарными компонентами правительственности, причём далеко не в пользу идеалов свободы.

Литература

- Капелюшников Р. И. 2018. Вокруг поведенческой экономики: несколько комментариев о рациональности и иррациональности. *Журнал экономической теории*. 15 (1): 359–376.
- ЦСР. 2018. В ЦСР состоялся семинар по регуляторик. *Центр стратегических разработок*. URL: <https://www.csr.ru/ru/news/v-tssr-sostoyalsya-seminar-regulyatorike/>
- Коммерсант. 2019. Центробанк предложил перенести реформу пенсионных накоплений. *Коммерсант*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4027507>
- Beddeleem M. 2018. *Fighting for the Mantle of Science: The Epistemological Foundations of Neoliberalism, 1931–1951*. Phd Thesis. Montreal: University of Montreal.

- Berg N. 2003. Normative Behavioral Economics. *The Journal of Socio-Economics*. 32 (4): 411–427.
- Berndt C. 2015. Ruling Markets: The Marketization of Social and Economic Policy. *Environment and Planning*. 47 (9): 1866–1872.
- Blumenthal-Barby J. S. 2013. Choice Architecture: A Mechanism for Improving Decisions While Preserving Liberty. In: Coons C., Weber M (eds) *Paternalism: Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press; 178–196.
- Bossaerts P., Murawski C. 2015. From Behavioural Economics to Neuroeconomics to Decision Neuroscience: The Ascent of Biology in Research on Human Decision Making. *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 5: 37–42.
- Bradbury A., McGimpsey I., Santori D. 2013. Revising Rationality: The Use of ‘Nudge’ Approaches in Neoliberal Education Policy. *Journal of Education Policy*. 28 (2): 247–267.
- Gordon C. 1991. Governmental Rationality: An Introduction. In: Burchell G., Gordon C., Miller P. (eds) *The Foucault Effect: Studies in Governmentality. With Two Lectures by and an Interview with Michel Foucault*. Chicago: The University of Chicago Press; 1–53.
- Callon M. 2007. What Does It Mean to Say That Economics is Performative? In: MacKenzie D., Muniesa F., Siu L. (eds) *How Economists Make Markets. The Performativity of Economics*. Princeton: Princeton University Press; 311–357.
- Callon M. 2008. Economic Markets and the Rise of Interactive Agencements: From Prosthetic Agencies to “Habilitated” Agencies. In: Pinch T., Swedberg R. (eds). *Living in a Material World: Economic Sociology Meets Science and Technology Studies*. Cambridge: The MIT Press; 29–57.
- Camerer C. et al. 2003. Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and the Case for “Asymmetric Paternalism“. *University of Pennsylvania Law Review*. 151: 1211–1254.
- Carolan M. 2018. Big Data and Food Retail: Nudging out Citizens by Creating Dependent Consumers. *Geoforum*. 90: 142–150.
- Costa D. F., Carvalho F., Moreira B. C. 2019. Behavioral Economics and Behavioral Finance: A Bibliometric Analysis of the Scientific Fields. *Journal of Economic Surveys*. 33 (1): 3–24.
- Cromby J., Willis M. E. H. 2014. Nudging into Subjectification: Governmentality and Psychometrics. *Critical Social Policy*. 34 (2): 241–259.
- Dean M. 2010. *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*. London: Sage.
- Dean M. 2014. Rethinking Neoliberalism. *Journal of Sociology*. 50 (2): 150–163.
- Edgecliffe-Johnson A. 2019. Why American CEOs are worried about capitalism. *Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/138e103a-61a4-11e9-b285-3acd5d43599e>
- Eggers W., Turley M. 2019. Government Trends Introduction. *Deloitte*. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/public-sector/government-trends/2020/introduction.html>

- Engelmann S. 2017. Nudging Bentham: Indirect Legislation and (Neo-)Liberal Politics. *History of European Ideas*. 43 (1): 70–82.
- Exley S. 2012. Making Working-Class Parents Think more Like Middle-Class Parents: Choice Advisers in English Education. *Journal of Education Policy*. 28 (1): 77–94.
- Foucault M. 1982. The Subject and Power. *Critical Inquiry*. 8 (4): 777–795.
- Foucault M. 1991. Governmentality. In: Burchell G., Gordon C., Miller P. (eds) *The Foucault Effect: Studies in Governmentality. With Two Lectures by and an Interview with Michel Foucault*. Chicago: The University of Chicago Press; 87–105.
- Foucault M. 2008. *The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979* (eds. A. Davidson, G. Burchell). London: Palgrave Macmillan.
- Gazzaniga M. S. 2011. *Who's in Charge? Free Will and the Science of the Brain*. London: Harper Collins.
- Galle B. D. 2019. The Problem of Intra-Personal Cost. *Yale Journal of Health Policy, Law, and Ethics*. 18 (1): 1–56.
- Geiger N. 2016. Behavioural Economics and Economic Policy: A Comparative Study of Recent Trends. *Economia. History, Methodology, Philosophy*. 6 (1): 81–113.
- Hagen S. H. 2016. “Nudging to Make the Best Choices for Themselves”: *The Paradox of Behavioural Economics and Neoliberalism in the SBST 2015 Annual Report (Bachelor thesis)*. Utrecht: Utrecht University.
- Hansen P. G. 2016. The Definition of Nudge and Libertarian Paternalism: Does the Hand Fit the Glove? *European Journal of Risk Regulation*. 7 (1): 155–174.
- Inman P. 2019. Economics Nobel prize won by academics for tackling poverty. World news. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/14/economics-nobel-prize-abhijit-banerjee-esther-duflo-michael-kremer>
- John P. 2018. *How Far to Nudge? Assessing Behavioural Public Policy*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Jones R., Pykett J., Whitehead M. 2013. *Changing Behaviours: On the Rise of the Psychological State*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Jones R., Whitehead M. 2018. ‘Politics done Like Science’: Critical Perspectives on Psychological Governance and the Experimental State. *Environment and Planning D: Society and Space*. 36 (2): 313–330.
- Kahneman D. 2003. Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics. *American Economic Review*. 93 (5): 1449–1475.
- Kahneman D., Knetsch J. L., Thaler R. H. 1991. Anomalies: The Endowment Effect, Loss Aversion, and Status Quo Bias. *Journal of Economic Perspectives*. 5 (1): 193–206.
- Khan A. 2018. *Behavioral Approach to Financial Supervision, Regulation, and Central Banking*. Working Paper. No. 18/178. Washington: IMF.

- Kosters M., Heijden J. van der. 2015. From Mechanism to Virtue: Evaluating Nudge Theory. *Evaluation*. 21 (3): 276–291.
- Leggett W. 2014. The Politics of Behaviour Change: Nudge, Neoliberalism and the State. *Policy and Politics Journal*. 42 (1): 3–19.
- Lemke T. 2007. An Indigestible Meal? Foucault, Governmentality and State Theory. *Distinktion: Journal of Social Theory*. 8 (2): 43–64.
- Lemke T. 2011. *Biopolitics: An Advanced Introduction*. New York: NYU Press.
- Mannevuola M. 2019. Neuroliberalism in Action: The Finnish Experiment with Basic Income. *Theory, Culture & Society*. 36 (4): 27–47.
- Mayes C. 2014. Governing through Choice: Food Labels and the Confluence of Food Industry and Public Health Discourse to Create ‘Healthy Consumers’. *Social Theory & Health*. 12 (4): 376–395.
- McMahon J. 2015. Behavioral Economics as Neoliberalism: Producing and Governing Homo Economicus. *Contemporary Political Theory*. 14 (2): 137–158.
- McNay L. 2009. Self as Enterprise: Dilemmas of Control and Resistance in Foucault’s The Birth of Biopolitics. *Theory, Culture & Society*. 26 (6): 55–77.
- McSmith A. 2010. First Obama, Now Cameron Embraces “Nudge Theory”. *Independent*. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/first-obama-now-cameron-embraces-nudge-theory-2050127.html>
- OECD. 2019. Delivering Better Policies Through Behavioural Insights. URL: <https://www.oecd.org/gov/regulatory-policy/delivering-better-policies-through-behavioural-insights-6c9291e2-en.htm>
- Opitz S. 2010. Government Unlimited: The Security Dispositif of Illiberal Governmentality. In: Bröckling U., Krasmann S., Lemke T. (eds) *Governmentality: Current Issues and Future Challenges*. Abingdon, UK: Routledge; 93–115.
- Peeters R. 2019. Manufacturing Responsibility: The Governmentality of Behavioural Power in Social Policies. *Social Policy and Society*. 18 (1): 55–65.
- Peeters R., Schuilenburg M. 2017. The Birth of Mindpolitics: Understanding Nudging in Public Health Policy. *Social Theory & Health*. 15 (2): 138–159.
- Pykett J. 2017. *Brain Culture: Shaping Policy Through Neuroscience*. Bristol: Policy Press.
- Rizzo M. J. 2015. The Problem of Rationality: Austrian Economics between Classical Behaviorism and Behavioral Economics. In: Coyne C. J., Boettke P. (eds) *The Oxford Handbook of Austrian Economics*. New York: Oxford University Press; 364–393.
- Rose N. 1996. Governing Advanced Liberal Democracies. In: Barry A., Osborne T., Rose N. (eds) *Foucault and Political Reason: Liberalism, Neo-Liberalism and the Rationalities of Government*. London: UCL Press; 37–64.

- Rose N., Abi-Rached J. M. 2013. *Neuro: The New Brain Sciences and the Management of the Mind*. Princeton: Princeton University Press.
- Rouvroy A., Berns T. 2013. Algorithmic Governmentality and Prospects of Emancipation. *Réseaux*. 177 (1): 163–196.
- Rowson J. 2011. Transforming Behavior Change: Beyond Nudge and Neuromania. *RSA Report*. URL: <https://www.thersa.org/globalassets/pdfs/reports/rsa-transforming-behaviour-change.pdf>
- Rushe D. 2019. The Kings of Capitalism are Finally Worried about the System that Created Them. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/apr/24/ray-dalio-jamie-dimon-kings-of-capitalism-concerned>
- Schlag P. 2010. Nudge, Choice Architecture, and Libertarian Paternalism. *Michigan Law Review*. 108 (6): 913–924.
- Schmidt A. T. 2017. The Power to Nudge. *American Political Science Review*. 111 (2): 404–417.
- Schüll N. D., Zaloom C. 2011. The Shortsighted Brain: Neuroeconomics and the Governance of Choice in Time. *Social Studies of Science*. 41 (4): 515–538.
- Sigley G. 2006. Chinese Governmentalities: Government, Governance and the Socialist Market Economy. *Economy and Society*. 35 (4): 487–508.
- Sugden R. 2018. *The Community of Advantage: A Behavioural Economist's Defence of the Market*. Oxford: Oxford University Press.
- Sunstein C. R. 2015. *Choosing Not to Choose: Understanding the Value of Choice*. New York: Oxford University Press.
- Thaler R., Sunstein C. 2008a. Human Frailty Caused this Crisis. *Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/ac2839ac-b015-11dd-a795-0000779fd18c>
- Thaler R. H., Sunstein C. R. 2008b. *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. New Haven: Yale University Press.
- Valverde M. 2007. Genealogies of European States: Foucauldian Reflections. *Economy and Society*. 36 (1): 159–178.
- Vos J. D. 2013. Interpassivity and the Political Invention of the Brain: Connolly's Neuropolitics versus Libet's Veto-right. *Theory & Event*. 16 (2). URL: <https://muse.jhu.edu/article/509907>
- Walter R. 2008. Governmentality Accounts of the Economy: A Liberal Bias? *Economy and Society*. 37 (1): 94–114.
- Whitehead M. et al. 2017. *Neuroliberalism: Behavioural Government in the Twenty-First Century*. Oxford: Routledge.
- World Bank. 2018. Mind, Behavior, and Development. *World Bank*. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/embed>

Arnold Khachaturov

Transformations of Governmentality Regimes under the Influence of New Areas of Knowledge: the Case of Behavioral Economics

KHACHATUROV, Arnold —

Master in «Sociology and political philosophy» program by Moscow School of Social and Economic Sciences (2018); editor in economics department, Autonomous nonprofit organisation Editorial and publishing house «Novaya Gazeta». Address: 101000, 3 Potapovsky lane, Moscow, Russian Federation.

Email: arnold.khachaturov@gmail.com

Abstract

This article is a review of relevant scientific literature on the consequences of the growing popularity of behavioral economics in the field of public administration and public policy. The main result of behavioral research that arose in the 1970s at the intersection of psychology and economics was the discovery of irrational decision-making mechanisms and the rejection of the traditional economic concepts of human nature. Revision of the axioms of the rational choice theory in turn made possible the emergence of new public policy instruments that can influence unconscious psychological triggers, compensating for the cognitive insufficiency of the governed subjects. An active appeal to cognitive sciences, including behavioral economics, neuroscience, and research in the field of artificial intelligence, is one of the main trends in modern public administration. In many countries, the recommendations of the

so-called nudge theory by Richard Thaler and Cass Sunstein are being introduced at the national government level. The question arises whether behavioral economics can become the new paradigm of economic policy, or whether we are witnessing the radicalization of neoliberalism, which is trying to overcome the structural economic problems with the help of new scientific discoveries. Using Michel Foucault's governmentality analytics and existing research on this topic, the author shows that conceptual changes in economic theory significantly influence the balance of power relations in society. In particular, the pressure of modern cognitive sciences on liberal notions of autonomy, as well as the expansion of the range of psychological tools used to govern the population, sharpen the question of the compatibility of the basic political categories of liberalism and the new technologies of governance. It creates the prerequisites for the formation and strengthening of quasi-authoritarian regimes of power that are able to achieve economic efficiency without appealing to active subjects and personal freedom.

Keywords: behavioral economics; governmentality; “nudge”; neoliberalism; Foucault; homo economicus.

References

- Beddeleem M. (2018) *Fighting for the Mantle of Science: The Epistemological Foundations of Neoliberalism, 1931–1951*. (Phd Thesis), Montreal: University of Montreal.
- Berg N. (2003) Normative Behavioral Economics. *The Journal of Socio-Economics*, vol. 32, no 4, pp. 411–427.
- Berndt C. (2015) Ruling Markets: The Marketization of Social and Economic Policy. *Environment and Planning*, vol. 47, no 9, pp. 1866–1872.
- Blumenthal-Barby J.S. (2013) Choice Architecture: A Mechanism for Improving Decisions While Preserving Liberty. *Paternalism: Theory and Practice* (eds. C. Coons, M. Weber), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 178–196.

- Bossaerts P., Murawski C. (2015) From Behavioural Economics to Neuroeconomics to Decision Neuroscience: The Ascent of Biology in Research on Human Decision Making. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, vol. 5, pp. 37–42.
- Bradbury A., McGimpsey I., Santori D. (2013) Revising Rationality: The Use of ‘Nudge’ Approaches in Neoliberal Education Policy. *Journal of Education Policy*, vol. 28, no 2, pp. 247–267.
- CSR (2018) V CSR sostoyalsya seminar po regulyatorike [A Seminar on Regulatory Issues was Held at the CSR]. *The Center for Strategic Research (CSR)*. Available at: <https://www.csr.ru/ru/news/v-tssr-sostoyalsya-seminar-regulyatorike/> (accessed 14 February 2020) (in Russian).
- Gordon C. (1991) Governmental Rationality: An Introduction. *The Foucault Effect: Studies in Governmentality. With Two Lectures by and an Interview with Michel Foucault* (eds. G. Burchell, C. Gordon, P. Miller), Chicago: The University of Chicago Press, pp. 1–53.
- Callon M. (2007) What Does It Mean to Say That Economics is Performative? *How Economists Make Markets. The Performativity of Economics* (eds. D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu.), Princeton: Princeton University Press, pp. 311–357.
- Callon M. (2008) Economic Markets and the Rise of Interactive Agencements: From Prosthetic Agencies to “Habilitated” Agencies. *Living in a Material World: Economic Sociology Meets Science and Technology Studies* (eds. T. Pinch, R. Swedberg), Cambridge: The MIT Press, pp. 29–57.
- Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O’Donoghue T., Rabin M. (2003) Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and the Case for “Asymmetric Paternalism“. *University of Pennsylvania Law Review*, vol. 151, pp. 1211–1254.
- Carolan M. (2018) Big Data and Food Retail: Nudging out Citizens by Creating Dependent Consumers. *Geoforum*, vol. 90, pp. 142–150.
- Costa D. F., Carvalho F., Moreira B. C. (2019) Behavioral Economics and Behavioral Finance: A Bibliometric Analysis of the Scientific Fields. *Journal of Economic Surveys*, vol. 33, no 1, pp. 3–24.
- Cromby J., Willis M. E. H. (2014) Nudging into Subjectification: Governmentality and Psychometrics. *Critical Social Policy*, vol. 34, no 2, pp. 241–259.
- Dean M. (2010) *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*, London: Sage.
- Dean M. (2014) Rethinking Neoliberalism. *Journal of Sociology*, vol. 50, no 2, pp. 150–163.
- Edgecliffe-Johnson A. (2019) Why American CEOs are Worried about Capitalism. *Financial Times*. Available at: <https://www.ft.com/content/138e103a-61a4-11e9-b285-3acd5d43599e> (accessed 14 February 2020).
- Eggers W., Turley M. (2019) Government Trends introduction. *Deloitte*. Available at: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/public-sector/government-trends/2020/introduction.html> (accessed 14 February 2020).
- Engelmann S. (2017) Nudging Bentham: Indirect Legislation and (Neo-)Liberal Politics. *History of European Ideas*, vol. 43, no 1, pp. 70–82.

- Exley S. (2012) Making Working-Class Parents Think More Like Middle-Class Parents: Choice Advisers in English Education. *Journal of Education Policy*, vol. 28, no 1, pp. 77–94.
- Foucault M. (1982) The Subject and Power. *Critical Inquiry*, vol. 8, no 4, pp. 777–795.
- Foucault M. (1991) Governmentality. *The Foucault Effect: Studies in Governmentality. With Two Lectures by and an Interview with Michel Foucault* (eds. G. Burchell, C. Gordon, P. Miller), Chicago: The University of Chicago Press, pp. 87–105.
- Foucault M. (2008) *The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979* (eds. A. Davidson, G. Burchell), London: Palgrave Macmillan.
- Gazzaniga M. S. (2011) *Who's in Charge? Free Will and the Science of the Brain*, London: Harper Collins.
- Galle B. D. (2019) The Problem of Intra-Personal Cost. *Yale Journal of Health Policy, Law, and Ethics*, vol. 18, no 1, pp. 1–56.
- Geiger N. (2016) Behavioural Economics and Economic Policy: A Comparative Study of Recent Trends. *Æconomia. History, Methodology, Philosophy*, vol. 6, no 1, pp. 81–113.
- Hagen S. H. (2016) “Nudging to Make the Best Choices for Themselves”: *The Paradox of Behavioural Economics and Neoliberalism in the SBST 2015 Annual Report (Bachelor thesis)*. Utrecht: Utrecht University.
- Hansen P. G. (2016) The Definition of Nudge and Libertarian Paternalism: Does the Hand Fit the Glove? *European Journal of Risk Regulation*, vol. 7, no 1, pp. 155–174.
- Inman P. (2019) Economics Nobel Prize Won by Academics for Tackling Poverty. World news. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/14/economics-nobel-prize-abhijit-banerjee-esther-dufflo-michael-kremer> (accessed 14 February 2020).
- John P. (2018) *How Far to Nudge? Assessing Behavioural Public Policy*, Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Jones R., Pykett J., Whitehead M. (2013) *Changing Behaviours: On the Rise of the Psychological State*, Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Jones R., Whitehead M. (2018) ‘Politics done Like Science’: Critical Perspectives on Psychological Governance and the Experimental State. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 36, no 2, pp. 313–330.
- Kahneman D. (2003) Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics. *American Economic Review*, vol. 93, no 5, pp. 1449–1475.
- Kahneman D., Knetsch J. L., Thaler R. H. (1991) Anomalies: The Endowment Effect, Loss Aversion, and Status Quo Bias. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 5, no 1, pp. 193–206.
- Kapeliushnikov R. (2013) Vokrug povedencheskoy ekonomiki: neskol’ko kommentariiev o ratsional’nosti i irratsional’nosti [About Behavioral Economics: A Few Comments on Rationality and Irrationality]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, vol. 15, no 1, pp. 359–376 (in Russian).

- Khan A. (2018) *Behavioral Approach to Financial Supervision, Regulation, and Central Banking*. Working Paper, no 18/178, Washington: IMF.
- Kommersant (2019) Tsentrobank predlozhit perenesti reformu pensionnykh nakopleniy [The Central Bank has Proposed to Postpone the Reform of Pension Savings]. *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4027507> (accessed 14 February 2020) (in Russian).
- Kosters M., Heijden J. van der. 2015. From Mechanism to Virtue: Evaluating Nudge Theory. *Evaluation*, vol. 21, no 3, pp. 276–291.
- Leggett W. (2014) The Politics of Behaviour Change: Nudge, Neoliberalism and the State. *Policy and Politics Journal*, vol. 42, no 1, pp. 3–19.
- Lemke T. (2011) *Biopolitics: An Advanced Introduction*, New York: NYU Press.
- Lemke T. (2007) An Indigestible Meal? Foucault, Governmentality and State Theory. *Distinktion: Journal of Social Theory*, vol. 8, no 2, pp. 43–64.
- Mannevo M. (2019) Neuroliberalism in Action: The Finnish Experiment with Basic Income. *Theory, Culture & Society*, vol. 36, no 4, pp. 27–47.
- Mayes C. (2014) Governing through Choice: Food Labels and the Confluence of Food Industry and Public Health Discourse to Create ‘Healthy Consumers’. *Social Theory & Health*, vol. 12, no 4, pp. 376–395.
- McMahon J. (2015) Behavioral Economics as Neoliberalism: Producing and Governing Homo Economicus. *Contemporary Political Theory*, vol. 14, no 2, pp. 137–158.
- McNay L. (2009) Self as Enterprise: Dilemmas of Control and Resistance in Foucault’s The Birth of Biopolitics. *Theory, Culture & Society*, vol. 26, no 6, pp. 55–77.
- McSmith A. (2010) First Obama, Now Cameron Embraces “Nudge Theory”. *Independent*. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/first-obama-now-cameron-embraces-nudge-theory-2050127.html> (accessed 14 February 2020).
- OECD (2019) Delivering Better Policies Through Behavioural Insights. *OECD*. Available at: <https://www.oecd.org/gov/regulatory-policy/delivering-better-policies-through-behavioural-insights-6c9291e2-en.htm> (accessed 14 February 2020).
- Opitz S. (2010) Government Unlimited: The Security Dispositif of Illiberal Governmentality. *Governmentality: Current Issues and Future Challenges* (eds. U. Bröckling, S. Krasmann, T. Lemke), Abingdon, UK: Routledge, pp. 93–115.
- Peeters R. (2019) Manufacturing Responsibility: The Governmentality of Behavioural Power in Social Policies. *Social Policy and Society*, vol. 18, no 1, pp. 55–65.
- Peeters R., Schuilenburg M. (2017) The Birth of Mindpolitics: Understanding Nudging in Public Health Policy. *Social Theory & Health*, vol. 15, no 2, pp. 138–159.

- Pykett J. (2017) *Brain Culture: Shaping Policy Through Neuroscience*, Bristol: Policy Press.
- Rizzo M. J. (2015) The Problem of Rationality: Austrian Economics between Classical Behaviorism and Behavioral Economics. *The Oxford Handbook of Austrian Economics* (eds. C. Coyne, P. Boettke), New York: Oxford University Press, pp. 364–393.
- Rose N. (1996) Governing Advanced Liberal Democracies. *Foucault and Political Reason: Liberalism, Neo-Liberalism and the Rationalities of Government* (eds. A. Barry, T. Osborne, N. Rose), London: UCL Press, pp. 37–64.
- Rose N., Abi-Rached J. M. (2013) *Neuro: The New Brain Sciences and the Management of the Mind*, Princeton: Princeton University Press.
- Rouvroy A., Berns T. (2013) Algorithmic Governmentality and Prospects of Emancipation. *Réseaux*, vol. 177, no 1, pp. 163–196.
- Rowson J. (2011) Transforming Behavior Change: Beyond Nudge and Neuromania. *RSA Report*. Available at: <https://www.thersa.org/globalassets/pdfs/reports/rsa-transforming-behaviour-change.pdf> (accessed 14 February 2020).
- Rushe D. (2019) The Kings of Capitalism are Finally Worried about the System that Created Them. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/apr/24/ram-dalio-jamie-dimon-kings-of-capitalism-concerned> (accessed 14 February 2020).
- Schlag P. (2010) Nudge, Choice Architecture, and Libertarian Paternalism. *Michigan Law Review*, vol. 108, no 6, pp. 913–924.
- Schmidt A. T. (2017) The Power to Nudge. *American Political Science Review*, vol. 111, no 2, pp. 404–417.
- Schüll N. D., Zaloom C. (2011) The Shortsighted Brain: Neuroeconomics and the Governance of Choice in Time. *Social Studies of Science*, vol. 41, no 4, pp. 515–538.
- Sigley G. (2006) Chinese Governmentalities: Government, Governance and the Socialist Market Economy. *Economy and Society*, vol. 35, no 4, pp. 487–508.
- Sugden R. (2018) *The Community of Advantage: A Behavioural Economist's Defence of the Market*, Oxford: Oxford University Press.
- Sunstein C.R. (2015) *Choosing Not to Choose: Understanding the Value of Choice*, New York: Oxford University Press.
- Thaler R. H., Sunstein C. (2008a) Human Frailty Caused this Crisis. *Financial Times*. Available at: <https://www.ft.com/content/ac2839ac-b015-11dd-a795-0000779fd18c> (accessed 14 February 2020).
- Thaler R. H., Sunstein C. R. (2008b) *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*, New Haven: Yale University Press.
- Valverde M. (2007) Genealogies of European states: Foucauldian reflections. *Economy and Society*, vol. 36, no 1, pp. 159–178.

Vos J. D. (2013) Interpassivity and the Political Invention of the Brain: Connolly's Neuropolitics versus Libet's Veto-right. *Theory & Event*, vol. 16, no 2. Available at: <https://muse.jhu.edu/article/509907> (accessed 14 February 2020).

Walter R. (2008) Governmentality Accounts of the Economy: A Liberal Bias? *Economy and Society*, vol. 37, no 1, pp. 94–114.

Whitehead M., Jones R., Lilley R., Pykett J., Howell R. (2017) *Neuroliberalism: Behavioural Government in the Twenty-First Century*, Oxford: Routledge.

World Bank (2018) Mind, Behavior, and Development. *World Bank*. Available at: <https://www.worldbank.org/en/programs/embed> (accessed 14 February 2020).

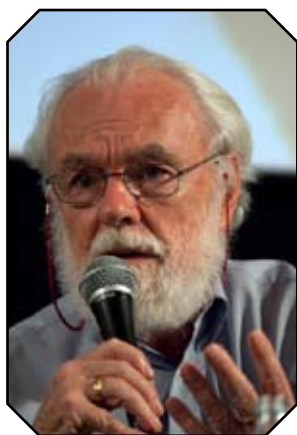
Received: June 26, 2019

Citation: Khachaturov A. (2020) Transformatsii rezhimov pravitel'nosti pod vliyaniem novykh oblastey znaniya: sluchay povedencheskoy ekonomiki [Transformations of Governmentality Regimes under the Influence of New Areas of Knowledge: the Case of Behavioral Economics], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 2, pp. 39–61. doi: [10.17323/1726-3247-2020-2-39-61](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-2-39-61) (in Russian).

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Дэвид Харви

Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений¹

ХАРВИ Дэвид — почётный профессор Городского университета в Нью-Йорке. Адрес: США, 10016, штат Нью-Йорк, г. Нью-Йорк, ул. Пятая авеню, д. 365.

Email: dharvey@gc.cuny.edu

Перевод с английского
Николая Проценко

Публикуется с разрешения Изд. дома ВШЭ.

В книге Д. Харви представлено глубокое исследование природы постмодернизма, но не столько через призму набора идей о нём, сколько как исторического состояния. Автор утверждает, что примерно с 1972 г. в культурных, а также в политико-экономических практиках произошли глобальные перемены: подъем постмодернистских культурных форм и появление более гибких способов накопления капитала. Эти перемены, по мнению автора, связаны с возникновением новых преобладающих способов переживания людьми пространства и времени, за которыми стоит новый цикл «временно-пространственного сжатия» в организации капитализма. Книга состоит из четырёх частей. В первой части профессор Харви представляет обзор доминирующих, но конфликтующих теорий о постмодернизме, а в остальных частях рассматривает связь между динамикой историко-географического развития капитализма, сложными процессами культурного производства и идеологической трансформацией.

Журнал «Экономическая социология» публикует десятый параграф «Теоретическое осмысление перехода» из второй части книги — «Политико-экономическая трансформация капитализма конца XX века». В нем автор показывает, что существующие теории испытывают сложности в объяснении наблюдаемого исторического перехода от фордизма к гибкому накоплению. Чтобы преодолеть эти трудности, профессор Харви предлагает вернуться к истокам и рассмотреть логику капитализма в целом через обращение к марксовым теориям.

Ключевые слова: пространство; время; капитализм; постмодерн; труд; культурные изменения.

§ 10. Теоретическое осмысление перехода

Поскольку перед нами исторический переход, по-прежнему далёкий от своего завершения и, в любом случае, подобно фордизму, определённо частичный в ряде важных отношений, мы сталкиваемся с рядом теоретических проблем. Возможно ли теоретическое постижение логики, если нет самой необходимости этого перехода? В какой степени прошлые и настоящие теоретические формулировки динамики капитализма необходимо модифицировать в свете радикальных реорганизаций и реструктуризаций, которые происходят и в производительных силах, и в социальных отношениях? И можно ли убедительно представить существующий режим накопления

¹ *Источник:* Харви Д. (готовится к изданию). *Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений*. М.: Изд. дом ВШЭ; перев. с англ. Harvey D. 1989. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford: Blackwell.

таким образом, чтобы найти какое-то решение вопроса о направлении и последствиях того, что представляется развёртывающейся прямо на наших глазах революцией?

Переход от фордизма к гибкому накоплению действительно создал серьёзные сложности для теорий любого типа. Кейнсианцы, монетаристы, неоклассические теоретики неустойчивого рыночного равновесия, похоже, сбиты с толку не меньше остальных. Рассматриваемый переход также создал значительные проблемы для марксистов. Столкнувшись с подобными сложностями, многие комментаторы отказались от каких-либо претензий на теорию и просто обратились к погоне за данными, чтобы идти в ногу с быстрыми сдвигами. Однако и здесь возникают проблемы: какие данные являются ключевыми индикаторами, а не случайными рядами? Согласие достигнуто лишь по единственному пункту: начиная примерно с 1970 г. изменилось нечто важное в самом способе функционирования капитализма.

Первая сложность заключается в том, чтобы попытаться обособить природу наблюдаемых нами изменений. В таблицах 1, 2, 3 обобщены три недавних описания рассматриваемого перехода. Первое из них, достаточно хвалебное описание нового капитализма в книге Уильяма Халала, акцентирует позитивные и освобождающие элементы нового предпринимательства [Halal 1986]. Второе приводят Скотт Лэш и Джон Урри, и оно подчёркивает факторы властных отношений и политики применительно к экономике и культуре [Lash, Urry 1987]. Третье, отличающееся большими подробностями относительно трансформаций технологий и трудового процесса, даёт Эрик Свингедо; кроме того, это описание содержит оценку того, каким образом изменились режим накопления и его способы регуляции [Swyngedouw 1986]. Разумеется, в каждом случае приведённые противопоставления используются в качестве дидактического инструмента, подчёркивающего отличия, а не моменты преемственности; причём никто из названных авторов не утверждает, что реальная картина где-либо столь же соответствует шаблонам, как предполагают данные схемы. Однако эти схемы сигнализируют о ряде пересечений, а также о некоторых отличиях, являющихся показательными, поскольку за ними находятся совершенно разные причинно-следственные механизмы. Халал оказывается ближе к теории Й. Шумпетера о предпринимательских инновациях как движущей силе капитализма и склонен интерпретировать фордизм и кейнсианство в качестве неудачных интерлюдий в процессе капиталистического прогресса. Лэш и Урри рассматривают данную эволюцию отчасти как коллапс материальных условий для мощной коллективной политики рабочего класса и стремятся оценить экономические, культурные и политические истоки этого коллапса. Самим использованием терминов «организованный» и «дезорганизованный» для характеристики перехода они акцентируют в большей степени дезинтеграцию, нежели связность современного капитализма, и тем самым избегают прямого рассмотрения возможности перехода в режиме накопления. Свингедо, подчёркивая изменения в способе производства и промышленной организации, помещает этот переход в рамки мейнстрима марксистской политической экономии, при этом явно перенимая язык школы регулирования.

Таблица 1

Новый капитализм (по версии У. Халала)

Критерий для сравнения	Старый капитализм (индустриальная парадигма)	Новый капитализм (постиндустриальная парадигма)
Фронтир прогресса	«Тяжёлый» рост	Умный рост
Организация	Механистическая структура	Рыночные сети
Принятие решений	Авторитарное командование	Партиципаторное лидерство
Институциональные ценности	Финансовые цели	Множественные цели
Управленческий фокус	Операционный менеджмент	Стратегический менеджмент
Экономическая макросистема	Ориентированный на прибыль большой бизнес	Свободное демократическое предприятие
Мировая система	Капитализм против социализма	Гибридные формы капитализма и социализма

Источник: [Halal 1986].

Таблица 2

**Противопоставление организованного и дезорганизованного капитализма
(по версии С. Лэша и Дж. Урри)**

Организованный капитализм	Дезорганизованный капитализм
Концентрация и централизация промышленного, банковского и торгового капитала в рамках регулируемых национальных рынков	Деконцентрация быстро растущей мощи корпораций вне национальных рынков. Возрастающая интернационализация капитала, в некоторых случаях — разделение промышленного и банковского капитала
Нарастающее отделение владения активами от контроля над ними и возникновение сложных управленческих иерархий	Продолжающееся расширение группы управленцев, заявляющей о собственной индивидуальной и политической повестке, весьма отличающейся от классовой политики
Рост новых сегментов управленческой, научной, технологической интеллигенции и бюрократии, принадлежащей к среднему классу	Относительное и (или) абсолютное сокращение численности рабочего класса «синих воротничков»
Рост коллективных организаций и зарплатных сделок в рамках отдельных регионов и национальных государств	Снижение эффективности национальных коллективных переговоров
Близкие формы выражения интересов государства и крупного монополистического капитала; подъём идеологии государства всеобщего благосостояния, имеющего классовую основу	Растущая независимость крупных монополий от государственного регулирования; различные вызовы централизованной государственной бюрократии и её власти
Расширение экономических империй и контроля над производством и рынками вне метрополий	Индустриализация третьего мира и конкурирующая с ней деиндустриализация стран ядра мировой экономики, которые, в свою очередь, начинают специализироваться на сфере услуг
Включение разнообразных классовых интересов в национальную повестку через достигнутые в результате переговоров компромиссы и бюрократическое регулирование	Полный упадок политики и институтов, основанных на классовом принципе
Гегемония технико-сциентистской рациональности	Культурная фрагментация и плюрализм в совокупности с подрывом традиционных классовых или национальных идентичностей
Концентрация капиталистических отношений в рамках сравнительно немногих отраслей промышленности и регионов	Распространение капиталистических отношений во многих отраслях и регионах
Господствующими сферами занятости являются добывающие и обрабатывающие отрасли промышленности	Упадок добывающих и обрабатывающих отраслей, подъём организационных и сервисных секторов индустрии
Сильная региональная концентрация и специализация в добывающих и обрабатывающих отраслях	Дисперсия, диверсификация территориально-пространственного разделения труда
Стремление к экономии от масштаба через увеличение размеров предприятий (объёмов рабочей силы)	Сокращение размеров предприятий за счёт географической дисперсии промышленности, роста субконтрактных отношений, глобальных производственных систем
Рост крупных промышленных городов, доминирующих в своих регионах благодаря предоставлению централизованных услуг — коммерческих и финансовых	Упадок промышленных городов, отток населения из центров крупных городов в периферийные или полусельские территории, результатом чего становятся острые проблемы центров больших городов
«Модернизм» как культурно-идеологическая конфигурация	«Постмодернизм» как культурно-идеологическая конфигурация

Источник: на базе работы [Lash, Urry 1987].

Таблица 3

Противопоставление фордизма и гибкого накопления (по Э. Свингедо)

Фордистское производство (основанное на экономии от масштаба)	Производство «с колёс» (основанное на экономии от расширения ассортимента)
А. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС	
Массовое производство однотипных товаров	Мелкосерийное производство
Единообразие и стандартизация	Гибкое и мелкосерийное производство разнообразных типов продукции
Крупные резервные запасы и остатки	Отсутствие запасов
Проверка качества постфактум (брак и ошибки выявляются поздно)	Контроль качества является частью производственного процесса (незамедлительное выявление ошибок)
Брак прячется в резервных остатках	Незамедлительная отбраковка неисправных деталей
Потеря производственного времени в связи с продолжительными периодами наладки, неисправными деталями, ограниченным объёмом инвентаря и т. д.	Сокращение непродуктивного времени, снижение «пористости рабочего дня»
Драйвером выступают ресурсы	Драйвером выступает спрос
Вертикальная и — в некоторых случаях — горизонтальная интеграция	(Квази)вертикальная интеграция, субконтракт
Снижение издержек за счёт контроля над заработной платой	Обучение в процессе работы, интегрированное в долгосрочное планирование
	В. ТРУД
Рабочий выполняет одну задачу	Многозадачность
Сдельная оплата (основанная на критерии планирования рабочего процесса)	Персональная оплата (детализированная система бонусов)
Высокая степень трудовой специализации	Устранение разграничения трудовых задач
Обучение в процессе работы отсутствует или присутствует лишь в незначительной степени	Продолжительное практическое обучение в процессе работы
Вертикальная организация труда	Более горизонтальная организация труда
Отсутствие опыта обучения	Обучение в процессе работы
Акцент на снижении ответственности рабочего (дисциплинирование рабочей силы)	Акцент на участии рабочего в ответственности
Отсутствие гарантий занятости	Высокая гарантия занятости для ключевых работников (пожизненное трудоустройство). Отсутствие гарантий занятости и плохие условия труда для временных работников
С. ПРОСТРАНСТВО	
Функциональная пространственная специализация (централизация — децентрализация)	Пространственная кластеризация и агломерация
Пространственное разделение труда	Пространственная интеграция
Гомогенизация региональных рынков труда (пространственно сегментированные рынки труда)	Диверсификация рынка труда (локальная сегментация рынка труда)
Глобальный подбор поставщиков комплектующих и субподрядчиков	Пространственная близость вертикально квазиинтегрированных фирм
D. ГОСУДАРСТВО	
Регуляция	Дерегуляция и (или) ререгуляция
Жёсткость	Гибкость
Коллективные переговоры	Подразделения и (или) индивидуализация, локальные соглашения или соглашения на базе отдельных компаний

Таблица 3. Окончание

Фордистское производство (основанное на экономии от масштаба)	Производство «с колёс» (основанное на экономии от расширения ассортимента)
Социализация благосостояния (государство всеобщего благосостояния)	Приватизация коллективных потребностей и социального обеспечения
Международная стабильность, обеспечиваемая многосторонними соглашениями	Международная дестабилизация; возросшие геополитические трения
Централизация	Децентрализация и обострившаяся конкуренция между регионами и (или) крупными городами
«Субсидируемое» государство и (или) город	«Предпринимательское» государство и (или) город
Косвенное вмешательство в рынки с помощью политики в сферах доходов и цен	Прямое государственное вмешательство в рынки посредством закупок
Национальные региональные политики	«Территориальные» региональные политики (в форме третьей стороны)
Финансируемые компаниями исследования и разработки	Финансируемые государством исследования и разработки
Промышленность во главе инноваций	Государство во главе инноваций
Е. ИДЕОЛОГИЯ	
Массовое потребление товаров длительного пользования: общество потребления	Индивидуализированное потребление: «яппи»-культура
Модернизм	Постмодернизм
Тотальность и (или) структурная реформа	Специфичность и (или) адаптация
Социализация	Индивидуализация и общество «спектакля»

Источник: [Swyngedouw 1986].

Мне ближе интерпретация Свингедо, но если язык школы регулирования сохранился в ней лучше, чем в других, то произошло это, как я подозреваю, в силу более прагматичной ориентации. Внутри самой школы регулирования не предпринимается (или их почти нет) попыток представить какое-либо детальное понимание механизма и логики рассматриваемого перехода, и в этом видится серьёзное упущение. Чтобы заполнить этот разрыв, требуется вернуться к истокам и рассмотреть логику капитализма в целом. В этом случае, конечно же, не обойтись без К. Маркса, который построил общую теорию капитализма, проанализировав эту формацию в условиях в широком смысле конкурентного и основанного на принципе *laissez-faire* способа регулирования, существовавшего в Великобритании в середине XIX века. Обратимся поэтому к марксовым «неизменным элементам и отношениям» капиталистического способа производства и рассмотрим, в какой степени они вездесущи, несмотря на поздние наслоения пустословия и эфемерности, фрагментирование и нарушение взаимосвязей, столь характерные для сегодняшней политической экономии.

Поскольку гибкое накопление всё же является некоей формой капитализма, можно ожидать, что нам предстоит принять в расчёт ряд базовых допущений. Ранее я уже пытался резюмировать эти допущения, поэтому просто приведу некоторые наиболее значимые элементы аргументации, представленной в моей книге «*The Limits to Capital*» («Пределы капитала») [Harvey 1982]. В частности, сошлюсь на три базовые характеристики любого капиталистического способа производства:

- капитализм ориентирован на рост, устойчивые темпы которого принципиальны для здоровья капиталистической экономической системы, поскольку лишь рост гарантирует прибыли и поддерживает накопление капитала. Это подразумевает, что капитализму приходится готовить почву для производства и роста реальных ценностей, а затем фактически добиваться их расширения, вне зависимости от того, какие это повлечёт политические, геополитические или экологические последствия. В той мере, в какой это достоинство проистекает из необходимо-

сти, оно является краеугольным камнем капиталистической идеологии, согласно которой рост есть неизбежность и благо. Кризис же в таком случае определяется как отсутствие роста;

- прирост реальных ценностей основан на эксплуатации живого труда в производстве. Это не значит, что труду достаётся мало; скорее, рост всегда обусловлен разрывом между тем, что получает труд, и тем, что он создаёт. А из этого следует, что контроль над трудом (как в процессе производства, так и на рынках сбыта) принципиально важен для максимально долгого сохранения капитализма. Одним словом, капитализм основан на классовых отношениях между капиталом и трудом. Поскольку трудовой контроль принципиален для капиталистической прибыли, динамика классовой борьбы вокруг контроля над трудом и рыночной заработной платой также является фундаментальной для траектории капиталистического развития;
- капитализму неизбежно присуща технологическая и организационная динамика. Так происходит отчасти потому, что принудительные законы конкуренции толкают отдельных капиталистов на опережающие инновации в поисках прибыли. Однако организационные и технологические изменения играют ключевую роль и в модификации динамики классовой борьбы, разворачивающейся с двух направлений — из сфер рынков труда и трудового контроля. Кроме того, если трудовой контроль принципиален для производства прибылей и становится более масштабным и определяющим способом регулирования, то в таком случае технологические и организационные инновации в регуляторной системе (такие, как государственный аппарат, политические системы инкорпорации и репрезентации и т. д.) оказываются ключевым моментом для продолжения существования капитализма. Идеология, согласно которой «прогресс» — неизбежность и благо, отчасти проистекает из этой необходимости.

Марксу удалось показать, что эти три необходимых условия капиталистического способа производства были некогерентными и противоречивыми, а следовательно, динамика капитализма неизбежно подвержена кризисам. В анализе Маркса способ, каким сочетание трёх перечисленных необходимых условий могло бы породить устойчивый и беспроблемный рост, отсутствовал. В частности, кризисные тенденции капитализма регулярно производят периодические фазы перенакопления, определяемые как состояние, когда незадействованный капитал и незадействованные трудовые ресурсы могут существовать бок о бок при отсутствии очевидного способа свести эти незадействованные ресурсы вместе ради выполнения полезных для общества задач. Об общем состоянии перенакопления будут сигнализировать незадействованные производственные мощности, избыток товаров и чрезмерный объём оборудования, избыточный денежный капитал (возможно, пребывающий в виде накоплений) и высокая безработица. Такие условия, которые преобладали в 1930-х гг. и периодически возникали начиная с 1973 г., следует рассматривать в качестве типичных проявлений тенденции к перенакоплению.

Итак, марксистская аргументация состоит в том, что тенденцию к перенакоплению при капитализме вообще невозможно устранить. Это бесконечная и вечная проблема для любого капиталистического способа производства, поэтому единственный вопрос заключается в том, каким образом тенденцию к перенакоплению можно выявлять, сдерживать, поглощать или управлять ею так, чтобы это не угрожало капиталистическому социальному порядку. Здесь мы сталкиваемся с героической стороной буржуазной жизни и политики, когда приходится делать реальный выбор ради того, чтобы социальный порядок не растворился в хаосе. Рассмотрим некоторые варианты этого выбора:

- *обесцениванием* товаров, производственных возможностей, стоимости денег (не исключено — в совокупности с прямым уничтожением) обеспечивается один из способов обращения с избытками капитала. Попросту говоря, обесценивание означает «снижение» или «списывание» стоимости капитального оборудования (в частности, заводов и машин), реализацию по сни-

женной цене избыточных запасов товаров (или их прямое уничтожение, как это было в знаменитом эпизоде со сжиганием кофейных плантаций в Бразилии в 1930-х гг.) или инфляционную эрозию покупательной способности денег в сочетании с разрастающимися дефолтами по долговым облигациям. Аналогичным образом можно обесценивать или даже уничтожать рабочую силу (увеличение эксплуатации, повышение падение реальных доходов, безработицы, более высокий уровень смертности на рабочем месте, ухудшение здоровья, снижение ожидаемой продолжительности жизни и т. д.). Во время Великой депрессии наблюдалось множество видов обесценивания и капитала, и рабочей силы, а в период Второй мировой войны этот процесс стал ещё более выраженным. Есть масса примеров и великое множество свидетельств того, что обесценивание было реакцией на перенакопление (начиная с 1973 г.). Однако за это приходится платить политическую цену, а кроме того, обесценивание бьёт по капиталистическому классу точно так же, как и по рабочим и по различным другим социальным классам, составляющим сложное современное капиталистическое общество. Определённая встряска может показаться хорошим средством, но неконтролируемые банкротства и масштабная девальвация открывают иррациональную сторону капиталистической рациональности столь жестоким образом, что это состояние нельзя долго выдержать без того, чтобы оно не повлекло за собой продолжение — какую-либо революционную, правую или левую, реакцию. Тем не менее контролируемая девальвация с помощью управляемых дефляционных мер является одной из очень важных и никоим образом не исключительных возможностей для того, чтобы справиться с перенакоплением;

- *макроэкономический контроль* через институционализацию определённой системы регуляции может сдерживать проблему перенакопления в течение существенного периода времени. Достоинство фордистско-кейнсианского режима, конечно же, и заключалось в том, что при нём можно было сформировать баланс сил (пусть и шаткий), за счёт которого механизмы, создающие проблему перенакопления, — темп технологических и организационных изменений наряду с борьбой за контроль над трудом — удавалось в значительной степени держать под контролем, тем самым обеспечивая устойчивый рост. Однако потребовался масштабный кризис перенакопления, чтобы фордистское производство было состыковано с кейнсианским способом государственного регулирования и некий тип устойчивого макроэкономического роста удалось обеспечить на сколько-нибудь длительный период. Возникновение того или иного особого режима накопления следует рассматривать — и прежде, и теперь — как результат целой серии вызванных регулярными проявлениями проблемы перенакопления политических и экономических решений, никоим образом не направленных сознательно на тот или иной специфический итог;
- *поглощение перенакопления* с помощью временного и пространственного перемещения обесценивает, на мой взгляд, более существенную и длительную, но в то же время и гораздо более сомнительную основу для того, чтобы взяться за проблему перенакопления и поставить её под контроль. В данном случае аргументация достаточна сложна своими частностями, поэтому я вновь буду полагаться на изложенное в других моих работах (см.: [Harvey 1982a; 1985b]):
 - а) временное перемещение предполагает либо переключение ресурсов с удовлетворения текущих потребностей для использования потребностей будущих, либо ускорение времени оборота (скорости, с которой денежные вложения возвращаются в виде прибыли инвестора) таким образом, что ускорение в текущем году поглощает избыточные мощности предыдущего года. Избыточный капитал и лишняя рабочая сила могут, к примеру, поглощаться путём переключения с текущего потребления на долгосрочные государственные и частные инвестиции в предприятия, физическую и социальную инфраструктуру и т. п.

Такие инвестиции поглощают избытки в настоящем лишь для того, чтобы вернуть их стоимостный эквивалент спустя длительный промежуток времени в будущем (именно этот принцип лежал в основе программ общественных работ, которые использовались, чтобы побороть состояние экономического спада 1930-х гг. во многих развитых капиталистических странах). Однако возможность для этого переключения зависит от доступности кредита и способности к «формированию фиктивного капитала». Он определяется как капитал, имеющий номинальную денежную стоимость и существующий на бумаге, но не имеющий под собой основы в смысле реальной производственной деятельности или физических активов в качестве дополнительного обеспечения. Фиктивный капитал конвертируется в реальный пропорционально сделанным инвестициям, ведущим к значительному увеличению полезных активов (например, предприятий и оборудования, которые можно прибыльно использовать) или продукции (товаров и услуг, которые можно прибыльно продать). В силу этой причины временное перемещение для использования будущих потребностей является краткосрочным паллиативом для решения проблемы перенакопления — если, иными словами, отсутствует непрерывное перемещение за счёт постоянно увеличивающихся масштабов формирования фиктивного капитала и расширения объёмов более долгосрочных инвестиций. Всё это зависит от определённого продолжительного и поддерживаемого государством динамичного увеличения долговой нагрузки. Именно таким результатом отчасти увенчались принятые после 1945 г. в развитых капиталистических странах кейнсианские меры.

Поглощение излишков с помощью ускорения времени оборота — заметная особенность недавнего периода гибкого накопления — ставит теоретическую проблему иного типа. Усилившаяся конкуренция определённо провоцирует отдельные фирмы ускорять время оборота своего капитала (те, кто показывает более быстрый оборот, скорее получают за счёт этого избыточную прибыль и тем самым легче решают проблему выживания). Однако это лишь при определённых условиях приводит к такому общему ускорению времени оборота, которое позволяет осуществить общее поглощение излишков. И даже при таком развитии событий это в лучшем случае краткосрочная паллиативная мера, если она неспособна ускорить общественное оборотное время последовательно, год за годом (данное решение в любом случае будет определённо предполагать значительное списание уже созданных активов, поскольку ускорение обычно сопровождается появлением новых технологий, которые вытесняют старые);

- b) пространственное перемещение связано с поглощением избыточного капитала и труда в процессе географической экспансии. Это «пространственное решение» (термин одной из моих прошлых работ) проблемы перенакопления включает производство новых пространств (например, за счёт инфраструктурных инвестиций), в рамках которых могут осуществляться капиталистическое производство, рост торговли и прямых инвестиций и новые возможности эксплуатации рабочей силы. Принципиальное опосредующее воздействие и здесь оказывают кредитная система и формирование фиктивного капитала, поддержанные фискальной, монетарной и при необходимости военной властью государства. Из этого также следует, что способ предыдущего использования пространств, в пределы которых расширяется капитализм, и уровни сопротивления, с которыми там приходится сталкиваться, могут иметь глубокие последствия. В некоторых местах (например, в Китае) происходило долгое и яростное сопротивление внедрению западного капитала, тогда как на других территориях (например, в Японии или — сравнительно недавно — в Гонконге, Сингапуре, а также на Тайване) господствующие, а то и подчинённые классы сами агрессивно включались в ту экономическую систему, которую они считали находящейся на более высоком уровне.

Постоянное географическое расширение капитализма было реальной возможностью и давало сравнительно устойчивое решение проблемы перенакопления. Но, поскольку прогрессирующее внедрение капитализма на планете расширяет пространство, внутри которого может возникать проблема перенакопления, географическая экспансия способна в лучшем случае выступать лишь кратковременным её решением. Долгосрочным же результатом практически определённно будет усиление международной и межрегиональной конкуренции, при этом самые жёсткие её последствия испытают на себе страны и регионы, имеющие меньше всего преимуществ;

- с) удвоенной силой в отношении поглощения проблемы перенакопления обладает, конечно же, перемещение в пространстве и во времени. На практике, а в особенности в той мере, в какой формирование фиктивного капитала (и, как правило, участие в этом государства) принципиально и для временного, и для пространственного перемещения, важную роль играет именно сочетание временных и пространственных стратегий. Типичной и мощной формой поглощения перенакопления является, скажем, заимствование денег (зачастую привлечённых на рынках капитала Лондона или Нью-Йорка путём формирования фиктивного капитала) странами Латинской Америки для создания инфраструктурных объектов длительного использования или приобретения капитального оборудования, которое поможет осуществлять производство в течение многих предстоящих лет.

Как же в таком случае фордизм разрешал внутренне присущие капитализму тенденции к перенакоплению? До Второй мировой войны отсутствовал надлежащий регуляторный аппарат для того, чтобы осуществить нечто большее, чем участие в некоторых пробных реализациях стратегии временного и пространственного перемещения (главным образом *в пределах* отдельных стран, хотя первые попытки прямых инвестиций на других континентах со стороны американских корпораций действительно начались в 1920-х гг.), и поэтому фордизм был вынужден пойти на яростное обесценивание активов того типа, которое состоялось в 1930-х и 1940-х гг. Начиная же с 1945 г., причём главным образом в качестве следствия детализированного планирования в военное время ради стабилизации послевоенного экономического порядка, возникла вполне связная стратегия накопления, выстроенная вокруг контроля над обесцениванием и поглощения перенакопления иными средствами. Обесценивание активов в ходе резких колебаний делового цикла было поставлено под контроль и низведено до того типа постепенного обесценивания за счёт запланированного морального устаревания, которое создавало сравнительно небольшие проблемы. С другой стороны, была институционализована прочная система макроэкономического контроля, которая контролировала динамику технологических и организационных изменений (главным образом за счёт могущества корпоративной монополии), сдерживала классовую борьбу (путём коллективных переговоров и государственного вмешательства) и, в целом, балансировала массовое производство и массовое потребление с помощью государственного управления. Однако этот способ регулирования не был бы столь успешным, каким он оказался, если бы не одновременное значительное присутствие и временного, и пространственного перемещения, пусть и под надзором зоркого ока интервенционистского государства.

Впрочем, к 1972 г. оказалось, что экономика США восседает на вершине долговой горы, как жаловался тогда журнал «Business Week» (хотя с сегодняшних высот всё это выглядит как холмик, сделанный кротом; см. рисунок «Рост федерального, персонального и корпоративного долга в США и ухудшение торгового баланса США. 1973–1987 гг.» в главе 9 «От фордизма к гибкому накоплению»). Кейнсианское долговое финансирование, изначально предназначенное в качестве краткосрочного управленческого инструмента для контроля над деловыми циклами, предсказуемо вылилось в попытку поглотить перенакопление постоянным расширением образования фиктивного капитала и следовавшим за этим увеличением долгового бремени государства. Постоянный рост долгосрочных инвестиций, дирижи-

руемых государством, оказался практичным способом поглощения любых излишков капитала или труда — по меньшей мере, до середины 1960-х гг. Пространственное перемещение (в сочетании, конечно же, с долгосрочной закрепитованностью) обладало ещё более могущественным воздействием. В Соединённых Штатах радикальная трансформация экономики мегаполисов (через субурбанизацию как производства, так и жилья) и экспансия в южном и западном направлениях поглощали масштабные объёмы излишнего капитала и труда. На международном уровне принципиальную роль в поглощении излишков сыграли восстановление экономик Западной Европы и Японии, ускоряющиеся потоки прямых иностранных инвестиций и невероятный рост мировой торговли. Планирование послевоенного «мира и процветания» ещё в ходе Второй мировой войны акцентировало необходимость глобальной стратегии накопления капитала в мире, где барьеры для торговли и инвестиций постепенно сокращались, а на смену колониальному подчинению шла открытая система роста, прогресса и кооперации в рамках деколонизированной капиталистической мировой системы. Даже несмотря на то что некоторые аспекты этой программы оказались идеологичными и иллюзорными, достаточная часть этой повестки была реализована, с тем чтобы осуществление пространственной революции в мировой торговле и инвестициях оказалось возможным.

Проблему перенакопления на протяжении длительного послевоенного бума фордистский режим накопления разрешал именно за счёт пространственного и временного перемещения. Кризис фордизма поэтому в некоторой степени интерпретируем именно как исчерпание возможностей обращения с проблемой перенакопления. Временное перемещение создавало пирамиду долгов вплоть до того момента, пока единственной жизнеспособной стратегией государства не стала их монетизация. Что в результате и было сделано путём печати такого большого количества денег, которое вызвало инфляционную волну, радикально сократившую реальную стоимость прошлых долгов (тысячи долларов, заимствованные десятилетием ранее, по итогам фазы высокой инфляции обладали незначительной стоимостью). Ускорение времени оборота было нелёгкой задачей без уничтожения ценности капитальных активов. Сформировались новые географические центры накопления — юг и запад США, Западная Европа и Япония, а затем и ряд новых индустриализирующихся стран. По мере созревания этих фордистских производственных систем они становились новыми и зачастую высококонкурентными центрами перенакопления. Между географически разделёнными элементами фордистской системы усилилась пространственная конкуренция, при этом наиболее эффективные режимы (такие, как Япония) и режимы с более низкой стоимостью труда (такие, как страны третьего мира, где представления о социальном контракте с трудом либо отсутствовали, либо слабо внедрялись) ввергали другие центры в пароксизмы обесценивания путём деиндустриализации. Пространственная конкуренция усилилась, особенно после 1973 г., поскольку исчерпалась возможность разрешения проблемы перенакопления с помощью географического перемещения. Кризис фордизма был географическим и геополитическим; в той же степени это был кризис долгового бремени, классовой борьбы или корпоративной стагнации в границах любого отдельного национального государства. В конечном счёте, под давлением скрытых противоречий капитализма возможности механизмов, разработанных для контроля над кризисными тенденциями, попросту были исчерпаны. Похоже, не оставалось иных возможностей, помимо того, чтобы вновь прибегнуть к обесцениванию активов того типа, которое произошло в 1973–1975 гг. или в 1980–1982 гг., в качестве первоочередной меры обращения с тенденцией к перенакоплению, кроме возможности создания какого-то иного режима капиталистического производства более высокого порядка, который обеспечил бы твёрдую основу для дальнейшего накопления в глобальном масштабе.

Гибкое накопление в данном случае, похоже, соответствует простой перекомбинации двух обозначенных Марксом базовых стратегий обеспечения прибыли (прибавочной стоимости). Первая из них, определяемая как *абсолютная* прибавочная стоимость, базируется на удлинении рабочего дня для его соответствия заработку, необходимому для обеспечения воспроизводства рабочего класса при некоем сложившемся уровне жизни. Тот сдвиг в направлении увеличения рабочего времени в совокупности

с общим снижением уровня жизни либо за счёт эрозии реальной заработной платы, либо благодаря перемещению корпоративного капитала из регионов с высокими зарплатами в регионы с низкими зарплатами фиксирует один из аспектов гибкого накопления капитала.

По этой причине многие стандартизированные производственные системы, созданные в условиях фордизма, переместились далеко от центра, сформировав «периферийный фордизм». Даже новые производственные системы, стандартизируясь, имели тенденцию перемещаться из их инновационных колыбелей в третий мир (в качестве примера можно привести перемещение компании Atari в 1984 г. из Кремниевой долины в Юго-Восточную Азию с её дешёвой рабочей силой).

В рамках второй стратегии, известной как *относительная* прибавочная стоимость, организационные и технологические изменения запускаются для того, чтобы получить временные прибыли для инновационных фирм и иные виды прибыли по мере снижения издержек на товары, которые определяют уровень жизни трудящихся. И здесь быстро распространяющееся засилье инвестиций, которые сокращали занятость и издержки на труд во всех отраслях — от угледобычи и производства стали до банкинга и финансовых услуг, — было совершенно очевидным аспектом накопления капитала в 1980-х гг. Однако опора на эту стратегию выводит на первый план высококвалифицированную рабочую силу, а также способность понимать новые и при этом гораздо более гибкие модели технологических инноваций и рыночных ориентаций, внедрять их и управлять ими. По мере того как капитализм всё больше зависит от мобилизации сил интеллектуального труда в качестве механизма дальнейшего накопления, внутри рабочей силы возникает высокопривилегированная и в некоторой степени могущественная группа.

Разумеется, имеет решающее значение именно тот специфический способ, каким сочетаются и подпитывают друг друга абсолютная и относительная стратегии. Интересно, что использование новых технологий настолько высвободило излишки рабочей силы, что возрождение абсолютных стратегий для обеспечения прибавочной стоимости стало более ощутимым даже в развитых капиталистических странах. Возможно, ещё более неожиданным было то, каким образом новые технологии и координирующие формы организации обусловили возрождение домашних, семейных и патерналистских трудовых систем. Маркс был склонен рассматривать их как уклады, которые будут либо вытеснены из бизнеса, либо доведены до такого состояния масштабной эксплуатации и бесчеловечной каторги, что их не потерпят при передовом капитализме. Возрождение потогонки в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, надомной и «удалённой» работы, а также бурный рост неформального сектора трудовых практик во всём развитом капиталистическом мире в действительности является собой весьма печальный взгляд на, казалось бы, прогрессивную историю капитализма. В условиях гибкого накопления всё это выглядит так, будто альтернативные системы труда способны существовать бок о бок в одном и том же пространстве таким образом, что капиталистические предприниматели могут выбирать между ними по собственной воле (см. таблицу «Различные формы трудового процесса и организации производства» в главе 9 — «От фордизма к гибкому накоплению»). Один и тот же дизайн футболок делают крупные фабрики в Индии, производственные кооперативы в «Третьей Италии», потогонки в Нью-Йорке и Лондоне или семейные системы труда в Гонконге. Эkleктика трудовых практик выглядит почти таким же признаком нашего времени, как эkleктика постмодернистских философий и вкусов.

Однако, вопреки различию контекста и специфических характеристик приведённых примеров, в марксовом описании логики капиталистической организации и накопления присутствует нечто совершенно обязательное и актуальное. Новое прочтение его объяснений, содержащихся в «Капитале», задевает за живое и становится определённым стимулом для осознания происходящего. В книге Маркса мы обнаруживаем и те способы, какими фабричная система может пересекаться с системами производства на дому, в мастерской и с ремесленной системой, и то, каким образом резервная промышленная армия мобилизуется в качестве противовеса силе рабочих по вопросам трудового контроля и уровня

заработных плат, и то, как интеллектуальные силы и новые технологии используются для уничтожения организованной мощи рабочего класса, и то, как капиталисты пытаются поощрять дух конкуренции среди рабочих, одновременно постоянно требуя гибкости планирования, распределения и подхода к производственным задачам. Мы также вынуждены принимать во внимание то, каким образом всё это создаёт возможности, а заодно опасности и сложности для представителей рабочего класса, именно потому, что капиталистам все сложнее устанавливать контроль над образованием, гибкостью и географической мобильностью, как только они появляются у рабочих.

Даже несмотря на то что нынешние условия отличаются от прошлых во многих отношениях, несложно разглядеть, каким образом инвариантные элементы и отношения, которые Маркс определял как фундаментальные для любого капиталистического способа производства, по-прежнему просвечивают сквозь все пустословие и эфемерность, столь характерные для гибкого накопления, причём во многих случаях ещё ярче, чем прежде. В таком случае является ли гибкое накопление чем-то большим, нежели дешёво приукрашенной версией той же, что и обычно, старой истории капитализма? Это было бы слишком простым заявлением, в котором капитализм рассматривался бы внеисторически, в качестве нединамичного способа производства, тогда как всё (включая явные основания, заложенные Марксом) свидетельствует о том, что капитализм — это постоянно действующая революционная сила мировой истории, сила, которая все время переформирует мир в некие новые и зачастую совершенно неожиданные конфигурации. Гибкое накопление оказывается, по меньшей мере, именно некоей новой конфигурацией и в таком качестве требует от нас пристального, внимательного и серьёзного рассмотрения его проявлений при одновременном и надлежащем использовании тех теоретических инструментов, которые разработал Маркс.

Литература

Halal W. 1986. *The New Capitalism*. New York: John Wiley.

Harvey D. 1982. *The Limits to Capital*. Oxford: Basil Blackwell.

Harvey D. 1985a. *Consciousness and the Urban Experience*. Oxford: Basil Blackwell.

Harvey D. 1985b. The Geopolitics of Capitalism. In: Gregory D., Urry J. (eds) *Social Relations and Spatial Structures*. London: Macmillan; 126–163.

Harvey D. 1985c. *The Urbanization of Capital*. Oxford: Basil Blackwell.

Lash S., Urry J. 1987. *The End of Organised Capitalism*. Oxford: Polity Press.

Swyngedouw E. 1986. The Socio-Spatial Implications of Innovations in Industrial Organisation. *Working Paper*. No. 20. Lille: Johns Hopkins European Center for Regional Planning and Research.

NEW TRANSLATIONS

David Harvey

The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change (an excerpt)

HARVEY, David — Distinguished Professor at Graduate Center, City University of New York. Address: 365 Fifth Avenue, New York, NY10016, USA.

Email: dharvey@gc.cuny.edu

Abstract

The book by David Harvey, *The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*, presented deep research into the nature of postmodernism, considered not as a set of ideas but rather as historical conditions. The author claimed that roughly since 1972 cultural as well as political and economic practices changed globally, including the rise of postmodern cultural forms and the emergence of flexible capital accumulation. According to the author, those changes were conditioned by the new prevailing modes of how people experienced time and space, indicating the new cycle of time-space compression in the organization of capitalism. The book consists of four parts. In the first part, Prof.

Harvey reviewed the dominating but conflicting theories of postmodernism. In the other chapters he considered the relationship between the dynamics of the historical and geographical development of capitalism, complicated processes of cultural production, and ideological transformation.

The Journal of Economic Sociology publishes the tenth chapter, “Theorizing the Transition,” from the second part of the book, “The Political-Economic Transformation of Late Twentieth-Century Capitalism.” In this chapter, the author demonstrated that existing theories had difficulties in explaining the observed historical transition from Fordism to flexible accumulation. In order to overcome these problems, Harvey proposed a return to capitalism's origins to reconsider its logic generally with the help of Marx's theories.

Keywords: space; time; capitalism; postmodern; labour; cultural change.

References

Halal W. (1986) *The New Capitalism*, New York: John Wiley.

Harvey D. (1982) *The Limits to Capital*, Oxford: Basil Blackwell..

Harvey D. (1985a) *Consciousness and the Urban Experience*, Oxford: Basil Blackwell.

Harvey D. (1985b) The Geopolitics of Capitalism. *Social Relations and Spatial Structures* (eds. D. Gregory, J. Urry), London: Macmillan, pp. 126–163.

Harvey D. (1985c) *The Urbanization of Capital*, Oxford: Basil Blackwell.

Lash S., Urry J. (1987) *The End of Organised Capitalism*, Oxford: Polity Press.

Swyngedouw E. (1986) The Socio-Spatial Implications of Innovations in Industrial Organisation. *Working Paper*, no 20, Lille: Johns Hopkins European Center For Regional Planning and Research.

Received: January 8, 2020

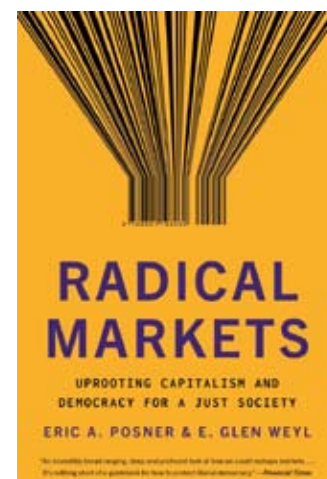
Citation: Harvey D. (2020) Sostoyanie postmoderna: issledovanie istokov kul'turnykh izmeneniy [The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change (an excerpt)]. *Journal of Economic Sociology* = *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 2, pp. 62–75. doi: [10.17323/1726-3247-2020-2-62-75](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-2-62-75) (in Russian).

НОВЫЕ КНИГИ

Б. А. Белявский

«Враг моего врага», или Об объединяющем потенциале рыночного радикализма¹

Рецензия на книгу: Posner E. A., Weyl G. E. 2018. *Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society*. Princeton; Oxford: Princeton University Press. 337 p.

БЕЛЯВСКИЙ Борис Александрович — стажёр-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований, преподаватель кафедры экономической социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: bbelyavski@hse.ru

Данная статья является рецензией на книгу «*Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society*» («Радикальные рынки: обнажение корней капитализма и демократии во имя справедливого общества»), написанную Эриком Познером и Гленом Вейлом и опубликованную в 2018 г. Э. Познер является известным профессором права в Чикагском университете, его работы посвящены международному праву и международным отношениям, договорам и теории игр в праве. Г. Вейл работает ведущим исследователем в *Microsoft Research* (подразделение корпорации *Microsoft*), преподаёт проектирование цифровой экономики в Йельском университете. Книга «*Radical Markets...*» посвящена поиску решений проблем неравенства и стагнации. Авторы заявляют, что для их преодоления необходимо комбинировать теоретические решения «левых» и «правых», которые позволят создать институциональное устройство, максимально отвечающее принципам рынка — свободе, конкуренции и открытости. Рынок как реализация названных принципов признаётся лучшим средством для обеспечения равенства и экономического роста. В книге рассматриваются пять относительно независимых сфер с единым источником ограничений — монополиями. В каждой главе предлагается решение для одной сферы, которое установит свободную конкуренцию и разрушит монополию.

В рамках данной рецензии представлена точка зрения, согласно которой предлагаемые авторами рассуждения не являются теоретической комбинацией «правых» и «левых» теорий, а последовательно развивают «правую» либеральную традицию. Все предложения авторов книги основаны на принципах утилитаризма, маржинализма и неоклассической экономической теории. При этом найденные авторами решения проблем оказываются исторически уместными для обоих направлений, однако не являются преодолением теоретических противоречий между неолиберализмом и критической теорией, а в публичной политике — между либерализмом и республиканизмом. В первой части рецензии, после введения, даётся общее описание идей книги и метода, используемого авторами для решения по-

¹ Данный текст выполнен в рамках проекта Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ «Неэкономические источники динамики российских рынков» при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (2020 г.).

ставленных задач. Во второй и третьей частях рецензии сделано подробное описание каждой главы в контексте сравнения проблематики либерализма, критической теории и республиканизма. В заключении обсуждается вопрос об эффективности поиска компромиссов между конфликтующими подходами.

Ключевые слова: либерализм; критическая теория; республиканизм; рынок; неравенство; экономический рост.

Введение

Критика либеральной концепции рынка имеет долгую историю. Очередным поводом её усиления стал экономический кризис 2007–2008 гг., после которого на Западе активизировались исследования о принципах развития, альтернативных неолиберальной идеологии [Streeck 2014]. Усилилась полемика между «правыми» сторонниками неоклассической теории и «левыми» последователями направления критической теории. В политической сфере противостояние развернулось между либеральной и республиканской концепциями [Omori 2019]. В контексте споров о послекризисном развитии в 2018 г. появилась книга Эрика Познера и Глена Вейла «Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society» («Радикальные рынки: обнажение корней капитализма и демократии во имя справедливого общества»), которая претендует не только на формулирование решений проблем неравенства и экономической стагнации, но и на разрешение теоретических противоречий между «правыми» и «левыми» [Posner, Weyl 2018].

Авторы книги являются известными специалистами в академической и бизнес-сфере США. Эрик Познер работает профессором права в Чикагском университете, в 2014 г. стал четвёртым самым цитируемым исследователем права в США. Глен Вейл — ведущий исследователь в Microsoft Research New England (MSR-NE), R & D подразделения корпорации Microsoft, является доктором экономических наук и преподаёт курс проектирования цифровой экономики в Йельском университете. Авторы книги описывают своё направление исследований как рыночный радикализм, в рамках которого они предлагают институциональные решения, направленные на борьбу с монополиями и создание рыночных аукционов в пяти разных сферах (с. xvii). Последовательная реализация рыночных принципов, по задумке авторов книги, приведёт к решению двух фундаментальных задач — к преодолению неравенства, которое представляет собой главную теоретическую проблему «левых», и обеспечению экономического роста, проблематизируемого на теоретическом уровне «правыми» (с. xv–xvi).

Выходящие рецензии на книгу дают осторожные и противоречивые отзывы о ней. Возможно, это связано с амбициозной задачей теоретического примирения непримиримых традиций. В одних рецензиях встречаем сожаление по поводу радикализма книги, который помешает распространению высказанных в ней идей [Babie 2018]. В других книгу критикуют за недостаточно последовательное применение рыночных принципов [Basshuysen 2019] или, наоборот, за чрезмерный радикализм и невнимание к проблематике личной свободы [Dagan 2019]. При прочтении же книги обнаруживается, что авторы на самом деле не выходят за теоретические рамки «правой» либеральной традиции, утилитаризма и неоклассической экономики. Все предлагаемые ими решения являются следствием последовательного применения теорий маржинализма (с. 41–42), утилитаризма (с. 98) и либеральной репрезентативной демократии (с. 86). При этом предлагаемые эмпирические решения оказываются исторически уместными и с позиции конкурирующих теоретических подходов — критической теории и республиканизма.

Выбранные авторами книги объекты критики являются общими для либерализма, критической теории и республиканизма, хотя в представленном виде совпадение выглядит случайным на теоретическом уровне. С одной стороны, такая точка зрения опровергает заявление авторов о найденном теоретиче-

ском компромиссе. Но с другой, делает книгу удобным инструментом для лучшего понимания различий между подходами, а также заставляет задуматься о действительной возможности теоретического примирения через поиск точек пересечения в теоретической проблематике. Настоящая рецензия построена следующим образом: сначала даётся общий обзор книги, представленных в ней идей и авторского метода решения задач, поставленных в каждой главе; затем на конкретных кейсах изменения институтов обсуждается степень пересечения разных теоретических традиций. Кейсы глав 1, 3, 4 и 5 анализируются через противоречия между развиваемой авторами либеральной концепцией и критической теорией, представляющей в книге обобщённых «левых». Кейс главы 2 разбирается в контексте противоречий между либерализмом и республиканизмом. Данную линию дискуссии авторы не обозначают явно, однако фактически выступают в ней на стороне либерализма, предлагая свою программу политических изменений. В конце рецензии приводится обобщение дискуссии и обсуждается вопрос о том, насколько продуктивен поиск теоретических компромиссов между рассматриваемыми традициями.

Проект рыночного радикализма

Использованное в названии книги словосочетание, отсылающее к понятию «рыночный радикализм» (*market radicalism*), обозначает направление, развиваемое авторами, которое они противопоставляют рыночному фундаментализму (*market fundamentalism*). Отличие сводится к тому, что радикализм ориентируется на теоретические принципы рынка и его идеальный тип, для которого любые эмпирические институты являются лишь формой своего исторического выражения. Фундаментализм же отстаивает институты, которые на протяжении истории стали ассоциироваться с рынком (с. xvi).

Авторы книги позиционируют себя продолжателями традиции Адама Смита, характеризуя этого учёного как рыночного радикала, чьи идеи являлись революционными для своего времени (с. xix). Рынок определяется в книге как набор принципов, предложенных Смитом и позволяющих преодолеть неравенство и обеспечить экономический рост. Хотя Эрик Познер и Глен Вейл декларируют, что противопоставление левых и правых традиций устарело (с. xv), их собственные цели и ценностные идеалы прямо продолжают традицию либерального утилитаризма, восходящую к работам Адама Смита и Иеремии Бентама, поскольку главной решаемой авторами книги задачей оказывается экономический рост, максимизация прироста экономических благ. Идеал равенства (с. 11–13) дополняет концепцию Бентама о стремлении к максимальному счастью наибольшего числа людей [Бентам 1998]. И сами авторы книги не отрицают своей преемственности с экономической и политической либеральной традицией (с. 4, 85), используют аргументы австрийской экономической школы, обращаются к Л. Мизесу, Ф. Хайеку и последователю маржинализма Л. Вальрасу (с. 41, 47).

Книга Э. Познера и Г. Вейла в целом посвящена переосмыслению институциональных границ в разных сферах и выработке нормативных предложений, которые позволят создать отношения, более близкие к идеальным принципам рынка (с. xvi). В то же время из заключения становится понятно, что рынок также является лишь исторически наиболее эффективным способом преодоления того, что авторы книги называют *stagnequality*². Причём рынок как способ функционирования экономики уже в обозримом будущем может быть заменён распределённым планированием. Рынки характеризуются авторами как первые, искусственно сконструированные «распределённые компьютеры» (с. 285). Опираясь на Л. Ф. Мизеса, они сравнивают рынки с централизованным планированием и приходят к выводу, что единственным принципиальным различием двух систем является линейность планирования и параллельная многозадачность рынка (с. 283). Критика централизованного планирования сводится

² Термин введён авторами книги по аналогии со стагфляцией. Обозначает одновременную ситуацию социального неравенства и экономической стагнации. Олицетворяет, по мнению авторов, суть проблем современного общества (с. 11).

к невозможности из единого центра настолько же эффективно распределить ресурсы, как это происходит при стихийно распределённом планировании на рынке, что и является аргументом в пользу выбора рыночного механизма.

В то же время современные вычислительные мощности и методы машинного обучения позволили заниматься укрупнённым планированием, обобщать рыночные сигналы и масштабировать планирование на уровне функции полезности индивида. Авторы книги пишут, что современные электронные приложения и сайты, такие как Amazon, Netflix и Uber, представляют собой попытки централизованного планирования спроса и предложения (с. 287). Эти попытки уже сейчас успешны и, по мнению авторов, способны привести к тотальному планированию с помощью распределённых вычислений и экосистемы из приложений, которые обеспечат долгосрочное администрирование поведения большого количества индивидов. Это будет не централизованным планированием в чистом виде, но уже и не рыночным механизмом. Познер и Вейл дают свой прогноз, являющийся, скорее, положительным (с. 293), и заключают, что их проекты рыночного радикализма — это оптимальный вариант регулирования отношений между людьми и вычислительными системами для ближайших поколений.

Понимание исторической ограниченности свидетельствует о высокой степени рефлексивности и теоретической честности авторов, однако не избавляет их от критики со стороны оппонентов. Ханоч Даган в своей рецензии замечает, что предлагаемый дизайн институтов при ориентации исключительно на равенство и экономический рост не оставляет места для личной свободы, поскольку все усилия сводятся к максимизации экономического роста для общества в целом, в то время как индивидуальное поведение рассматривается исключительно с точки зрения эффективности действия, и индивидуальная свобода может ущемляться ради экономической продуктивности [Dagan 2019: 1295]. С точки зрения республиканской традиции предлагаемое Э. Познером и Г. Вейлом видение будущего продолжает линию либерализма, критикуемую Ханной Арендт, которая видела подмену человеческого раскрытия личности в увеличении материального благосостояния общества. Вместо свободного проявления в деятельности либеральный проект пришёл к экономическому росту как единственной эффективной цели, а её реализация становится осуществимой на уровне планирования всем обществом, что обесценивает индивидуальную жизнь человека [Арендт 2000].

Безотносительно спора о личной свободе, Э. Познер и Г. Вейл предложили ряд изменений, которые должны привести реальность к большему соответствию с тремя основополагающими принципами рынка — свободой, конкуренцией и открытостью. Свобода в книге понимается как возможность устанавливать любую цену за обмениваемое благо; конкуренция описывается как отсутствие ограничений для вхождения на рынок, преодоление олигополистических и монополистических формирований, а открытость интерпретируется как равный доступ к рынку разных субъектов независимо от какой-либо их характеристики (с. 20–21). Открытость является уточнением принципа конкуренции, указывает на значимость разнообразия субъектов и плюрализма мнений, которые являются одной из центральных ценностей либеральной идеологии [Omori 2019].

Книга, как уже отмечалось, представляет собой анализ пяти относительно независимых сфер, в которых авторы проблематизируют институциональное устройство (с. 29), находят нормы и агентов, препятствующих реализации трёх рыночных принципов, и подвергают эти нормы критике либо с точки зрения монополизации рынка, либо из-за дискриминации по признаку гражданства и установления иных барьеров к участию на рынке. В качестве наиболее подходящей институциональной рыночной формы Познер и Вейл выбирают аукцион, где каждый платит максимальную цену за вещь, представляющую для него наибольшую полезность. Принцип аукциона и примеры его внедрения авторы берут у своих предшественников Генри Джорджа и Уильяма Спенсера Викри, которым посвятили свои предложения и выразили надежду, что Джордж и Викри одобрили бы представленную теорию (с. xxii).

Каждая глава книги отведена одному кейсу. Первая — рынку имущества и частной собственности вообще; вторая — механизму принятия коллективных решений; третья — международной трудовой миграции; четвёртая — работе институциональных инвесторов; пятая — производству данных. Все главы начинаются с заставки — описания воображаемой ситуации, в которой герой решает свои насущные вопросы с помощью нового института, предлагаемого авторами в качестве решения проблемы данного рынка. Затем последовательно, с привлечением теоретических и эмпирических материалов, обосновывается несоответствие реальной ситуации идеальным принципам работы рынка, чтобы в конце главы представить собственное институциональное решение. Книга читается легко, доказательства в главах системны и снабжены примерами, предназначенными для читателя, не имеющего базовой компетентности в обсуждаемой проблематике.

Авторы неоднократно пишут о сближении своих идей одновременно с «правыми» и «левыми» идеалами. Правое крыло описывается как ориентация на рост благосостояния доминирующей группы в обществе, в то время как левое борется за преодоление неравенства между доминирующей группой и меньшинствами как внутри страны, так и на международном уровне (с. 13). К правому крылу авторы относят либертарианские и неолиберальные течения, в то время как к левым — любые теории и движения, ставящие вопрос о перераспределении ресурсов для уменьшения неравенства и предоставления равных возможностей всем группам населения (с. 24). «Левые» в книге Э. Познера и Г. Вейла далеки от марксизма, но могут быть отнесены к обобщённому направлению критической теории, для которой неравенство является следствием недобросовестной конкуренции, скрытых форм господства и эксплуатации. И несмотря на последовательное развитие либеральных экономических и политических принципов, институциональные решения для конкретных кейсов действительно выглядят как удовлетворяющие требованиям направлений республиканизма и критической теории.

Однако, помимо компромисса между неолиберализмом и критической теорией, в книге ведётся поиск согласия по другой линии теоретического противостояния — между политическими течениями либерализма и республиканизма. Данная линия дискуссии связана с вопросами определения свободы и участия в публичной политике. Для республиканизма публичное участие является самостоятельной ценностью, а для либерализма — лишь средством для сохранения частных свобод в экономической сфере [Omori 2019]. Э. Познер и Г. Вейл косвенно подтверждают приверженность либеральной точке зрения, так как говорят о своём рассмотрении политического участия как неизбежного для обеспечения максимальной экономической эффективности в вопросах управления общественными благами (с. xv). Но поскольку авторы вступают в дискуссию о политическом участии, они неизбежно оказываются в споре между либеральной и республиканской концепциями на стороне либерализма. И хотя сами авторы не упоминают о линии спора между либерализмом и республиканизмом, в настоящей статье предложенные в книге решения обсуждаются в контексте спора либерализма и республиканизма.

Непосредственно сферы политического авторы касаются в главе 2; отдельные элементы предложенного в ней решения также развиваются в главе 4 и заключении. Кейс главы 2 поэтому рассматривается в рамках традиции либеральной и республиканской полемики. В остальных главах задействовано сопоставление неолиберализма и критической теории.

Рынок для «правых» и «левых»

Все решения, предлагаемые в главах 1, 3, 4, 5, оказываются практическим компромиссом между неолиберализмом и критической теорией. Несмотря на видимую приемлемость, совпадение позиций на теоретическом уровне оказывается случайным. Во всех рассматриваемых случаях авторы книги определяют источник проблем в признаках монополизации ресурса или рынка, что мешает свободной конкуренции всех как равных участников, которые в одиночку не должны иметь возможности влиять на

цену или правила обменов. Устранение компонента монополии или олигополии должно открывать дорогу к экономическому росту, что и становится результатом, интересующим неолиберальную теорию. Одновременно устранение монополий уменьшает проявление дискриминации по разным признакам, в зависимости от рассматриваемого кейса. С точки зрения критической теории это также определяется как положительное изменение, однако предлагаемые решения не уничтожают оснований для доминирования, а переводят их в иную, латентную форму.

В главе 1 представлено одно из двух центральных решений, предлагаемых в книге, которое содержит пересмотр значения института частной собственности. Авторы усматривают в институте частной собственности одну из форм монополии, которая препятствует эффективному перераспределению ресурсов в пользу тех, кто сможет воспользоваться ими наилучшим способом (с. 35–38). В то же время марксистская идея перевода частной собственности в общественную еще менее эффективна, поскольку государственное управление представляет собой чистую монополию (с. 41) с ограниченными возможностями по планированию (причины ограничений рассматривались в предыдущем разделе рецензии). Решением авторов становится частично общественное владение собственностью, которое должно быть распределённым (*partially common ownership*) (с. 52). Такая обобществлённая собственность задумана по принципу постоянного аукциона, на котором всегда находится собственность всех владельцев, а любой желающий может перекупить любой актив.

Важной составляющей данного решения является самостоятельное оценивание стоимости актива, производимое текущим владельцем, от которой будет выплачиваться налог (*common ownership self-assessed tax* — COST) (с. 61). Самостоятельная оценка стоимости актива его владельцем решает проблему сохранения инвестиций, поскольку собственник может назначить любую стоимость своего имущества, чтобы предотвратить его перекупку. При этом за повышением цены автоматически следует повышение налога, увеличивая объём богатств, находящийся в распоряжении общества в целом. Решение авторов основано на принципе «техасской перестрелки», который используется при продаже доли в совместном предприятии одному из партнёров. Каждый партнёр называет свою стоимость, оценивая оспариваемый актив. Назвавший большую сумму получает актив, но выплачивает другому сумму, равную среднему арифметическому от значений, названных обоими партнёрами (с. 52–53).

Познер и Вейл описывают ряд деталей, необходимых для нормального функционирования COST. Среди них стоит выделить возможность собственника самостоятельно определять конфигурацию неделимого актива, который оценивается как единый объект собственности, облагаемый налогом (с. 64). Авторы говорят, что в первое время после введения система не должна распространяться на личные вещи (с. 75–76), а налог должен иметь разные ставки в зависимости от типа собственности. В долгосрочной перспективе данную систему предлагается распространить и на труд, что должно сделать людей со средним достатком более защищёнными, а богатых — обязать платить за своё свободное время (с. 256–258). В рамках рассуждений неолиберальной теории повысит эффективность использования собственности, а с позиций критической теории — сделает приобретение активов более доступным для всех слоёв населения. Например, сами авторы говорят, что внедрение COST приведёт к снижению цен на землю и сделает строительство муниципального жилья для необеспеченных классов дешевле (с. 67–68). В то же время с точки зрения критической теории постоянный аукцион не устраняет неравенства на основе владения активами. И для людей, не имевших собственности, увеличение объёма социальных благ, предоставляемых обществом, не обязательно будет означать переход к равной статусной позиции в вопросах рыночного обмена по отношению к собственникам. Ю. Хабермас указывал, что крупные корпорации и СМИ манипулируют представлениями людей о ценности и собственной роли в обществе [Habermas 1991]. Переопределение ценности активов и их значения являлось предметом манипуляций уже в XX веке, самооценка стоимости активов и увеличение налога на собственность могут не оказать никакого эффекта на принцип манипулирования общественным сознанием.

В главах 3–5 предлагаемый компромисс между неолиберальной и критической теориями выражен более однозначно. Глава 3 с ярким названием «Объединяя пролетариев всех стран» («Uniting the World's Workers») (с. 127) посвящена миграционному законодательству. В ней авторы предлагают разрешить каждому гражданину страны выступить принимающей стороной для одного трудового мигранта. Здесь олигополию представляют корпорации, которые обладают правом приглашения трудовых мигрантов, которого нет у единичного гражданина (с. 161)³. В текущей ситуации корпорации и трудовые мигранты оказываются бенефициарами, а на население принимающей страны ложатся лишь издержки по проживанию вместе с приезжающими. Выгода предлагаемого решения аргументируется следующим образом: все граждане потенциально смогут оказаться бенефициарами и воспользоваться преимуществами от низкой стоимости труда мигрантов, прибыль от которой уже получают корпорации; количество квот для трудовых мигрантов многократно возрастёт, а интенсивность межкультурного взаимодействия будет повышаться; увеличится степень толерантности принимающей стороны к представителям других культур вследствие вовлечения в непосредственное взаимодействие с ними (с. 150–155).

Глава 3 критиковалась с позиций неолиберальной теории. Рецензент описывал решение авторов книги как непоследовательное. Согласно неоклассической экономической теории, на свободном международном рынке факторы производства не должны иметь ограничений для перемещений. Ограничение резидента приглашением всего одного мигранта является непоследовательным на фоне остальных предложений книги [Basshuysen 2019]. Полное снятие барьеров для трудовой миграции также соответствует идеалам равенства в рамках критической теории.

Предложение, выдвинутое в главе 4, выглядит наименее радикальным по сравнению с остальными кейсами. В главе описывается ситуация олигополии, сложившаяся на ряде рынков США и Западной Европы в связи с владением фактическим контрольным пакетом акций пятью (в США) компаниями — институциональными инвесторами, которые представляют собой инвестиционные фонды, на деньги вкладчиков покупающие акции компаний и выплачивающие проценты по вкладам с прибыли от дивидендов (с. 180–184). Проблема заключается в том, что 20-процентное владение акциями оказывается контрольным пакетом, которым владеют пять одних и тех же институциональных инвесторов в крупнейших банках и производственных компаниях США. На момент написания книги институциональным инвесторам принадлежали 60% активов в экономике США и 90% компаний из списка «S & P 500»⁴ (с. 184).

Познер и Вейл доказывают, что присутствие институциональных инвесторов подавляет конкуренцию на рынке, препятствует повышению качества продукции и снижению цены, и ссылаются для подтверждения на результаты эмпирических исследований (с. 185). Авторы книги предлагают простое решение: введение запрета на владение более чем 1% акций в компаниях, если институциональный инвестор вкладывается в несколько фирм на рынке. Или разрешить компаниям вкладываться в более чем 1% акций при условии инвестирования только в одну фирму отрасли. В совокупности обе составляющие предложения затронут только наиболее крупных игроков, сделают их менее влиятельными на рынке, но сохранят их возможность заработка на инвестициях (с. 191–196). Антимонопольное регулирование не является центральным вопросом для критической теории. Предложенное авторами книги решение выглядит уместным как средство для уменьшения господства частных корпораций в данный исторический момент.

Концептуальное решение главы 5 является одним из трёх наиболее радикальных (вместе с предложениями, сделанными в главах 1 и 2). В главе 5 обсуждаются роль и стоимость пользовательских данных,

³ Глава 3 посвящена миграционному законодательству США.

⁴ Индекс компании Standard & Poor's.

сохраняемых корпорациями. Авторы книги заявляют, что сфера предоставления и применения данных находится на стадии феодализма, поскольку создание данных в сервисах является неоплачиваемой формой труда (с. 208–209). Свою позицию авторы книги обосновывают принципом работы нейронных сетей и машинного обучения. В устаревших линейных вычислениях ценность каждой новой единицы данных падала после накопления статистически значимой выборки. В современных параллельных вычислениях стоимость новых данных возрастает скачкообразно, после накопления пороговых значений. Принцип машинного обучения заключается в том, что по мере накопления массива данных усложняется аналитическая модель. Таким образом, новые данные о действиях пользователей сохраняют или даже увеличивают свою ценность для вычисления закономерностей в поведении и предпочтениях (с. 214–220).

В сложившейся ситуации корпорации, владеющие пользовательскими данными, обладают источником знаний о пользовательских предпочтениях, ценность которого возрастает вместе с объёмом данных. Эти знания могут быть полезны для улучшения рекламного таргетинга, а также для создания более выгодного в глазах клиента продукта. Авторы сравнивают текущую ситуацию с феодализмом, потому что корпорации предоставляют пользователям бесплатные сервисы в обмен на данные, однако стоимость доступа к приложению гораздо ниже, чем передаваемая информация (с. 232). Кроме того, по мнению Познера и Вейла, корпорации осведомлены о высокой ценности данных, потому что недостающие фрагменты информации тайно закупаются компаниями через опросные организации, вместо того чтобы купить нужные данные непосредственно у пользователей собственных сервисов, поскольку оглашение покупки данных создаст прецедент в глазах пользователей (с. 233–235).

Авторы книги предлагают создать профсоюз работников по производству данных (*data workers*) (с. 241), который сможет принудить корпорации к оплате своего труда. Причём забастовки такого профсоюза окажутся вдвое действеннее акций других профсоюзов, поскольку будут выражаться в отказе от использования сервисов компании, тем самым лишая корпорации как результатов труда в форме данных, так и спроса на услуги (с. 242). Одновременно с оплатой данных компаниям следует начать взимать плату за использование своих сервисов, что в совокупности создаст в цифровой сфере реальные рынки данных и услуг. На глобальном уровне предложенное авторами решение снимает угрозу безработицы в связи с компьютеризацией. Если прежде считалось, что с внедрением компьютерных технологий новые отрасли создают меньше рабочих мест, чем их исчезает в связи с закрытием старых предприятий, то переопределение производства данных в качестве трудовой деятельности означает создание рабочих мест для всего населения, использующего цифровые сервисы (с. 220–223).

С точки зрения критической теории переход от «феодалного» типа отношений к рыночному, безусловно, является шагом по преодолению неравенства. Создание профсоюза работников по производству данных теоретически может объединить всех людей, использующих цифровые сервисы. Но этим шагом не преодолевается конфликт между левым и правым теоретическими направлениями, как заявляют авторы книги (с. 28), а только переводится в новую сферу — собственности на цифровые данные. В целях последовательности авторам стоило бы упомянуть о возможности расширения самооцениваемого налога COST на данные, принадлежащие корпорациям. Познер и Вейл предлагают в главе 4 распространять COST на владение долями предприятия (с. 194), но не упоминают о данной возможности в главе 5. Однако если согласиться с применением COST при оценке стоимости данных, это не лишает корпорации возможностей манипуляции общественным мнением и мнением пользователей. Причём именно данные оказываются инструментом, позволяющим сохранять или увеличивать манипулятивный эффект. Частичное обобществление и введение налога COST повышает издержки манипуляции, но не предотвращает её возможность.

В целом все рассмотренные решения являются исторически уместными как для представителей неоллиберализма, так и для сторонников критической теории. Не имеет смысла обвинять авторов книги в том,

что их предложения не снимают окончательно теоретических противоречий между сторонами. Объектом критики в рамках данной рецензии является претензия авторов на подобные решения, а также отсутствие оснований считать их предложения успешным вариантом для обдумывания поставленной теоретической задачи.

Интерес против доминирования

В главах 1 и 2 книги содержатся ключевые для авторов предложения, которые затем используются как дополнительный инструмент поддержания рынка в других обсуждаемых кейсах. Глава 2 посвящена вопросам принятия политических и любых других коллективных решений. Точкой напряжения является обратная зависимость между равенством и эффективностью принятия решений (с. 86). Авторы следуют концепции репрезентативной демократии, сформулированной внутри либеральной традиции (с. 85–86). Для данной традиции компромисс между равенством и эффективностью заключается в том, чтобы все граждане страны на равных основаниях участвовали в выборе представителей органов власти, которые будут непосредственно осуществлять правление и принятие решений, небольшим количеством голосующих относительно всего населения. Задача исследователей, поддерживающих это направление, сводится к поиску средств, с помощью которых удастся обеспечить совпадение интересов правящих представителей и избирателей или повысить влияние избирателей на правителей, сделав этих последних подотчётными в своих действиях [Kitschelt 2000; Golden, Min 2013;].

Для либерализма публичное представительство имеет инструментальную ценность, заключающуюся в защите частной собственности и других индивидуальных свобод от внешних посягательств [Omori 2019], хотя для Э. Познера и Г. Вейла сфера публичной политики важна и как институт управления общественными благами — собственностью в коллективном владении (с. xv). И для авторов книги, и для либеральной традиции в целом политика и коллективное принятие решений являются лишь средством для обеспечения эффективности частного хозяйствования. В противоположность либерализму, для республиканского направления публичное участие — одновременно терминальная и инструментальная ценность [Pettit 1993]. Для республиканизма истинно человеческое состояние проявляется в возможности принимать самостоятельные решения и независимости от внешнего принуждения [Skinner 2002]. Доминирование же правителя или социальной группы, в том числе демократического большинства, которое может навязать свою волю меньшинству, — это угроза для свободного состояния [Omori 2019]. Экономическое хозяйствование оказывается одной из сфер принятия решений, причём вторичной по отношению к вопросам публичного взаимодействия между людьми [Арендт 2000].

Предложенный авторами новый способ выборов и принятия решений оказался контекстуально уместным с точки зрения обеих традиций, поскольку выбранный Познером и Вейлом объект критики является проблемным и для либерализма, и для республиканизма. Однако, как и в случае со спором между либерализмом и критической теорией, авторы находят решение с помощью понятий, существующих в либеральной традиции. Практические рекомендации, направленные против общего объекта критики, оказываются более эффективными, чем ныне действующее институциональное устройство, но не снимают теоретических противоречий между подходами, как о том заявляют авторы.

Познер и Вейл применяют экономическую теорию в области политического и характеризуют партийные системы как примеры олигополий и монополий. Избиратель вынужден голосовать за одного из наиболее популярных кандидатов, чтобы его голос не пропал зря (с. 93–95). А на референдумах и плебисцитах голосовать приходится соответственно за наиболее популярные решения, тем самым подчиняясь воле большинства. Такой порядок, с точки зрения авторов, препятствует эффективному принятию решений и реализации частных интересов, поскольку в этом случае сильно сокращена роль конкуренции между политическими партиями и кандидатами по отношению к свободным рынкам.

С позиции республиканизма поляризация мнений и подчинение воле большинства также является проблемой, но причина этого кроется не в низкой эффективности принятия решений, а в нарушении принципа свободы и равенства, неразрывно связанных с проявлением человека как личности.

Авторы книги расценивают решение, которое они предлагают, как распространение принципа утилитаризма на политику, согласно которому, человек должен «платить» или влиять на результат голосования в той степени, в которой для него желаемый результат является ценным (с. 98). Для этого в процесс принятия решений предлагается добавить дополнительное измерение — интерес или заинтересованность человека. Это измерение должно быть создано за счёт возможности сохранить свой голос для будущих голосований посредством выбора варианта «воздержался или безразлично». Неиспользованные голоса сохраняются и могут быть прибавлены к своему решению в любом другом голосовании. При этом в каждом новом голосовании человеку предоставляется один голос, который он может использовать сразу или сохранить на будущее (с. 105–110).

Авторы книги выводят формулу понижающего коэффициента, по которой должен высчитываться вес сохранённых голосов, используемых при будущих голосованиях. Такие голоса становятся «избирательными кредитами» (*voicing credits*), обратный перевод избирательных кредитов в полноценные голоса для выражения мнения вычисляется как квадратный корень из суммы «избирательных кредитов», которые человек хочет прибавить к своему голосу. Например, если человек четыре раза воздерживался от выбора, то при следующем голосовании его «кредиты» будут приравнены к двум голосам других избирателей. Если человек воздерживался от выбора 400 раз, то «кредиты» приравняются к 20 голосам других избирателей (с. 106). Для такого инструмента и название предлагается соответствующее: *quadratic voting* (QV), то есть «квадратичное голосование», что также является и обоснованием заглавия книги, в котором есть слово *radical*, а именно им обозначается символ квадратного корня (с. 106).

Формула коэффициента ценности избирательного кредита также выводится из представлений экономики о монополиях. Продвижение своего решения в голосовании определяется как форма монополизации «рынка принятия решений» (с. 103). Это значит, что своим решением голосующий создаёт «мёртвый груз», который на графиках определяется как потерянная обществом, покупателями и продавцом ценность из-за цены, назначенной продавцом-монополистом, поэтому Познер и Вейл предлагают монополисту в голосовании выплатить издержки «мёртвого груза» тем, чьё решение не было принято. Исходя из графика монопольного рынка, площадь «мёртвого груза» должна рассчитываться как площадь треугольника, обозначающего «мёртвый груз», которая в переносе на принятие коллективных решений должна вычисляться как квадратный корень из суммы «избирательных кредитов» (с. 104–105).

Авторы книги протестировали свой механизм принятия решений в специально созданном мобильном приложении. Их результаты показали, что пользователи остались в большей степени довольны результатами собственных выборов в приложении по сравнению с результатами голосования на реальных референдумах. При этом распределение решений при голосовании приблизилось к нормальному, в то время как отзывы на других сайтах и результаты голосований имеют W-образное распределение (с. 112–116), что, по мнению авторов, свидетельствует о большей эффективности их инструмента. Познер и Вейл предлагают использовать механику QV везде, где необходимо принимать коллективные решения: на референдумах и плебисцитах, на выборах всех уровней власти (с. 118–119); при голосовании в совете директоров корпораций, где «избирательными кредитами» будет служить количество акций у одного акционера (с. 194), а также на международной арене, где в качестве «избирательных кредитов» следует использовать сложный индекс, который может включать объём ВВП страны в целом и на душу населения, индекс развития человеческого капитала и любые параметры, которые страны-участницы согласятся принять (с. 264–270). В заключении авторы упомянули о возможности широкой

вариации «избирательных кредитов». Например, можно использовать в качестве кредитов количество денег, вложенных в финансирование общественного проекта, при принятии решений о его целях, границах и формах реализации (с. 263).

С республиканской точки зрения предложенная в главе 2 система повышает роль каждого отдельного участника обсуждений и его возможности влияния на исход процесса принятия решений. Это должно повысить интерес к общественным обсуждениям, усилить чувство личной ответственности, на что рассчитывают и сами авторы (с. 109–110). Применение принципа QV при голосовании акционеров приблизит владельцев акций к идеалу собственников — образу этакого западноевропейского буржуа XVIII века, который обладал реальной возможностью распоряжаться своими активами, по версии Хабермаса [Habermas 1991]. Это должно упростить формирование общего интереса в противовес торгу за частные выгоды. К тому же система накопления «избирательных кредитов» и вариация их форм могут способствовать переходу доминирования из приватной сферы в публичную дискуссию, сделав властное неравенство более открытым для критики.

В то же время система QV остаётся институтом доминирования, особенно при использовании в качестве «избирательных кредитов» денег или других форм капиталов. Видимый характер доминирования сохраняет потенциал принуждения одного человека воле другого. Изначально предложенная система накопления голосов также сохраняет компонент доминирования, поскольку вынуждает человека отказываться от участия в одних голосованиях ради накопления возможностей для продвижения желаемого результата в других. Выбор значимых и незначимых обсуждений для использования своих «избирательных кредитов» оказывается дополнительной областью манипуляций со стороны СМИ и корпораций, обладающих данными о предпочтениях и поведенческих особенностях человека. И хотя внутри республиканской традиции необходимость терпеть описывается как неизбежная составляющая публичных действий [Арендт 2000], вынужденное состояние пассивности, заложенное в институте QV, является проблемой теоретического характера, которая требует поиска дальнейших решений. Таким образом, несмотря на продуктивность предлагаемых авторами книги решений, они представляют собой лишь временные компромиссы, соответствующие различным теоретическим подходам, но не снимающие фундаментальных противоречий между ними.

Заключение

Рецензируемая книга — удачный пример поиска эмпирических компромиссов, которые соответствуют разным теоретическим подходам. Предложенные авторами институциональные изменения могут быть интересны и «правым», и «левым», а в вопросе политической свободы — либералам и республиканцам. В совокупности решения, представленные во всех главах, обещают увеличение средств, находящихся в совместном владении общества, увеличение возможностей влияния на принятие решений отдельным человеком и акционером, а также увеличение степени прозрачности властных отношений и доминирования. Самооцениваемый налог COST, описанный в главе 1, должен увеличить общественный доход и сделать реализацию хозяйственных проектов более доступной (с. 66–69). Квадратичное голосование QV из главы 2 должно формализовать властное доминирование и сделать процесс принятия решений более гибким (с. 85–96). Предложенная в главе 3 система VIP должна расширить рынок международной трудовой миграции и обеспечить выгоду всем стейкхолдерам (с. 142). Глава 4 содержит наиболее «традиционный» проект борьбы против монополий (с. 185–191), а глава 5 предполагает создание нового массового рынка труда, укрепление власти пользователей цифровыми сервисами, а также проблематизирует и освещает новые формы неравенства (с. 208–209).

Несмотря на привлекательность, предлагаемые решения не могут снять противоречий между теоретическими подходами, как на то надеются авторы рецензируемой книги (с. xvii). Для нелиберальной

теории предложенные решения должны создать ситуацию, наиболее близкую к идеальной, когда в ходе свободной конкуренции частные акторы будут стремиться к социально полезному неравенству в производстве лучших благ (с. 185–191). С точки зрения критической теории все предложенные меры не убирают оснований неравенства, а также возможностей для манипуляции общественным сознанием. В политической плоскости с позиции республиканизма нововведения также не уничтожают доминирования, лишь делают его более явным. При этом сохранится необходимость в подчинении чужой воле либо для накопления голосов, либо из-за отсутствия ресурсов, используемых в качестве «избирательных кредитов».

И хотя все предложения авторов требуют эмпирической валидации, книга продемонстрировала возможность поиска временных теоретических компромиссов. Э. Познеру и Г. Вейлу удалось найти и теоретически описать объекты критики, общие для нескольких широких теоретических направлений. Кратковременный компромисс позволил ослабить «общих врагов», имеющих многоликую интерпретацию, — монополии, господство, манипуляция. Возможно, на основе поиска общих объектов критики с помощью разных принципов постановки проблемы удастся неоднократно повторить успех авторов и найти множество других временных теоретических компромиссов для обогащения социальных теорий и выработки новых институциональных практик.

Литература

Арендт Х. 2000. *Vita Activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя.

Бентам И. 1998. *Введение в основания нравственности и законодательства*. М.: РОССПЭН.

Babie P. 2018. The Future of Private Property. *Sydney Law Review*. 40 (3): 433–444.

Basshuysen P. van. 2019. Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society. *Review of Political Economy*. 31 (1): 137–141. URL: <https://doi.org/10.1080/09538259.2019.1596564>

Dagan H. 2019. Why Markets? Welfare, Autonomy, and the Just Society. *Michigan Law Review*. 117 (6): 1289–1312.

Golden M., Min B. 2013. Distributive Politics Around the World. *Annual Review of Political Science*. 16 (1): 73–99. URL: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-052209-121553>

Habermas J. 1991. *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Kitschelt H. 2000. Linkages between Citizens and Politicians in Democratic Polities. *Comparative Political Studies*. 33 (6–7): 845–879. URL: <https://doi.org/10.1177/001041400003300607>

Omori H. 2019. Liberty and the Rule of Law in Two Strands of Republicanism. *Okayama Law Journal*. 68 (3–4): 21–68.

Pettit P. 1993. Liberalism and Republicanism. *Australian Journal of Political Science*. 28 (4): 162–189. URL: <https://doi.org/10.1080/00323269308402274>

Posner E. A., Weyl G. E. 2018. *Radical Markets Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.

Skinner Q. 2002. A Third Concept of Liberty. *London Review of Books*. 24 (7). URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v24/n07/quentin-skinner/a-third-concept-of-liberty>

Streeck W. 2014. How Will Capitalism End? *New Left Review*. 87: 35–64.

NEW BOOKS

Boris Belyavskiy

The Enemy of My Enemy or About the Uniting Potential of Market Radicalism

Book Review: Posner E. A., Weyl G. E. (2018) *Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society*, Princeton; Oxford: Princeton University Press. 337 p.

BELYAVSKIY, Boris —

Research intern, Laboratory for Studies in Economic sociology; Lecturer, Department of Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: bbelyavski@hse.ru

Abstract

This paper is a review of *Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society*, the book by Eric A. Posner and Glen E. Weyl and published in 2018. Prof. Posner works at the University of Chicago, where his scholarship is dedicated to international law, foreign relations law, contracts, and game theory and the law. Glen E. Weyl is a Prior Researcher at Microsoft Research New England who also teaches a course Designing the Digital Economy at Yale University. The book concentrates on solutions for the problems of inequality and stagnation. The authors claim that solutions need a combination of left and right theoretical

principles. Such a combination allows for institutional systems to approach market principles of freedom, competition, and openness. The market is considered the best tool for providing both equality and economic growth. Five relatively separate spheres are studied in the book, and the same monopolistic restrictions are highlighted. Each chapter presents a solution for one sphere that should enforce free competition and destroy a monopoly.

This review proposes an interpretation that the reasonings presented in the book do not create a compromise between left and right. The authors develop a right liberal tradition instead. All the propositions are based on the principles of utilitarianism, marginalist calculations, and neoclassical economics. Simultaneously, the presented solutions appear historically relevant for both approaches, while the solutions do not overcome the theoretical contradictions between neoliberalism and critical theory in the economy and between liberalism and republicanism in politics. The book's general ideas are discussed after the introduction. Next, specific cases are analyzed through comparison of the principles of liberalism, critical theory, and republicanism. A discussion about the efficiency of theoretical compromises concludes the paper.

Keywords: liberalism; critical theory; republicanism; market; inequality; economic growth.

Acknowledgments

The work is realized within the project of “Non-Economic Sources for the Dynamics in Russian Markets” organized by Laboratory for Studies in Economic Sociology and supported by the Center for Advanced Studies at HSE.

References

Arendt H. (2000) *Vita Activa, ili O Deyatelnoy zhizni* [The Human Condition], Saint-Petersburg: Aleteya (in Russian).

- Babie P. (2018) The Future of Private Property. *Sydney Law Review*, vol. 40 no 3, pp. 433–444.
- Basshuysen P. van (2019) Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society. *Review of Political Economy*, vol. 31, no 1, pp. 137–141. Available at: <https://doi.org/10.1080/09538259.2019.1596564> (accessed 4 March 2020).
- Bentham J. (1998) *Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatelstva* [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation], Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Dagan H. (2019) Why Markets? Welfare, Autonomy, and the Just Society. *Michigan Law Review*, vol. 117, no 6, pp. 1289–1312.
- Golden M., Min B. (2013) Distributive Politics around the World. *Annual Review of Political Science*, vol. 16, no 1, pp. 73–99. Available at: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-052209-121553> (accessed 4 March 2020).
- Habermas J. (1991) *The Structural Transformation of the Public Sphere*, Cambridge, MA: The MIT Press.
- Kitschelt H. (2000) Linkages between Citizens and Politicians in Democratic Polities. *Comparative Political Studies*, vol. 33, no 6–7, pp. 845–879. Available at: <https://doi.org/10.1177/001041400003300607> (accessed 4 March 2020).
- Omori H. (2019) Liberty and the Rule of Law in Two Strands of Republicanism. *Okayama Law Journal*, vol. 68, no 3–4, pp. 21–68.
- Pettit P. (1993). Liberalism and Republicanism. *Australian Journal of Political Science*, vol. 28, no 4, pp. 162–189. Available at: <https://doi.org/10.1080/00323269308402274> (accessed 4 Marh 2020).
- Posner E. A., Weyl G. E. (2018) *Radical Markets Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society*, Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Skinner Q. (2002) A Third Concept of Liberty. *London Review of Books*, vol. 24, no 7. Available at: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v24/n07/quentin-skinner/a-third-concept-of-liberty> (accessed 4 March 2020).
- Streeck W. (2014) How Will Capitalism End? *New Left Review*, no 87, pp. 35–64.

Received: February 21, 2020.

Citation: Belyavskiy B. (2020) «Vrag moego vraga», ili Ob obedinyayushchem potentsiale rynochnogo radikalizma [The Enemy of My Enemy or About the Uniting Potential of Market Radicalism]. Book review: Posner E. A., Weyl G. E. (2018) *Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society*, Princeton; Oxford: Princeton University Press. 337 p. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 2, pp. 76–90. doi: [10.17323/1726-3247-2020-2-76-90](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-2-76-90) (in Russian).

КОНФЕРЕНЦИИ

И. П. Рязанцев, В. Г. Писаревский

Философия раннего христианства и вызовы цифровизации

РЯЗАНЦЕВ Игорь Павлович — доктор экономических наук, профессор, директор Информационно-аналитического центра факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.
Адрес: Россия, 115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23Б.

Email: dekan-soc@mail.ru

Международная конференция «Философия раннего христианства в эпоху цифровизации» прошла 6–7 декабря 2019 г. в столице Тайваня — Тайбэе в католическом университете Фужэнь (Fu Jen) при участии социологов из Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

В настоящее время во всех развитых странах активно развивается процесс цифровизации. Безусловно, это нашло отражение в экономике. Сегодня даже традиционно «офлайновые» отрасли народного хозяйства всё больше используют технологии облачных вычислений, больших данных, Интернета вещей. В то же время цифровизацию нельзя сводить исключительно к развитию «цифровой экономики», поскольку она влияет на все значимые сферы жизни общества — социальную, политическую, культурную.

Ряд исследователей полагают, что цифровизация затрагивает не только социальную, но и личностную сферу индивида и влияет на изменение потребностей, где базовым становится информационный обмен¹.

В связи с этим необходимо отметить и риски цифровизации: технологические (искусственный интеллект может выйти из-под контроля людей); экономические (риск сокращения рабочих мест из-за автоматизации и замещения искусственным интеллектом ряда профессий, с одной стороны; риск нехватки квалифицированных кадров, которые необходимы для развития цифровой экономики, с другой); общественно-политические (одним из основных является риск эскалации кибервойн между странами); наконец, морально-нравственные риски, представляющие собой «расчеловечивание сознания».

Выступавшие на конференции представители как европейских, так и азиатских университетов предприняли попытку осмысления тенденций развития социального процесса цифровизации с позиций раннехристианских мыслителей.

Конференция показала необходимость изучения социального процесса цифровизации в рамках междисциплинарного подхода на международном уровне.

¹ См. результаты проведенного компанией Dentsu Aegis Network глобального исследования: Digital Society Index 2019; URL: https://www.dentsuaegisnetwork.com/reports/dsi_2019

ПИСАРЕВСКИЙ**Василий****Геннадьевич** —

кандидат

социологических

наук, старший

научный сотрудник

Информационно-

аналитического центра

факультета социальных

наук Православного

Свято-Тихоновского

гуманитарного

университета.

Адрес: Россия,

115184, г. Москва,

ул. Новокузнецкая,

д. 23Б.

Email: wausily@yandex.ru

Ключевые слова: цифровизация; цифровая трансформация; цифровая социология; большие данные; искусственный интеллект; духовно-нравственные ценности.

Международная конференция «Философия раннего христианства в эпоху цифровизации» прошла 6–7 декабря 2019 г. в Тайбэе (Тайвань) в католическом университете Фужэнь (Fu Jen). Она собрала специалистов из 10 стран Европы, США, Азии. Актуализацию проблем философии раннего христианства в современном мире обсуждали богословы, философы, социологи, филологи. За два дня работы конференции было представлено 18 докладов.

С докладом «Христианское искусство чтения до и после цифровизации» выступил профессор Марк Эдвардс (Оксфордский университет, Великобритания). Он обозначил три эпохи христианской письменности. Первый этап — эпоха манускриптов (I–XVI века); второй — эпоха книгопечатания (середина XVI века — настоящее время), а третий — цифровая эпоха (XXI век).

Докладчик выделил ряд тенденций, которые развиваются на протяжении обозначенных эпох: упрощение социальных коммуникаций, повышение доступности текстов книг, вплоть до размещения их в онлайн-формате, и, как следствие, рост уровня образованности населения, что также связано с расширением производства текстов от эпохи к эпохе — скрипторий, типография, Интернет. Доступность текстов привела к развитию международных обменов и ускорению процессов глобализации.

Ещё одна тенденция состоит в смене приоритетных коммуникационных форматов. В эпоху раннего христианства наиболее значимым был аудиальный формат, поскольку манускрипты читались вслух. Далее, в эпоху книгопечатания, на первый план вышел текстовый формат. С появлением радио и телевидения, как отмечает известный исследователь медиасферы Маршалл Маклюэн, произошло возрождение аудиального коммуникационного формата [Маклюэн 2007]. Цифровая революция способствовала новому открытию текстового формата — найти информацию в Интернете сегодня проще и быстрее, чем в любом другом источнике.

Книгопечатание и — в большей степени — цифровая революция затронули и изменение личностных качеств человека: произошла трансформация от запоминания больших объёмов информации в эпоху манускриптов к фрагментарному восприятию текстов в современную эпоху.

Как отметил профессор Н. Е. Тет-Лим (Городской исследовательский центр, Малайзия), процессы цифровизации, во-первых, оказывают существенное влияние на ускорение и повышение качества исследовательских процедур в гуманитарных науках, во-вторых, ведут к расширению областей пограничных и междисциплинарных исследований. Автор доклада подчеркнул, что цифровая революция сделала актуальной проблему соотношения исследователя и такого явления, как искусственный интеллект.

Профессор Алекс Хон Хо Ип (Китайский университет Гонконга, КНР) представил результаты социологического исследования, целью которого было определить, насколько на наше понимание Библии влияют социальные медиа. Автором доклада были обозначены тенденции, оказывающие воздействие на восприятие библейских текстов. Во-первых, люди проводят в социальных сетях больше времени, что расширяет количество пользователей, увидевших то или иное сообщение, то есть охват аудитории расширяется. Во-вторых, благодаря технологии больших данных наши предпочтения в использовании социальных медиа не только анализируются и интерпретируются, но и дают новую информацию о нас.

Данные позволяют манипулировать мнением пользователей социальных сетей. Основной вывод исследования заключается в обосновании зависимости восприятия Библии от сформированных на основе полученных ранее данных социальными сетями суждений пользователей.

Профессор Патрик Гнанапрагасам (Университет Мадраса, Индия) в своём выступлении сделал акцент на Интернете как коммуникационной среде распространения христианства в Азии. Согласно международному исследованию агентства We are Social, в странах Юго-Восточной Азии один из наиболее высоких показателей проникновения Интернета среди других азиатских регионов — 63%².

При этом, в отличие от стран Европы и Северной Америки, где далеко не все пользователи Интернета активно обращаются к социальным сетям, на Тайване эти показатели практически идентичны (коэффициент проникновения социальных сетей составляет 61%), что говорит о значимости социальных медиа в жизни населения данного региона³. В то же время на фоне большого разнообразия религиозных течений возникают различные социально-политические вызовы. В качестве одного из вариантов стабилизации политического процесса рассматривается организация межрелигиозного диалога по актуальным социальным вопросам в виртуальном пространстве.

Профессор Кристофер Хорн (Университет Бонна, Германия) в рамках дискуссии о проблемах цифровизации, связанной с формально-логическим восприятием мира, его стандартизацией, поднял вопрос о чувственном восприятии у древнегреческого философа Плотина. Прежде всего, по мнению автора, Плотин отстаивает идею о том, что чувственное восприятие не является неким пассивным процессом; напротив, это серьёзная работа, в которую вовлечена душа. В то же время чувственное восприятие, согласно Плотину, не определяется исключительно внутренними душевными процессами, поскольку своё влияние на него оказывает и существующая социальная реальность.

Профессор Игорь Рязанцев (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия) остановился на ряде вопросов, связанных с тенденциями развития социального процесса цифровизации. Цифровой реальности, ставшей нашей повседневностью и изменившей наш уклад жизни в целом, около 30 лет, что в сравнении с другими историческими формами социальной жизни совсем немного, но с точки зрения имеющихся последствий она довольно ощутима.

Как отметил докладчик, уже сегодня можно говорить о возникновении нового класса — субъекта власти. Он состоит как минимум из четырёх элементов: (1) научно-техническая элита; (2) IT-бизнес; (3) IT-менеджмент; (4) обслуживающий персонал IT-сферы (низовой массовый элемент).

Автор остановился на особенностях формирования этого класса, отметив, что данный процесс изначально складывался как множество социальных практик, причём не отдельных акторов, а множественных, групповых, сетевых субъектов.

² См. подробнее: <https://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-accelerates>

³ См. подробнее: <https://datareportal.com/reports/digital-2019-taiwan>

При этом по скорости охвата и распространения процесс был необычайно быстрым. Докладчик выделил основные механизмы формирования IT-класса: специфические бизнес-стратегии; цифровизация в сфере государственной власти и управления, в сфере корпоративного управления и другие.

В докладе подчёркивалось, что цифровизация с точки зрения собственного развития нуждается в определённых условиях. В связи с чем встаёт вопрос о современности как об особых геополитических и мировоззренческих ориентирах. Эти ориентиры отражены в двух основных подходах к проблемам модернизации, сложившихся в современной социологии. Одна точка зрения принадлежит израильскому социологу Шмуэлю Эйзенштадту и представлена его теорией «множественных модернити» [Eisenstadt 2007]. Другая — его оппонентам Фолькеру Шмидту и Томасу Швинну, последователям глобализационно-модернизационного направления [Schmidt 2010; Швинн 2018].

Эти два подхода позволили смоделировать два соответствующих сценария процессов цифровизации. Первый из них ориентирован на понимание будущего как «цветущей сложности глобального мира», второй определяется как идеальная модель стандартизации.

В случае реализации первого сценария, скорее всего, экуменизм станет основным путём развития религиозного пространства. При реализации второго сценария будущее религии становится менее прогнозируемым, но, скорее всего, этот путь приведёт к ещё большей религиозной дифференциации. Сама же цифровизация будет принимать черты культурного своеобразия в разных странах.

Профессор Ло Юэ-Мэй (Христианский университет Чжунъюань, Тайвань) представила доклад «Теория чисел Платона». Автор усматривает в числе не просто формальный результат арифметического счёта, а вполне упорядоченное множество, ту или иную структуру. По мысли автора доклада, Платон отличает математику как философскую систему от математики простых людей. Влияние древнегреческого философа на математическое знание состоит в том, что числа, по его мнению, составляют мир абстракций, и это может быть понято только умозрением, а не чувственным восприятием.

Так, для Платона математическое знание — это знание чистых форм, таких как форма круга или квадрата, которые могут быть поняты нами через умозрение. В этом смысле, как подчеркнул докладчик, формы отдельных вещей в мире феноменов — это копии математических форм. Таким образом, формы чисел промежуточны между формами явлений и собственно формами.

Определяя математику, Платон отличает её от искусств, которые соотносят человеческий разум либо с верой либо с вещами, появившимися естественно или искусственно. К первым можно отнести искусство кулинарии или косметологии, а к последним — искусственный интеллект и цифровую реальность. Для Платона существуют два вида теории; один относится непосредственно к практической жизни, другой — к созерцанию как высшей форме познания через диалектику. Можно утверждать, что диалектика исходит из чувственного мира — мира математики, а мир математики есть среда диалектики.

Профессор Эндрю Ван Хунг (Христианский университет Чжунъюань, Тайвань) в своём докладе рассмотрел интернет-зависимости в свете этики Августина. В эпоху цифровизации киберпсихологи выделяют пять основных типов виртуальной зависимости: киберсексуальная; от киберотношений; сетевые компульсии; информационная перегрузка; компьютерная. Самой распространённой из них является киберсексуальная зависимость. Психологическая модель зависимости согласуется с августиновской схемой «похоть — привычка — аддиктивная необходимость». Для Августина похоть происходит от греха прародителей, который повредил нашу природу.

Автор доклада задаётся вопросом: почему рост показателя проникновения Интернета приводит к киберзависимости? Ссылаясь на судебного киберпсихолога Мери Айкен, он подчёркивает, что Интернет — это не нейтральный инструмент [Айкен 2020]; он оказывает на нас особое воздействие, которое заключается в увеличении различных видов желаний. Докладчик отмечает, что люди, подвергшиеся экстремальному контенту, легко становятся зависимыми от социальных сетей, онлайн-игр, киберсекса и в итоге могут склониться к девиантному поведению.

Этика Августина — это этика добродетели как высшего блага. Счастье, по его мнению, может быть достигнуто в загробной жизни, и он критикует древних философов за идею достижения счастья философскими усилиями в этой жизни. Однако те, кто возлагает надежды на загробную жизнь, могут быть счастливы и в настоящей жизни, но не благодаря существующей социальной реальности, а из-за надежды на будущее.

Подводя итоги, автор полагает, что в свете распространения киберсексуальной зависимости предостережения Августина относительно похоти и потакания сексуальным желаниям должны быть соответствующим образом оценены. Мы находимся в состоянии слабой воли, а значит, уязвимы перед лицом интернет-зависимости, но это лишь ещё раз напоминает нам о нашей ограниченности и необходимости искать Божией благодати.

Тан Чжуан, профессор Христианского университета Чжунъюань (Тайвань), в докладе «Контекстуальная теология Тайваня в эпоху цифровизации: цифровое повествование как способ сделать историю теологией» отметил бурное распространение Интернета на Тайване, опираясь на два основных показателя — коэффициент проникновения Интернета и степень использования смартфона.

По данным исследования 2018 г., уровень доступа в Интернет для лиц старше 12 лет составил 86,5%; из них 98,2% выходят в Сеть с помощью смартфона. Далее, вслед за Марком Пренски докладчик для исследования социального процесса цифровизации использует понятия «цифровые аборигены» и «цифровые иммигранты» [Prensky 2001]. Первое из них относится к людям, родившимся после 1980 г., которые легко осваивают современные технологии и внедряют их в процесс социальной коммуникации. Вторые представляют собой индивидов, которые не адаптированы к новым технологиям в условиях существующей социальной реальности.

Большая часть населения Тайваня относится к первой группе, что, по мнению докладчика, означает необходимость использования цифровой среды для христианской миссии. Предлагаемый инструмент для решения этой задачи — размещение в социальных сетях историй «обращения» жителей Тайваня.

Автор доклада полагает, что метафоры и символы цифровых историй должны приобрести теологическое измерение. Таким образом, истории заставляют заглянуть в себя, в человеческую природу, исследовать отношения между человеком и другими людьми, а также между людьми и Богом. Каждая история — это то, что связывает смысл существования с Источником существования. Отношения между Богом и человеком — основной теологический вопрос, осознание которого приведёт к пониманию цифровых историй верующих, которыми они готовы поделиться.

Подводя итоги прошедшей конференции, можно отметить следующее:

- социальный феномен цифровизации исследуется и активно обсуждается международным научным сообществом; прежде всего в рамках междисциплинарного подхода;

- на конференции была предпринята попытка найти объяснение истоков этого процесса в основополагающих трудах таких философов, как Платон и Аристотель, а также в работах раннехристианских мыслителей (Августин);
- докладчики задали антропологическое измерение исследований цифровизации, анализируя вызовы, которые этот процесс бросает современному человеку и человечеству.

Участники конференции согласились с необходимостью продолжать активное обсуждение проблем цифровизации современного общества с различных точек зрения.

Литература

- Айкен М. 2020. *Дядя из Интернета любит меня больше, чем ты. Как защитить ребёнка от опасностей Интернета*. М.: ЭКСМО.
- Маклюен М. 2007. *Понимание Медиа: внешние расширения человека*. М.: Гиперборея; Кучково поле.
- Швинн Т. 2018. От сравнительной социологии религии к сравнительной политической социологии. Макс Вебер и множественность модернов. *Социологические исследования*. 1: 121–131.
- Eisenstadt Sh. N. 2007. *Multiple Modernities: der Streit um die Gegenwart*. Berlin: Kulturverl. Kadmos.
- Prensky M. 2001. *Digital Natives, Digital Immigrants*. URL: <http://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>
- Schmidt V. H. 2010. Die ostasiatische Moderne — eine Moderne, eigener Art? *Berliner Journal für Soziologie*. 20 (2):123–152.

CONFERENCES

Igor Ryazantcev, Vasiliy Pisarevskiy

The Philosophy of Early Christianity and the Challenges of Digitalization

RYAZANTCEV, Igor P. — Doctor of economics, Professor, Dean, Director of Information and analytical center at Faculty of social sciences of St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University. Address: 23 B, Novokuznetskaya str., Moscow, 115184, Russian Federation.

Email: dekan-soc@mail.ru

PISAREVSKIY, Vasiliy G. — Candidate of sociology, Senior researcher of Information and analytical center at Faculty of social sciences of St. Tikhon Orthodox Humanitarian University. Address: 23 B, Novokuznetskaya str., Moscow, 115184, Russian Federation.

Email: wausily@yandex.ru

Abstract

From December 6 to 7, 2019, the international conference, “Philosophy of Early Christianity in the Era of Digitalization,” was held at Fu Jen Catholic University in the capital of Taiwan, Taipei, with the participation of sociologists from the Saint Tikhon Orthodox Humanitarian University.

Currently, all developed countries are evolving the digitalization process. It goes without saying that this is reflected in the economy. Today, even traditionally offline sectors of the national economy are increasingly using cloud computing, big data, and the Internet of things. At the same time, the process of digitalization cannot be reduced solely to the development of the digital economy, since it affects all significant areas of society's life—social, political, and cultural.

Some researchers believe that the digitalization process affects not only the social but also the personal sphere of the individual and brings about a change in needs, whereby the need for information exchange becomes basic.

In this regard, the risks of the digitalization process should be noted: technological (artificial intelligence can get out of control); economic (the risk of unemployment due to automation and the substitution of artificial intelligence for a number of professions, on the one hand, and the risk of a shortage of qualified personnel necessary for the development of the digital economy on the other); socio-political (including the risk of escalation of cyber wars between countries); and finally the moral risk, which is the dehumanization of consciousness.

The speakers at the conference, representatives of both European and Asian universities, endeavored to understand the trends in the development of the social process of digitalization from the positions of early Christian thinkers.

The conference showed the need to study the social process of digitalization in the framework of an interdisciplinary approach at the international level.

Keywords: digitalization; digital transformation; digital sociology; big data; artificial intelligence; spiritual and moral values.

References

- Aiken M. (2020) *Dyadya iz interneta lyubit menya bolshe chem ty. Kak zashchitit rebenka ot opasnostey interneta* [The Cyber Effect: A Pioneering Cyberpsychologist Explains How Human Behavior Changes Online], Moscow: EXMO (in Russian).
- Eisenstadt Sh. N. (2007) *Multiple Modernities: der Streit um die Gegenwart*, Berlin: Kulturverl. Kadmos (in German).
- McLuhan M. (2007) *Ponimanie media vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man], Moscow: Giperboreya; Kuchkovo pole (in Russian).
- Prensky M. (2001) Digital Natives, Digital Immigrants. Available at: <http://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (accessed 28 February 2020).
- Schmidt V. H. (2010) Die ostasiatische Moderne — eine Moderne, eigener Art? *Berliner Journal für Soziologie*, vol. 20, iss. 2, pp. 123–152 (in German).
- Schwinn T. (2018) *Otsravnitel'noy sotsiologii religii ksravnitel'noy politicheskoy sotsiologii maks veber i mnozhestvennost modernov* [From the Comparative Sociology of Religion to the Comparative Political Sociology. Max Weber and Multiple Modernity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, no 1, pp. 121–131 (in Russian).

Received: February 16, 2020

Citation: Ryazantsev I., Pisarevskiy V. (2020) Philosophya rannego khristianstva i vyzovy tsifrovizatsii [The Philosophy of Early Christianity and the Challenges of Digitalization. International Conference “Philosophy of Early Christianity in the Era of Digitalization”, December 6–7, 2019, Fu Jen Catholic University, Taiwan]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 2, pp. 91–98. doi: [10.17323/1726-3247-2020-2-91-98](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-2-91-98) (in Russian).

BEYOND BORDERS

E. Muleev

Why do Marshrutkas Exist in One City and Not in Others?

Toward a Political Economy of Routes in Russian Urban Public Transportation

MULEEV, Egor —
Research Fellow,
Institute for Transport
Economics and Transport
Policy Studies, National
Research University
Higher School of
Economics. Address:
20 Myasnitskaya str.,
Moscow, 101000,
Russian Federation

Email: emuleev@hse.ru

Abstract

Urban public transportation in Russia has changed significantly since the fall of the USSR. In many cities, marshrutkas have completely replaced the classical public modes of transportation. Other cities have, however, tried to balance the electric transport system with marshrutkas. Some cities also have trams and articulated buses on their streets, with minibuses completely absent. The reasons for such huge differences are not obvious. Various approaches have failed to explain why marshrutkas are present on the streets in one city but absent in others. The hypothesis here is that the routes were privatized by marshrutka-operating companies. The conceptual framework is based on the works of Karl Polanyi, Vadim Volkov, and Michael Burawoy. Nineteen in-depth interviews were conducted in the autumn of 2016: eight in Moscow, one in St. Petersburg, and ten in provincial cities, such as Nizhny Novgorod, Kazan, Ulyanovsk, Dimitrovgrad, and Cherepovetz. Research has shown that the fundamental problem for marshrutka operators is the danger of the reconsideration of route owners' property rights. The difference between cities with and cities without marshrutkas is described not only in terms of a continuance of property rights but also through spatial characteristics of the industrial backgrounds. This view on urban public transport calls for a fresh discussion on regulation issues in transportation studies, the commodification of mobility, and the political economy of transport.

Keywords: public transport; Russian cities; route network; marshrutka; privatization; property rights; system of plan.

Introduction

A relatively new form of urban public transport called “marshrutka”¹ emerged at the beginning of the 1990s in almost every city in Russia. Unfortunately, statistics on ridership is unavailable. A 2014 travel behavior survey showed that 21% of all public transport trips were made by marshrutka [Muleev, Blinkin 2016]. Furthermore, an average tram ridership per one kilometer of tramways fell rapidly from 1,8879 thousand passengers in 1990 to 633,300 thousand in 2014 [Ry-

¹ A historically appropriate “route taxi” (*marshrutnoe taksi*) term is not relevant to the described phenomenon. Since the early 80s, “route taxi” suggests an ordinary five-seat car that carry a maximum of four passengers via an established route. In that way, a 13-seat Russian GAZ-322132 or 20-seat minibus of foreign producers is not a “taxi.” Hence, the term “marshrutka” perfectly fits the purpose of this research.

zhkov, Zyuzin 2016]. In other words, urban public transportation in Russia has changed significantly since the USSR broke down.

The public transport service has changed and is currently different in Russian cities. In most cases, marshrutkas have replaced classical public modes of transportation completely in cities such as Voronezh, Astrakhan, and Tver. Other cities have tried to balance electrical transport with marshrutkas (e. g., Ulyanovsk, Samara, and Barnaul). Nizhniy Novgorod, Dimitrovgrad, and Novokuznetsk are full of 23-seatbuses called PAZ-3205 that originated from the USSR. Perm and Cherepovetz have trams and articulated buses on their streets with a complete absence of minibuses. The reasons for such huge differences are not obvious.

This study's research question is as follows: "Why do marshrutkas exist in one city but do not exist in others?" Several works of literature have provided details on several features of marshrutkas but have failed to explain the differences between the Russian cities. The goal of this research is to describe the conditions that constitute the existence of the marshrutka service. The hypothesis here is that the routes were privatized by marshrutka-operating companies. The conceptual framework is based on the works of Karl Polanyi, Vadim Volkov, and Michael Burawoy. Route as a means of production is at the center of the analysis. Empirical data were gathered through in-depth interviews.

Literature Review

Transportation systems of the "Global South" attracted a lot of attention in the 1980s [Runnacles 1976; Silcock 1981; Rimmer 1982]. The International Conference Series on Competition and Ownership in Land Passenger Transport (Thredbo conference, 1989) established a particular concept for the analysis of urban public transport. Since then, the conference followers primarily focus on bureaucratic control of contracting procedures such as market arbitration, the procurement mechanism, asset ownership, contract design, risk allocation, and contract management [Wong, Hensher 2018].

This framework of Thredbo followers suggests marshrutka is part of an informal sector of the economy [Gwilliam 2001; Cervero, Golub 2007]. Observations from Thailand, the Philippines, Indonesia, Jamaica, Brazil, Malaysia, and Africa reveal that the so-called informal operators are politically weak due to poor representation in official entities. The traditional management system has been highlighted in comparison to the contemporary "modern" society, with formal conditions for urban transport services and the rational management of "formal operators." Furthermore, authors have highlighted the pros and the cons of "informal transportation" in a city [Cervero 2000]. In the framework, Russian conditions are described as "fast and frequent, but chaotic and unsafe services" [Ryzhkov 2018: 2]. However, there was a shift from a deregulated regime at the beginning of the 1990s to contracting procedures in the 2000s [Ryzhkov 2018].

In the same manner, marshrutkas have been studied using the transportation system in Tashkent, Uzbekistan, as a case study [Akimov, Banister 2011]. Tashkent, Uzbekistan, experienced a shift from a "shadow" economy to "normal" working conditions a decade ago. Tashkent's minibus services are organized by legal entities with no fleet ownership, and the drivers have to maintain and fuel the minibuses themselves. In addition, the drivers pay "a set, but modest cash revenue to the company, on a daily basis" [Akimov, Banister 2011: 743] for the opportunity to work in such conditions. The same condition is obtainable in Bangkok, where the functioning of the "informal transport" is dependent on regular payments to officials and police officers [Cervero, Golub 2007]. In South Africa, criminals organize urban public transport services in the same "informal" manner [Cervero, Golub 2007]. South America also has the same conditions for minibus services [Paget-Seekins, Dewey, Munoz 2015].

These features have been studied in different parts of the world using the same conceptual apparatus. Marshrutkas have also become a research problem in other disciplines. For example, Russian scholars from Volgograd carried out a research project on marshrutkas. Papers on justice [Karchagin 2014], embodied practices [Sivkov 2014], and social history [Shajtanova, Kuznecov 2014] were published with a specific focus on marshrutka mobility, while A. Sanina [2011] studied social interactions between passengers of marshrutkas in St. Petersburg. Through “fluidity” and “assemblage” concepts, marshrutkas in Tajikistan were studied as part of initiatives transforming post-Soviet everyday life [Sgibnev, Vozyanov 2016]. Caroline Humphrey [2010] tried to challenge Agamben’s theory of sovereignty by using empirical arguments from her research in the Russian city of Ulan-Ude. The central argument was that criminal groups organized marshrutka-based transport services and local officials tried to challenge the situation but failed; hence, they finally decided to join the system.

In other words, many different approaches have failed to explain why marshrutkas exist on streets in one city but are absent in others. Furthermore, it is unclear why different countries all around the world face similar conditions in the “informal transport” sector. It seems it might be fruitful to turn toward the so-called critical transport studies for answers [Kebrowski, Bassens, Criekingen 2016]. In short, this perspective focuses on issues related to the production of mobility rather than its consumption. Some studies in this field have studied the discussion of political groups on the possible ways to further development regarding urban transport infrastructure [Henderson 2009; Kebrowski, Bassens 2017; Kebrowski et al. 2019]. Others have concentrated on the historical perspective for the distribution of power on a national level [MacKinnon, Shaw 2010]. Relevant examples here are studies on bus rapid transit systems in South America [Paget-Seekins 2015] and South Africa [Wood 2015].

Participants of a three-year-long research project “Marshrutka” used the Polanyian perspective to critique “informal transport” and a “formalist” concept of Thredbo followers [Rekhviashvili, Sgibnev 2019]. Authors have also shown how the transport service is “embedded” in social and cultural norms, as well as in some particular institutions. Results of the fieldwork in Bishkek, Kyrgyzstan, and Tbilisi, Georgia, highlighted an argument that contracting obscures informal relationships between drivers, operators, officials, and the police. Research has shown that operator companies and the so-called route owners are the same entity. A notion of the privatization of routes emerged here; however, the idea was not elaborated.

Privatization here should be studied differently in comparison with the deregulation perspective of Thredbo followers such as Gwilliam [2008]. In the same way, studies on the economic consequences of transport development suggest the need for another conceptual framework [Flyvbjerg, Mette, Buhl 2005; Shoup 2011; Ingvardson, Nielsen 2017]. In addition, a transport-oriented political economy perspective is considered a problem within the decision-making process [Klopp 2011; Minn 2013] rather than how mobility is actually produced.

Furthermore, an important point in the Russian history of the marshrutka service is the liberal reforms that took place in Russia from the beginning of the 1990s. Studies in the field of restoration of capitalism were focused on the activities of big companies [Black, Kraakman, Tarassova 2000; Dzarasov 2014; Matveev 2019], while the local scale was underestimated. Anthropological attention to the postsocialist transformation and a concept of “involution” written by Michael Burawoy [1999] provides a relevant adaptation of the Polanyian approach to Russian conditions. In addition, research on the violent entrepreneurship phenomenon by Vadim Volkov [2002] gave a valuable illustration of how power relations intertwined in economic exchange.

Data and Methods

The fieldwork was based on in-depth interviews and the interview guide has four chapters:

- The history of local transportation (the starting point for private operator companies, agenda, changes, first legislation, negotiations, etc.);
- The influence of private companies (first entrepreneurs, fleet, cost structure, route network, connections with the local and federal government, competition, lobbying efforts, etc.);
- Issue of regulation and activities of legal bodies (first regulation procedures, reasons for it, origins of agenda, the role of passengers, contribution to the process, electric public transport, etc.);
- Transportation studies and rationality (decision-making process, research, methods, etc.).

Nineteen interviews were conducted in the autumn of 2016. Seven experts, seven employees of the operator companies and five officials took part in the survey (see Supplement). Professional contacts, as well as official requests, were used to increase the cooperation of the informants. The longest interview took 3 hours and 13 minutes, while the shortest took 43 minutes. The interviews were conducted in work-rooms, meeting rooms, parks, cafes, trams, and also on the street.

Eight interviews were conducted in Moscow, one in St. Petersburg, and ten in provincial cities such as Nizhny Novgorod, Kazan, Ulyanovsk, Dimitrovgrad, and Cherepovetz. The comparison of cities with marshrutkas and cities without this type of public transportation was a crucial condition for the research. Marshrutkas were present in Moscow, St. Petersburg, Nizhny Novgorod, and Ulyanovsk. Kazan and Cherepovetz had no minibuses, while Dimitrovgrad was serviced by the 25-seat bus PAZ-3205.

This research has investigational features and lost some important aspects such as legislative background or interviews with passengers and drivers. Perhaps an accurate case study will enrich the approach. Nonetheless, this research project should be judged as an analysis of transportation policy from an unconventional perspective.

Research Findings

Privatization of Routes

A route is a technical mediation of a vehicle through stops, streets, intervals, and specific regular ridership between remote districts of a city. A necessity for movement provokes a fluctuation of ridership, regarding its direction and volumes. Also, a route is a source of income, as people transported through a particular route pay for the service. A rapid extension of the route network at the beginning of the 1990s can be seen as a way of searching for extra profits. This notion included a single condition of developing a route network. Here, we also noticed a parallel situation to the worldwide development of tram services at the beginning of the 20th century.

There were a number of approaches for such “control of city territory by route expansion” (“*marshrutnoe osvoenie territorii*”). First, operator companies simply doubled existing routes of the municipal operators.

Where did these doubling routes come from? Private operator companies started operation on existing routes because municipal operators lacked vehicles. (Expert, Moscow)

In 1994–1995 [*sic*], we had to carry people, no matter what type of bus we used. (Private operator, Cherepovetz)

There was a lack of buses. That's why private companies got routes with ease. The crucial thing here is that nobody controlled the situation. The situation was quite the opposite—officials stated that increasing the number of buses was the goal. (Municipal Operator, Ulyanovsk)

Second, the doubling of routes was made with slight changes: “For example, we have a route number 30 nowadays. This route has a long history. A private company established route number 44. This route was quite the same but 100 meters longer (Municipal Operator, Ulyanovsk).”

Third, private operators tried to “control” city territory by route expansion in outlying districts: “From the very beginning, we focused on route expansion for districts with weak or nonexistent transport services (Private operator, Cherepovetz).”

In most cases, municipal routes had stable and regular ridership. New routes suggested commercial risks for their development. In light of this, a “rolling out” (“nakatka”) of new routes became a crucial initiative.

We established all our routes by ourselves. Some of them were approved by the local administration. Two routes didn't get any further. (Private operator, Cherepovetz)

To roll out a route, you should operate two months with losses. People should get to know somehow that you have such a route. They should know how it works, how this route connects streets. People should believe that your bus will arrive at the bus stop tomorrow. (Municipal Operator, Dimitrovgrad)

A lot of routes we tried to roll out, but they didn't survive. (Municipal Operator, Dimitrovgrad)

I faced a lot of examples when operator companies made a lot of effort to open a new route. However, they gave them up quickly. You can actually see a unique connection between point A and point B on a map, but the route doesn't take off. I see it as a problem of weak calculations at the preparation stage. In many cases, people just painted a line on a map. Someone tried to elaborate on this issue a bit deeper but it was not enough to establish a good route. (Expert, Moscow)

Ridership is described in terms of a natural and renewable source. It can “rise” and “fall.” Ridership can be “spread out” between vehicles on a single route or by different operator companies. As mentioned above, a route may “survive” or become unnecessary. Regardless, the goal of a private operator is to “control” the paid ridership. The only limitation for success is the volume of the ridership that is “spread out” between operator companies who are doubling the routes of each other.

A dolled-up girl came one day (to the transport committee of the city town hall). I asked, ‘What do you want?’ She said, ‘I want to open a new route’. ‘Alright’, I answered. ‘Let's see what you've got’. She opened a scheme and {made arms circle on the table} showed an enormous doubling of existing routes in the city center and near the Sviyaga river. ‘I think you should forecast a ridership here’, I answered. ‘Well, Vadik and I decided this’. (Official, Ulyanovsk)

In almost all cases, local officials welcomed private initiatives on urban public transport:

Private operators should come (to the transport committee of the city town hall) and get the passport of a route and a timetable. That's all. (Official, Ulyanovsk)

We didn't have a legal mechanism for the distribution of routes. We came to a conference room on the eleventh floor. Roughly speaking, the route was awarded to the loudest operator. (Private operator, Moscow)

Each route in Moscow has its price: "Basically, the urban route cost one million rubles before 2008. Suburban route or interurban route cost three million rubles." (Expert, Moscow)

Officials sold the opportunity to "control" a paid ridership without any requirements. Payments were flat and did not show a dependence on supply and demand. Moreover, sometimes, official bodies welcomed the variety of transport on a route.

One day a director of the anti-monopoly committee said that '14' route should have an ordinary bus, express bus and 't'—taxi (marshrutka). Actually, he gave a permit for marshrutkas to operate on the route. He said that increased competition in the route is better for him. That is the language of such officials. That is kind of a rule for them. (Private operator, Ulyanovsk)

The requirement to "enter the market" means a purchase of the opportunity to establish a route. However, there were no legal procedures for such transactions. "Market" here means existing but unknown volumes of regular ridership. Paid ridership had to be "controlled" in competition with other operators in order to make a profit. A quasi-legal right for commercial activity was bought from officials. Routes became a single means of production, which in some cases had to be produced.

Therefore, the process of route privatization emerged. First, private operators buy an opportunity for commercial activity in the field where only the municipal operator worked previously. Second, the outcome of such transactions suggests a risk of "rolling out" a route, then subcontracting the workforce to "control" the ridership. If the route successfully generates profits, the operator then "owns" the route.

Property Rights Support

As mentioned above, a legal framework for the privatization of a route was nonexistent. Therefore, the issue of support for property rights becomes questionable. According to the "violent entrepreneurship" definition, such criminal support emerged in the so-called business-to-business sector between equal "businessmen" [Volkov 2002]. The state failed to provide police, courts, and other entities to support property rights, so this need was filled by criminals. However, the privatization of routes suggests the emergence of business-to-government relationships. We, therefore, need to elaborate on this subject of violence within property rights.

In many cases, heads of private operator companies or "route owners" are law enforcement officials:

I see a lot of people with epaulets... I do not mean police only, but also representatives of the secret service, military, military prosecution. (Expert, Moscow)

The majority of private operators are ex-police officers. (Private operators, Nizhniy Novgorod)

Each operator has someone behind him. It might be police, criminals, officials. (Official, Kazan)

Each Gazelle has someone behind it. It might be a police officer, tax administrator or legislator of some sort. (Municipal operator company, Ulyanovsk)

During the 2000s, the system changed a little.

City officials introduced a corrupt scheme. An affiliated operator company wins, but cannot actually satisfy contract obligations. Later this company comes to an operator who has worked here before the contract procedures and offers them subcontracting work. The affiliated company is actually a parasite, unnecessary link in the economic chain. (Private operator, Nizhniy Novgorod)

Lobbying is an important condition to support private property rights for routes. Moreover, lobbying suggests advantages in service provision through the redistribution of profitable routes to affiliated entities. There are several publications on this issue in the professional press, blogs, and Russian academic literature—for example, in Barnaul [Zyuzin 2012], Ulyanovsk [Eliseev 2013], Omsk [Grannik 2013], Saratov [Kass 2015], Syktyvkar [Bobrakov 2016], Petrozavodsk [Otkritoe Pismo 2016], Omsk [Enkvist 2016], and Ryzan [Kravtsov 2016].

This aspect, however, is contradictory. It is unclear why someone would purchase the opportunity to establish a route from officials if the officials themselves are beneficiaries of private operator companies. Moreover, it becomes more complicated when we consider the unsustainability of the property rights for routes. For example, a private operator in Chelyabinsk stated that five buses were burned in a year, and 140 tires were burst [Kochkina 2014]. In St. Petersburg, someone has attacked the minibuses of a particular private operator with weapons [Rosbalt Agency 2012]. In Ulyanovsk, all the buses that were parked in a night park were burned (Municipal operator, Ulyanovsk).

A car with no plates stopped behind a bus. Young men (got out of a car and) burst the tires. The bus could not move anymore. You have only one spare wheel but two burst tires. If you have four spare wheels—it does not make any sense. The young men will meet at the next stop. Also, a lot of windshields were broken for a long time. You do nothing with that. You even can't find these people. (Official, Ulyanovsk)

Marshrutka operators spend two or three years in fights and shoot-outs. Then these conflicts were decreased. They took routes, each of them has at least one route and they started to saturate them with Gazelles (Official, Ulyanovsk). Property rights support is not a sustainable arrangement. Owning a route is a matter of continuous challenge from others. Violence here became the single way to overview existing rights. Marshrutka operators highlight an absence of “long term work” and “confidence in the future.” [Private operator, Ulyanovsk]

Such situations stimulates a special relationship between the route owner and the driver. Labor conditions are the key to unfold the stated contradictory role of the officials in the marshrutka service.

System of Plan

Different media recourses describe the marshrutka-based labor relationship as a “system of plan.”

There are a lot of private routes in Yoshkar-Ola city that work on a system of plan basis. The driver delivers a specific amount of money to his patron, while the rest remains with him. This revenue is not taxed by income tax duty, and it is also impossible due to the absence of cashbox control. [Zavalishin, 2013]

Omsk has a similar situation.

You have to deliver a planned sum of money. Fuel is paid for from revenues. Maintenance is the driver's duty. The rest is a wage. [Grannik 2013]

A simple scheme for a marshrutka business is as follows: A driver owns a minibus. Some shady agency gets a route and puts minibuses on it. Half of the earned money, the driver pays to that agency as a tribute, while the rest he spends on fuel, maintenance and a wage for himself. An agency pays officials for establishing the route. Also, they pay police and the Federal Authority for transport oversight for a lack of control. [Buslov 2013]

Kazan showed the same conditions:

Private operators got a route with no money, no buses, actually you can establish a route with nothing except one thing. All this became possible if you visited someone and signed a piece of paper. Afterward, you sold places on that route. I came to that operator, I paid 1000 rubles, and under the jurisdiction of businessman Kolmakov, started operation with my Gazelle minibus. This happened here for quite a long time. Actually, it happened everywhere. (Official, Kazan)

The same scenario was noticed in Ulyanovsk:

A private operator has 10 vehicles. All those vehicles have delivered a specific sum of money to this operator. If you have low capacity vehicles—you have more vehicles on a route. The more vehicles you have, the more money you get. Indeed, rickshaws here are much more profitable. This principle is simple. As a consequence of it, a high capacity of big buses is not interesting for such an approach. Everyone has a plan rate and this fact influences the whole system (of transport service). (Official, Ulyanovsk)

In most cases, drivers are the owners of the vehicles. Sometimes they maintain minibuses by themselves to save some money. The earnings of route owners are rental payments. Owners exploit a route as a means of production by allowing drivers to operate it on a daily basis: “Payment for one vehicle on a route was 50000 roubles. Sometimes it cost 60000. It was enormous money for entering the market” (Official, Ulyanovsk).

Importantly, a route owner does not pay a salary. The condition is quite the opposite—a driver has to pay the route owner for the opportunity to earn some money.

The cost structure for a GAZ-322132 operation suggests a payback period of six months. The PAZ-32053 can “earn money after one year of operation” (Official, Kazan). The biggest vehicle means the biggest cost structure. Also, a high capacity vehicle suggests a different approach to public transport service provision.

What do you need for a profitable operation of a high capacity vehicle? Big bus facilitates a bigger interval between the service in comparison with the Gazelle. If marshrutkas were to compete on one route (a route usually operated by a big bus), then in a one-minute service period, three marshrutkas would be needed, as opposed to one big bus. That is, only a 20-second interval between each low capacity vehicle. We have such examples. There are 180 minibuses per hour on the main street in Tver city. All of them are minibuses and PAZ buses. I was sure that such a service is impossible until I saw the record. Passengers get off minibuses in the second and third lanes from the stop. It is impossible to create a stop for such a flow. PAZ buses drive on tramways and drop off passengers as a tram on the left lane of a street. (Municipal operator, Moscow)

Route owners focus on a plan rate and pay no attention to actual ridership: “Actually, the sum of money earned is blurred for owners. Of course, they are aware of approximate sums, but the accuracy is quite low. The system does not provide an opportunity to know the right sums” (Expert, Moscow).

Sometimes the definition of plan rate suggested sophisticated techniques: “We set self-made devices under seats. We made them from Chinese mobile phones. We took a keyboard and attached a 25-kg spring to it. Nine buttons increase the opportunity to know how many passengers were actually carried” (Expert, Moscow).

In other words, marshrutkas exist due to the danger of the reconsideration of property rights for routes. A daily-based plan rate for drivers and low-capacity vehicles with a short payoff period emerged as a risk reduction strategy. As far as such service continues, contracting procedures suggest bureaucratic coverage for actual privatized routes.

Marshrutkas generate cash daily. This fact is actually a fundamental one: “Cash! It actually doesn’t matter how much. The crucial point is that you have money every day. This is a constant flow of cash with no taxes at all. It is quite hard to find the same in other spheres nowadays” (Private operator, Ulyanovsk).

The financial stability of the “system of plan” is a fundamental condition for such an organizational pattern. Nonetheless, the local government set tariffs, while marshrutka operation generates the profits. Drivers, route owners, and officials distribute the surplus among themselves. In the case of conflicts, violent methods are widely used, with no regard for the results of the contracting procedures. Drivers are responsible for all risks except for “rolling out” a route. In such an approach, officials have a unique opportunity for doubling the sources of rent extraction. First, they sell an opportunity to establish a route. Second, they support property rights for route owners. As a result, there are just two examples in contemporary Russian history of the demolition of a marshrutka-based organizational pattern. A factual nationalization of routes happened in Kazan in 2007 and Moscow in 2017.

The idea of the privatization of routes explains the constraints for its potential as an intervention. Indeed, there are few examples of one owner of routes in different cities. St.Petersburg based private operator “Piteravto” succeeded in interurban bus operations in Karelia [Piter Transport 2015a] and urban bus operation. It also took part in the demolition of the municipal bus operator in Vologda city [Piter Transport 2015b]. The essential role of lobbying efforts and affiliated officials was highlighted in this scenario. On the other hand, “Piter avto” failed to break into Novokuznetsk [Piter Transport 2015c] and Ulyanovsk (Private operator, Ulyanovsk). However, this is a unique example because, in most cases, route networks are operated by local municipal and private operator companies. The organizational pattern of marshrutka-based services suggests a close relationship with specific officials because an absence of specific people means the absence of property rights. The same argument was highlighted in the “feudal” character of the Russian regional economy [Rogov 2016] and the “suzerainties” concept [Humphrey 1991].

Post-soviet market-oriented transformation in Russia was described by Michael Burawoy as a “great involution” process. “Involution” means the demolition of production facilities due to the opportunity to gain profits through intermediary services [Burawoy 1999]. Instead of positive transformations of production, market fundamentalism leads to the promotion of “contraction rather than expansion of output, and the conservation rather than transformation of forms of production” [Burawoy 1999: 7]. Contraction in the context of an intermediary is rent extraction by route owner and official and, therefore, has the same general features. Also, the transformation of public transport actually occurred, but in an other direction.

Burawoy argued that there are two types of capitalism—industrial capitalism and merchant capitalism. Merchant capitalism and “involution” converge as Marxist and institutional concepts with the same analytical results. The anarchy in production suggests a lack of control as a problem for the absence of property rights support. In that way, a Polanyan market-based transformation and dynamism are limited. In the Russian case, the control was taken up at a local level and by violent methods [Volkov 2002].

Spatial Aspect

Marshrutka as a material object was created by interrelations between specific forms of power and labor. The organizational pattern shows the opposite structure compared to the conventional buses (and the electric public transport service). Marshrutkas became a general phenomenon in almost all Russian cities and have universal characteristics. Conventional buses, however, operate in specific spatial conditions. Nonmarshrutka cities are small towns with huge industrial facilities (such as Cherepovetz and Dimitrovgrad). Long-term property rights for route owning, with regard to private companies, is a necessity for the sustainable work of industrial facilities. Changes in the urban transport service will influence the production sector negatively if there is a disruption in the circulation of the workforce. Minibuses cannot carry a lot of people at a specific time of day from one place to another. As mentioned previously, “long-term work” and a cry for “confidence in the future” are presupposed by spatial conditions.

We always had a single owner for a route. And also, no one took care of just their own pocket. (Municipal operator company, Dimitrovgrad)

The route of a tram is not doubled nowadays. Bus operators have not tried to get tram passengers. (Private operator, Cherepovetz)

The public transport service in such cases is based on an approach originating from the USSR. Unlike the “system of plan” approach, such private companies own and maintain their fleet, hire drivers, pay taxes, provide medical examination, and so on. Such companies have more than one operation route and sometimes apply a cross-subsidy approach where loss-making routes are compensated for by profitable ones.

Discussion

The fundamental problem for marshrutka operators is the danger of the reconsideration of property rights of route owners. A route is a mediation between the vehicle and the mobility of people. Paid ridership is essential for marshrutka operation. The difference between cities with marshrutka and cities without is described not only in terms of the continuance of property rights but also through spatial characteristics.

This contemporary view on urban public transport calls for a fresh discussion. For example, issues such as “market” for public transportation and how regulation obscure informal relations between participants must be resolved. Answers to such arguments can influence the mainstream approach to public transport regulation in general [Gwilliam 2008] and in terms of competition “in” the market or “for” the market in particular [Van de Velde 1999]. At the same time, international recognition for the system of plan existence in the “Global South” countries might be elaborated on through the privatization of routes issue. However, this argument suggests empirical findings.

As Rekhviashvili and Sgibnev [2018a] have noted, there are some interesting interrelations between Uber and marshrutka services. Indeed, route owners and Uber CEOs control a paid ridership via technical mediation. So far, marshrutka appears to be the worst public transport service, while Uber-based solutions have the appearance of being the best, even though the differences between the organizational structure of the two transport systems are small.

Privatization of routes is also a “taboo” theme in transportation regarding lobbying efforts [Gossling, Cohen 2014]. The Polanyan approach on the transformation also suggests an analytical development here either due to blurred boundaries between the concept of transformation or the opposite idea of resistance [Polanyi 1944]. In other words, the interpretation of gathered data is needed to further elaborate on the possible outcomes of different approaches to this same subject.

Acknowledgments

The article was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2016–2017 (grant number 116-02-0004) and within the framework of the Russian Academic Excellence Project (5-100).

Supplement

Table S.1

The Sample of the Survey

No	Occupation	Place of Interview	Region	Marshrutka Service
1	Expert	Conference room	Moscow	Yes
2	Municipal operator company	Park, tram	Moscow	Yes
3	Municipal operator company	Cafe	Moscow	Yes
4	Private operator	Conference room	Moscow	Yes
5	Expert	Cafe	Moscow	Yes
6	Expert	Cafe	Moscow	Yes
7	Expert	Cafe	Moscow	Yes
8	Госслужащий	Cafe	Moscow region	Yes
9	Expert	Cafe	St.Petersburg	Yes
10	Private operator	Director's office	Cherepovetz	No
11	Private operator	Director's office	Nizhniy Novrogod	Yes
12	Municipal operator company	Office	Dimitrovgrad	No
13	Official	Office	Ulyanovsk	Yes
14	Official	Park	Ulyanovsk	Yes
15	Official	Office	Ulyanovsk	Yes
16	Municipal operator company	Cafe	Ulyanovsk	Yes
17	Private operator	Office	Ulyanovsk	Yes
18	Official	Office	Kazan	No
19	Official	Office	Kazan	No

References

- Akimov A., Banister D. (2011) Urban Public Transport in Post-communist Transition: The Case of Tashkent, Uzbekistan. *Comparative Economic Studies*, vol. 53, no 4, pp. 721–755.
- Black B., Kraakman R., Tarassova A. (2000) Russian Privatization and Corporate Governance: What Went Wrong? *Stanford Law Review*, vol. 52, no 6, pp. 1731–1808.
- Bobrakov I. (2016) Problemy raboty syktivkarskikh avtobusov imeyut kriminalnye korni [Problems of Buses in Syktyvkar Have Criminal Roots]. *IA "Komiinform."* Available at: <http://komiinform.ru/news/131091> (accessed on 25 April 2016) (in Russian).
- Burawoy M. (1999) The Great Involution: Russia's Response to the Market. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/9140/81f7e4b432162971018fe3e94ce4c4c7335e.pdf> (accessed on 22 January 2020).

- Buslov A. (2013) O tom, kak na samom dele rabotaet kommercheskiy transport [The Way How Commercial Transport Works], *Live Journal*. Available at: <http://mymaster.livejournal.com/338814.html> (accessed on 27 April 2016) (in Russian).
- Cervero R. (2000) *Informal Transport in the Developing World*, Nairobi, Kenya: United Nations Commission on Human Settlements.
- Cervero R., Golub A. (2007) Informal Transport: A Global Perspective. *Transport Policy*, vol. 14, pp. 44–457.
- Dzarasov R. (2014) *The Conundrum of Russian Capitalism: The Post-Soviet Economy in the World System*, London: Pluto Press.
- Eliseev A. (2013) MYP “YET” prodolyaet stavit opyti nad lyudmi [MYP YET Continues Experiments on People]. *Live Journal*. Available at: <http://saboteur-2.livejournal.com/364316.html> (accessed on 5 May 2016) (in Russian).
- Enkvist S. (2016) Za chto platit omich, sadyas v avtobus? [What does Omich Pay For in a Bus?]. *Omsk-Infom*. Available at: <http://www.omskinform.ru/news/93031> (accessed on 15 May 2016) (in Russian).
- Flyvbjerg M. S., Buhl S. (2005) How (In)accurate Are Demand Forecasts in Public Work Projects? The Case of Transportation. *Journal of American Planning Association*, vol. 71, no 2, pp. 131–146.
- Grannik V. (2013) Passazhirskie perevozki v Omske: kaleydoskop mneniy [Passenger Carriage in Omsk: Kaleidoscope of Opinions]. *Avtomobil'nyy transport*, no 9, pp. 2–7 (in Russian).
- Gossling S., Cohen S. (2014) Why Sustainable Transport Policies Will Fail: EU Climate Policy in the Light of Transport Taboos. *Journal of Transport Geography*, vol. 34, pp. 197–207.
- Gwilliam K. M. (2001) Competition in Urban Passenger Transport in the Developing World. *Journal of Transport Economics and Policy*, vol. 35, pp. 99–118.
- Gwilliam K. M. (2008) Bus Transport: Is There a Regulatory Cycle? *Transportation Research Part A Policy and Practice*, vol. 42, no 9, pp. 1183–1194.
- Henderson J. (2009) The Spaces of Parking: Mapping the Politics of Mobility in San Francisco. *Antipode*, vol. 41, no 1, pp. 70–91.
- Humphrey C. (1991) “Icebergs,” Barter, and the Mafia in Provincial Russia. *Anthropology Today*, vol. 7, no 2, pp. 8–13.
- Humphrey C. (2010) Postsovetskie transformatsii v aziatskoy chasti Rossii: Antropologicheskie ocherki [Post-soviet Transformations in Asian Part of Russia], Moscow: Natalis (in Russian).
- Ingvardson J. B., Nielsen O. A. (2017) Effects of New Bus and Rail Rapid Transit Systems — An International Review. *Transport Reviews*, vol. 38, no 1, pp. 96–116, DOI:10.1080/01441647.2017.1301594
- Karchagin E. (2014) Universal'noe v lokal'nom: spravelivost' i gorodskoy obshchestvennyy [Universal in Local: Justice and Urban Public Transport], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seri-*

ya 7. *Philosophiya, Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii = The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*, vol. 4, no 24, pp. 68–78 (in Russian).

- Kass A. (2015) Za tramavai i trolleybysy vstypili svsem mirom [A Whole World Goes for Trams and Trolleybus]. *Svobodnaya Pressa. Povolzhye*. Available at: <http://pfo.svpressa.ru/society/article/137/> (accessed on 25.05.2016) (in Russian).
- Keblowski W., Bassens D., Criekingen M. van (2016) “RePoliticizing Transport with the Right to the City: An Attempt to Mobilise Critical Urban Transport Studies.” *Working Paper*, Brussel: Cosmopolis Centre for Urban Research, Department of Geography, Vrije Universiteit Brussel.
- Keblowski W., Bassens D. (2017) “All Transport Problems Are Essentially Mathematical”: The Uneven Resonance of Academic Transport and Mobility Knowledge in Brussels. *Urban Geography*, vol. 39. no 3, pp. 1–25.
- Keblowski W., Tuvikene T., Pikner T., Jauhianen J. (2019) Towards an Urban Political Geography Of Transport: Unpacking the Political and Scalar Dynamics of Fare-Free Public Transport in Tallinn, Estonia. *Environment and Planning C: Politics and Space*, vol. 37, no 6, pp. 967–984, <https://doi.org/10.1177/2399654418821107>.
- Klopp J. M. (2012) Towards a Political Economy of Transportation Policy and Practice in Nairobi. *Urban Forum*, vol. 23, pp. 1–21.
- Kochkina Y. (2014) Marshrutkam predlozhili vvyti iz teni <[Marshrutkas are Proposed to Step Out of the Shade]. *74.ru*. Available at: <http://chelyabinsk.ru/text/news/868591.html?full=3> (accessed on 15 April 2016) (in Russian).
- Kravtsov A. (2016) Vyzhzhennaya zemlya [Scorched Earth]. *Takie Dela*. Available at: <http://takiedela.ru/2016/05/vyzhzhennaya-zemlya/> (accessed on 17 May 2016) (in Russian).
- MacKinnon D., Shaw J. (2010) New State Spaces, Agency and Scale: Devolution and the Regionalisation of Transport Governance in Scotland. *Antipode*, vol. 42, no 5, pp. 1226–1252.
- Matveev I. A. (2019) Krupnyy biznes v putinskoy Rossii: starye i novye istochniki vliyaniya na vlast' [Large Business in Putin's Russia: Old and New Sources of Power and Influence]. *Mir Rossii = Universe of Russia*, vol. 28, no 1, pp. 54–74. Available at: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-54-74> (accessed on 15 October 2019) (in Russian).
- Minn M. (2013). The Political Economy of High Speed Rail in the United States. *Mobilities*, vol. 8, no 2, pp. 185–200.
- Muleev Y. Y., Blinkin M. Y. (2016) Russian Cities Mobility Culture: International Comparison. *Transport Systems of Russian Cities. Ongoing Transformations* (eds. M. Y. Blinkin, E. Koncheva), Cham: Springer International Publishing AG, pp. 259–272.
- Otkritoe pis'mo [Open Letter] (2016) Predsedateluy Petrozavodskogo gorodskogo Soveta Bondarchyky G. P. i depytatam Petrozavodskogo gorodskogo Soveta vremenno ispolnyauschemy obyazannosti Glavy Petrozavodskogo gorodskogo okryga Miroshnik I.Yu. ot kollektiva rabotnikov PMYP “Gorodskoy transport” [To the Chair of Petrozavodsk City Council Bondarchyky G.P. and to Deputies of Petrozavodsk City Council

- and Temporary in Charge of Mayor Miroshnik from PMYP “City Transport” Staff Members]. *Gorodskoy transport*. Available at: <http://ptzgortrans.ru/news/24032016a> (accessed on 21 April 2016) (in Russian).
- Paget-Seekins L., Dewey O. F., Munoz J. C. (2015) Examining Regulatory Reform for Bus Operations in Latin America. *Urban Geography*, vol. 36, pp. 424–438.
- Paget-Seekins L. (2015) Bus Rapid Transit as a Neoliberal Contradiction. *Journal of Transport Geography*, vol. 48, pp. 115–120.
- Piter Transport*. (2015a) Kareliya-perekhod ot gorodskoy monopolii k regional'noy Kareliya perekhod ot gorodskoy monopolii k regional'noy [Karelia: A Shift from City Monopoly to a Regional Level]. Available at: <https://pitertransport.livejournal.com/46745.htm> (accessed on 21 May 2016) (in Russian).
- Piter Transport*. (2015b) Peterburgskie biznesmeny namerenno bankrotyat krupneyshee transportnoe predpriyatie [Vologdy Businessmen from St.Petersburg are Bankrupting the Biggest Transport Operator in Vologda]. Available at: <https://pitertransport.livejournal.com/46965.htm> (accessed on 21 May 2016) (in Russian).
- Piter Transport*. (2015c) Kholding piteravto rasshiryayet svoyu geografiyu [Holding Company Piteravto Extends the Geographic Reach]. Available at: <https://pitertransport.livejournal.com/55073.htm> (accessed on 21 May 2016) (in Russian).
- Polanyi K. (1944) *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, New York: Beacon Press.
- Rekhviashvili L., Sgibnev W. (2018a) Uber, Marshrutkas and Socially (Dis-)embedded Mobilities. *The Journal of Transport History*, vol. 39, no 1, pp. 72–91.
- Rekhviashvili L., Sgibnev W. (2018b) Placing Transport Workers on the Agenda: The Conflicting Logics of Governing Mobility on Bishkek's Marshrutkas. *Antipode*. Available at: <https://doi.org/10.1111/anti.12402> (accessed on 10 October 2019).
- Rekhviashvili L., Sgibnev W. (2019) Theorising Informality and Social Embeddedness for the Study of Informal Transport. Lessons from the Marshrutka Mobility Phenomenon. *Journal of Transport Geography*. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2019.01.006> (accesses on 25 October 2019).
- Rimmer P. (1982) Urban Public Transport in Smaller Malaysian Towns: Threat to the Trishaw Industry, *Malaysian Tropical Geography*, June, pp. 54–66.
- Rogov K. (2016) Politicheskie korporatsii. Kurs lektsiy Bol'shoy tranzit. Otkrytyy universitet [Political Conglomerates. Lecture Course Big Transition]. Available at: <https://openuni.io/course/2/lesson/18/> (accessed on 7 August 2019) (in Russian).
- Rosbalt Agency. (2012) *V noch's 7 na 8 noyabrya v Kupchino obstrelyali pyat' marshrutok* [On the Night of 7 November Five Marshrutkas were Attacked by Fire in Kupchino]. Available at: <http://www.rosbalt.ru/piter/2012/11/09/1056588.htm> (accessed on 15 April 2016) (in Russian).
- Ryzhkov A. (2018) Local Public Transport in Russia: Regulation, Ownership and Competition. *Research in Transportation Economics*, vol. 69, no C, pp. 207–217.

- Ryzhkov A., Zyuzin P. V. (2016) Urban Public Transport Development: Trends and Reforms. *Transport Systems of Russian Cities. Ongoing Transformations* (eds. M. Y. Blinkin, E. Koncheva), Cham: Springer International Publishing AG, pp. 6799.
- Runnacles T. (1976) Jitney and Other Paratransit Operations Overseas: Some Observations and Implications. *GLC/LTE Small Vehicles Working Party Working Paper SV18*. London Transport.
- Sanina A. (2011) The *Marshrutka* as a Socio-cultural Phenomenon of a Russian Megacity. *City, Culture and Society*, vol. 2, no 4, pp. 211–218.
- Sgibnev W., Vozyanov A. (2016) Assemblages of Mobility: The Marshrutkas of Central Asia. *Central Asian Survey*, vol. 35, no 2, pp. 276–291.
- Shajtanova L. A., Kuznecov A. G. (2014) Sotsial'naya istoriya marshrutnykh taksi g. Volgograda: preemstvennost' slov i razryvy praktik [Social History of Marshrutkas in Volgograd: Consistency of Words and Rupture of Practices]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9: Issledovaniya molodykh uchenykh = Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists' Research*, no 12, pp. 54–62 (in Russian).
- Shoup D. (2011) *The High Cost of Free Parking*, Chicago: Planners Press.
- Silcock D. (1981) Urban Paratransit in the Developing World. *Transport Reviews*, vol. 1, no 2, pp. 151–168.
- Sivkov D. (2014) Mobilis in mobili: oplata proezda i spravedlivost' v marshrutnom taksi [Mobilis in Mobili: Fare and Justice in Route Taxi]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya, Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii = The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*, vol. 24, no 4, pp. 79–91 (in Russian).
- Volkov V. (2002) *Violent Entrepreneurs. The Use of Force in the Making of Russian Capitalism*, New York. Cornell University Press.
- Van de Velde D. (1999) Organizational Forms and Entrepreneurship in Public Transport, Part 1: Classifying Organizational Forms. *Transport Policy*, vol. 6, pp. 147–157.
- Wong Y., Hensher D. (2018) The ThredboStory: A Journey of Competition and Ownership in Land Passenger Transport. *Research in Transportation Economics*, vol. 69, pp. 9–22. Available at: doi.org/10.1016/j.retrec.2018.04.003 (accessed on 20 September 2019).
- Wood A. (2015) Multiple Temporalities of Policy Circulation: Gradual, Repetitive and Delayed Processes of BRT Adoption in South African Cities. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 39, no 3, pp. 568–580.
- Zavalishin O. (2013) Obshchestvennyy transport bez vektora razvitiya <[Public Transport without Development]. *Thrust Jolatrans*. Available at: http://jolatrans.ru/news/read/obshchestvennyj_transport_bez_ektora_razvitiya.html (accessed on 25 August 2016) (in Russian).
- Zyuzin S. (2012) K bankotstvy po rel'sam [Towards the Bankrupt by Track]. *Rossiyskaya Gazeta: Ekonomika Sibiri*, no 5697, p. 20 (in Russian).

Received: July 25, 2017

Citation: Muleev E. (2020) Why do Marshrutkas Exist in One City and Not in Others? Toward a Political Economy of Route in Russian Urban Public Transportation. *Journal of Economic Sociology= Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 2, pp. 99–113. doi: [10.17323/1726-3247-2020-2-99-113](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-2-99-113) (in English).

**Экономическая
социология**
Т. 21. № 2.
Март 2020

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 20, комн. 406
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 21. No 2.
March 2020

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

20 Myasnitskaya street,
room 406
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>